

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Бараков
В. Г. Бондаренко
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
А. И. Казинцев
В. В. Касьянов
Ю. В. Козлов
В. И. Лихоносов
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
З. Прилепин
Н. Г. Пугачева
Л. А. Сычева
А. В. Татарин
А. Л. Факторович
Е. В. Хомутов
С. А. Шаргунов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. М. Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

М. С. Синкевич

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

И. О. Басова

ДИЗАЙН И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР

М. В. Юрченко

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

УЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ № 49

Тираж номера 900 экз.

Свободная цена.

Подписано в печать 01.12.2018 г. Формат 84x106/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано ИП Солодовниковым А.Н.: г. Краснодар, ул. Сормовская, 105.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

БОРИС ЕКИМОВ
ПОМНЮ СВОЕ

Рассказы6

АНАСТАСИЯ КРУГЛОВА
ПЛЮШЕВЫЙ ЗАЯЦ ПО ИМЕНИ ФИЛЯ

Повесть18

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСЕЙ СМОЛЕНЦЕВ

ВРЕМЯ ПРИЗНАТЬСЯ В ЛЮБВИ.....34

АННА РЕВЯКИНА

МЫ С ТОБОЮ ЕЩЕ НИ РАЗУ НЕ УМИРАЛИ..... 40

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

«ХОРОШОБЫТЬ РУССКИМ ПОЭТОМ».....44

ЕВГЕНИЙ ТИЩЕНКО

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ ДО САМОЙ ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ48

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

ЮРИЙ АРТЮХИН

ПОЧЕМУ РОССИЮ НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ ПРОИГРАВШЕЙ
В КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ)

ВОЙНЕ 1853–1856 ГОДОВ?54

ВЯЧЕСЛАВ ТКАЧЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: 1917 – 1920 гг.....60

АНАТОЛИЙ УШАКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЦАРЮ. Записки паломника.....88

ПАМЯТЬ

АЛЕКСАНДР ФАКТОРОВИЧ

ОЧАРОВАННЫЙ РОДИНОЙ.....98

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ГЕОРГИЙ СОЛОВЬЕВ–КРИТИК:

ЦЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.....102

СОБЫТИЕ

ОЛЕГ ШУЛЬГА:

«ЕСЛИ НЕ БУДЕТ БОГА В НАШЕЙ ДУШЕ –

НЕ БУДЕТ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ.....110

НАТАЛЬЯ БАТРАЕВА:

ДОНЕЦКАЯ ВРАТАРНИЦА.....113

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЮДМИЛА ДЕМИНА

ЖИЗНЬ И ДУША В ПРОЗЕ Б. П. ЕКИМОВА.....122

ЮРИЙ ПАВЛОВ

РИФМЫ СУДЬБЫ:

ПАВЕЛ КАТЕНИН – АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ.....126

ВИОЛЕТТА КОРЫШОВА

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ (НЕ) ЧИТАЕМ.....132

ВЛАДИМИР РУНОВ

КОД ЖИЗНИ.....138

ПРОЗА

В этой жизни нет времени и привычки к пустому любованию. Порою осенней невзначай услышишь мая караваны перелетных птиц зываясь душой на печальные кочами весенними будит тебя частливый прилет

БОРИС ЕКИМОВ

Родился 19 ноября 1938 года в городе Игарке Красноярского края. Произведения Б. П. Екимова, продолжающие традиции русской классики и «деревенской прозы» XX века, удостоены Государственной премии РФ, Патриаршей литературной премии и многих других. Живет в Волгограде и Калаче-на-Дону. Редакция журнала сердечно поздравляет Бориса Петровича с юбилеем. Желаем здоровья и новых творческих побед!

ПОМНЮ СВОЕ

РАССКАЗЫ

НЕ ПОМЫШЛЯЙ

Даже в солнечный весенний день на высоких холмах Задонья, на их голых лбах, стылый ветер порою до костей нижет. Вот и стараешься найти приют в какой-нибудь глубокой ложине, стекающей к Дону.

Наверху красит серую землю лишь малая россыпь белой крохотной крупки. В укрыеве овражного откоса — тихо, солнечно. Под ногами пружинит мягкая постель прошлогоднего дубового листа. Нынешняя зелень деревьев прячется до поры в набухших почках. Голые ветви, пустые кроны солнца не застыт. И потому здесь тепло, даже знойно. И празднично.

На подстиле серой листвы ярко сияют золотистые россыпи цветов гусиного лука, калужницы; кротко светят белые, сиреневые, фиолетовые свечки хохлаток. Живой многоцветный поток заливает ложину.

Наверху, на холмах, — стылый ветер, а здесь, в затишке, — солнечный жар, теплая земля в наряде весеннем и дух цветенья. Рай земной, нетревоженный. Сиди и смотри. Дыши терпкой прелью листвы и сладко-душным ароматом хохлаток. Слушай птичьи песни и усыпляющий пчелиный гул. Словом живи, погружаясь невольно в блаженную дремоту, не больно понимая уже: это — явь или сон золотой, который легко спугнуть.

Коричневый большой заяц, вынырнув из кустов, неторопливо проковылял косогором и остановился, замер, не сразу продолжив свой

путь. Видно и он понимал, что теперь не время куда-то спешить.

В один из дней той же весны порою вечерней оказался я на берегу речном. Нынешняя зима в краях от нас северных выдалась снежной. Мы радовались, ожидая у себя, на Дону, хорошего половодья. Так оно и случилось: вешняя, прибылая вода в мае высоко поднялась, затопив луговину, протоки да старицы, лесистые низины, где тополя да вербы оказались по колени и по пояс в воде.

Даже на взгорке, возле бывшей паромной переправы, вода подступила к старым осокарям, обмывая могучие узловатые корневища.

Здесь я и устроился под развесистыми тополевыми кронами.

Просторен Дон в весеннем своем разливе. Просторен и могуч. Низовой левый берег тихо полоняет он, затопляя камышовую да вербовую гущину; берегу правому, горскому, он кажет свою силу, подмывая и руша обрывистые кручи холмов.

Но теперь шумное половодье уже отыграло. Тихие волны поплескивали у ног моих. Тихая вода лежала просторно, широко и далеко в блестящей солнечной ряби.

Просторы и мощь текучей воды неволею завораживают. Это была моя родная река, с детства знакомая и до нынешних лет не оставленная, но сейчас, в вечеряющем свете, в полноводье она

виделась такой могучей, в чем-то таинственной ли, загадочной, как и всякая природная дикая сила.

Молодая, светлой зелени листва тополевая мягко шумит над головой, невеликие волншки поплескивают возле ног. Рядом на большом теплом камне пристроился малый угольно-черный ужонок в золотой коронке. Он отдыхает, греется после долгой дневной охоты в еще холодной воде.

Сидим, провожая день нынешний, которому повтора нет.

Ни о чем не думается, память молчит, со знавая тшету свою, людскую, жалкую рядом с вечным: весна, теплый вечер, текущие воды. Рядом и вместе с вечным, сливаясь с ним: мягкие сумерки, плеск воды, близкое небо, уходящее солнце, малая плоть человеческая.

Городское утро. Та же самая – славная, весенняя пора. Обычные ранние прогулки в нашем невеликом сквере становятся по-весеннему привлекательны. Даже во дворе, выйдя из подъезда, чуешь цветенья дух. Вот они – кусты сирени в тяжелых кистях: белые, фиолетовые, лиловые. Сладко пахнут, перебивая утреннюю дворовую автомобильную вонь. А прежде цвели абрикосы, потом четыре яблони, совсем рядом, возле музея. Нынче пришел черед кустов ненашенских, декоративных: форсиция, словно желтый пламень, костер; скумпия вот-вот покажет себя. А сегодня для меня неожиданно объявилась пышная белая пена кустов, которых я и названия не знаю. На них веток не видно, такой цвет густой: молочная слитая белль от маковки до земли.

Подхожу ближе. Вижу, возле куста стоит человек, как говорится, шапочно-знакомый. Поутру встречаемся на прогулке, здороваемся. И только. Он увидел меня, дождался, спросил, указывая на цветущий куст:

– Скажите... Что это?

Я подумал, что он хочет узнать породу, название куста, которого я не ведал, и потому замялся.

– Вот что это? – повторил он взволнованно.

– Как, откуда?... Такая красота.

Теперь я понял его. Но как ответить?... И все же сказал, скорее самому себе:

– Наверное... Не помышляй, радуйся и благодари.

Он улыбнулся, согласно покивал головой и пошел далее.

Не первый год его встречаю на утренних прогулках. Здороваемся. Лицо у него простое: морщинистое, загорелое; руки – большие, тяжелые. Видно, человек рабочий.

Встречаемся, здороваемся. Но заговорил он со мной впервые.

Славная нынче весна. Пусть и городская. Но абрикосы цвели, яблони. Даже груша нынче объявилась, совсем рядом, под откосом. Хорошо цвела, мощно, чистой белью. Нам бы еще майского дождя с грозой для полноты жизни.

ПОМЕСТЬЕ

Хуторской мой приятель, приехав в поселок, навестил меня в новом моем жилище, где я поселился недавно.

Это был обычный дом в три комнаты, одна из которых достаточно просторная. Оглядев ее,

товарищ мой – человек прямой и серьезный – спросил:

– Ты танцевать что ли здесь собираешься?

Я лишь посмеялся. Но потом, позднее, этот вопрос показался мне совсем не смешным.

Вспомнился хуторской дом приятеля, в котором я часто бывал и жывал. Дом у него обычный для старого, донского, казачьего хутора: бревенчатый сруб, невеликие окошки, деревянные пол, потолок. Печка, которая делит жилье на две половины: горницу и кухню. На выходе – холодный коридор с окном и темная кладовка. Простор весьма невеликий.

Потому и удивился приятель моему новому жилью: «Танцевать собираешься...» В этой фразе звучало еще и осуждение, которое я понял, а потому посмеялся: «Нашел хоромы...»

Ведь и вправду в нашем поселке в нынешние времена новые дома появились: приглядные на вид, просторные, удобные для житья, порою в два этажа, да еще и с мансардой. В них и в самом деле танцы устраивать можно.

Признаться, я завидую просторным домам. Прежде я видел их в странах иных, ближних и далеких. Потом такое жилье появилось в Подмосковье. Правда, заборы тамошние высоки. Особо не разглядишь. Да и неловко в чужие окна заглядывать.

Но издали смотришь на черепичные крыши, большие окна, а то и стеклянные стены. Что-то представляешь... Теплую зимнюю веранду, пусть невеликий, но спортивный зал с теннисным столом, шведской стенкой, а рядом – парная, косточки погреть, а потом окунуться в бассейн. Разве не хорошо?

Сначала – Подмосковье. А потом даже у нас

в поселке неплохие дома объявились. Правда, стоят они кучно, подпирая друг друга. Обычно я думаю или говорю кому-то: «Этому дому – два ли, три гектара земли с лужайкой, леском и озером».

Надо мной посмеиваются. Это у миллиардера Гейтса поместье с леском да озером.

Или усадьба нынешнего американского президента, которой теперь вроде бы владеет наш человек со славной фамилией Рыболовлев. Он же в придачу еще и остров купил в Эгейском море. Конечно же, с домом. Видимо, неплохое поместье. Недаром за него сражалось несколько богачей-миллиардеров.

Спасибо телевизору. Мы все и все нынче знаем: кто, где, с кем, почему и сколько.

Часто завидуем. Порой осуждаем. Как нынче приятель мой, который, оглядев мое весьма скромное жилище, произнес: «Танцевать что ли собираешься?..»

Танцевать мне уже по возрасту поздно. А вот пожить...

Детство мое да отрочество – это старый наш дом. Бревенчатый невеликий сруб: низкий потолок, тесные стены, малые окошки.

Позднее, уже в возрасте зрелом, приезжая в наш дом в летнюю пору, я иногда пытался вспомнить: как мы вшестером здесь умещались? Кто и где? Прикидывал так и эдак и не мог понять. Но чтобы страдали от тесноты, не помню. Может быть, потому, что рано утром уходили на работу, в школу. Дом пустел.

А в пору теплую, уже ранней весной, все расползались: старший брат в сарае ночевал, я – на веранде, тетушка – в тесном коридорчике. Это – ночь. Весь долгий день, с весны и до поздней

осени, проводили мы во дворе. Там – летняя кухня; возле нее, под навесом, – стол. Там – просторный огород, в котором работы хватает всем. А детворе и вовсе раздолье: широкая улица, соседские дворы – словно свои, рядом – степь и речушка Лог, чуть подалее – Дон, лесистое займище. Хватило бы сил и ног, чтобы с утра до ночи...

В дом, под его крышу, навевались редко. Долгое лето он дремал в тиши, в полутьме, за прикрытыми ставнями.

Для меня это – прошлое. Для моего товарища – день сегодняшний. И потому, когда летней порой я приезжаю на хутор, хозяйева, зная обычай мой, говорят:

– В домах будешь ночевать... Надо окна-двери открыть. Чтобы провенулось. Мы туда с весны не заходим.

Так было и теперь, в нынешний мой приезд.

– В домах будешь...

Я ночую «в домах». И дело не только в памяти. Мне нравятся бревенчатые стены, прочные полы, потолок, которым более ста лет и которые никогда не знали краски ли, обоев, прочего лишку. На Троицу полы устилают пахучей травой богородицкой – чебрецом. В запас для зимы на стенах висят пучки душицы, зверобоя, иссопа – донского ладана.

Хорошо в доме дышится, спится легко. Особенно в первый день приезда.

Наутро после крепкого и долгого сна вышел я на крыльцо и неволею замер. С высокого крыльца открывался простор немереный. И взгляду ничего не мешало. Рядом – курчавая зелень задичавших грушевых садов, дальше – огромный луг, высокие меловые обрывы, Львовичева гора

да Кораблева гора, Маяк, Белобочка – курган за курганом высятся, словно стерегут просторную речную долину, чередой уходя в далекую синь.

Обычно, когда я еду в Задонье, на хутор, то на пути дважды останавливаюсь и выхожу из машины.

Вначале на высоком перевале, с которого открывается синее коромысло Дона, – его излучина и все низовое Придонье с блюдцами малых озер, жилками стариц, протоков, сочной зеленью луговин да лесистых займищ. Картина приглядная.

Второй раз останавливаюсь, поднявшись на меловую гору после Малолюбинского хутора, откуда как на ладони видны горбатые барханы задонских песков, которые в ненастье теплятся желтизной, словно греют мир, а в солнечной день спят глаза сияющей белью.

Две остановки в пути. Всегдашние. Чтобы продышаться на высоком ветру. Постоять, озирая просторную вековую землю, нам открытую на короткий, на птичий срок. Постоять, посмотреть, тихо радуясь и вздыхая понятно чему.

А теперь было позднее утро, первый день гостеванья, в котором я многое уже проспал.

Товарищ мой, как всегда на рассвете, съездил, проверил сеточку. Из отворенных дверей летней кухни растекался по двору приманчивый дух жареной рыбы.

– Ты давай шевелись... – подстегнул меня хозяин. – Не потягивайся, а садись, завтракай и погнай. Я уже все продумал. Первым делом переставим сетку. На устье возле камышей сделаем по тине дорожку. Там тина могучая... Протопчем, поставим сетку. Там линь жирует. Возьмем его обязательно. Там лини – в сковороду не

поместишь. Завтракай и погнай...

– Куда ты человека гонишь? – заступилась сердобольная хозяйка. – Успеете, день – длинный.

– Если зевать и потягиваться, ему конца-края нет. А если – в делах, не успеешь оглянуться. Сама знаешь, огород поливаем впотьмах.

И вправду, огород поливали в теплых сумерках. А ужинали при электрическом свете.

Долгий день прокатил колесом. С утра на просторном, камышами зарастающем устье речки ставили сетку с немалым трудом протоптав и пробив для нее длинный прогал в тине да цепких водорослях. Там же, возле речки, в низинах накосили травы для захромавшего теленка.

Ездили к Белому роднику за хорошей водой. Заодно в том же углу, в истоке балки, нарезали дубовых веток для зимы, для бани. И сибирьковых – двор мести. Потом во дворе вязали пахучие зеленые веники. С обеда, не отдыхая, подались через речку на Кораблев бугор за смородиной для вареников и вроде в разведку, чтобы назавтра всерьез заняться смородиной. И попутно отыскать хороших жердел – диких абрикосов для варенья и сушки. Они, степные, бывают лучше садовых: крупные, сладкие.

К вечеру успели сетку проверить. Двух хороших линей подняли да пяток вездесущих карасей-«гибридов». И большую водяную черепаху полчаса из сетки выпутывали. Занесло ее... Потом немалый огород поливали.

Так и прошел день. Ужинали во дворе при лампе, рассуждая о дне завтрашнем. И после недолгих раздумий поход за смородиной решили отставить: она, эта ягода, никуда не денется. Тем более что чуть подалее, за Сухой Голубой,

в посадках тамошних, смородина нынче буйно цвела и майские утренники ее не тронули. Надо проверить.

А завтра с утра, пораньше переделав дела домашние, решили податься за Дон, за раками на озера. Круглое, Лопушное, Шемаристое... А заодно наведаться к старым, еще колхозным скотным базам – летникам. Там шампиньонов бьет море.

После долгого дня в тихом доме я засыпал как-то странно: проваливался в небытие, а перед закрытыми глазами кружил и кружил день нынешний: светлое небо его, синяя речная вода и белая родниковая, зелень и цвет холмов, и огромного приречного луга с фиолетовыми озерцами шалфея, золотистыми ручьями зверобоя по водотокам, жилистым татарником в мохнатых малиновых цветах.

Кружился день нынешний... А потом почему-то стал видеться завтрашний: могучее речное лоно, белый песчаный берег, подмытые водой обрывы – места знакомые. Гнездо орланов-белохвостов на старом тополе. Песчаная белая дорога по дубняку, а потом через протоку. И озера... Поплутное, Банное... Бобровые запруды, ондатровые хатки. Светлые, видимые пути речной выдры по дну, под водой. Крестовое озеро, Песчаненькое... Там – сазаны. Тихая вода в укрые старых тополей да верб.

И вот тут, уже в полусне, меня вдруг осенило. Я вспомнил свои недавние мечты ли, грезы о жилье и житье просторном, которое отлично от городских этажей, окон, балконов, лоджий или усадеб в пригороде: два ли, три этажа, двор, цветник. И даже для всего мира завидное: собственный остров Скорпиос в Эгейском море...

Всего лишь малый островок длиной в километр.

Завтра, через Дон переправившись, нам шагать и шагать.

Здесь придонские озера раскинулись тремя просторными полукружьями, подпирая друг друга. Коромысло первое, второе и третье. Размах километров в двадцать. Десяток верст вглубь. В первом ряду Крестовка, Лопушное, Шемаристое, Большое да Малое Слуховое, Круглое. Чуть поодаль, такой же дугой: Поплутное, Свинорой, Куги, Клешни, Синие Талы. И последние, самые большие и глубокие: Бурунистое, Песчаненькое, Лубники.

На следующий день мы добрались и до них. Это был долгий день, в котором уместилось многое: лесные, затравевшие дороги и тропы, тихие озера, окраины которых процеживали мы бреднем. Больше впусую.

Говорливый приятель мой не в первый раз вспоминал прошлое, когда здесь сено косили, запасались дровами; в конце лета, в обмелевших озерах рыбу ловили считай руками; в свою пору рубили вербовую лозу для плетней-заборов и всякого рода корзин, а озерным чаканом ли, рогозом крыли дома, сараи, да еще плели удобные для домашнего быта сумки: «зембели» да «кошелки».

За долгий день в нашем пешем походе не встретили мы ни одного человека. Лишь на Дону протарахтела чья-то моторка, поднимаясь вверх. А в лесном займище – только птичьи песни. Да любопытные черные норки шныряют на берегах озер. Редкие следы кабанов, их порою, где они лакомятся сладкими корнями рогоза. Вот и все. Молчаливые травы. Шепот листвы в вершинах деревьев.

Поздним вечером, уже готовясь ко сну, при-

сел я на перила высокого крыльца. Летний розовый закат остывает долго, порой до полуночи. От реки в такую пору наплывает парное тепло, и потому звуки и запахи вечерней жизни выступают отчетливей. Чуялся острый дух раков вареных и укропа – приправы к ним – наша трапеза, и сладковатый – кипяченого молока, которое хозяйка оставила на ночь во дворе.

Птицы стихли. Летучие мыши бесшумно реяли рядом. Погромыхивал цепью дворовый пес, устраиваясь на ночлег. Где-то совсем далеко протяжно и по-детски потерянно-тонко теленок звал свою непутевую мамку.

В этой вечерней тиши осязаемо чуялся покой и простор, никем не тревоженный и огромный.

И снова мне вспомнился остров Скорпиос и его счастливый хозяин. Но вчера ли, сегодня, а может быть, лишь сейчас очень ясно, отчетливо понял я, какая малость этот знаменитый собственный остров, за который сражалось несколько богачей-миллиардеров, но победил, заплатив немислимые для мира, шальные деньги недавний землячок наш со славной фамилией Рыболовлев. Теперь он – хозяин поместья, в котором главное не дом, а собственный остров – кусок земли в море Эгейском длиной почти в один километр и шириной вчетверо менее.

Мой товарищ, хуторской мой хозяин, владеет иным, много и много большим.

Дом его – не больно великий, но крепкий, бревенчатый. Рядом – летняя кухня, там – печка, стряпня и ночлег. Но вся его жизнь протекает не в тесных стенах под крышей. Двор, базы, стойла скотьи и птичьи, огромный огород с грядками, лунками, плодовыми деревьями и кустами. Но все это – лишь малая, крохотная часть владенья.

Главное – вокруг, далеко и рядом: просторная земля, которую взглядом не окинешь.

Обезлюдивший хутор с его пустошами, выгонами, скотьями толоками и немереная округа: приречный луг, холмленая долина малой речки – донского притока, береговой лес, за ним – Дон, до него ходу немного. У берега – лодка. Хочешь, плыви на Голубинский остров, там лещ берется, на Клешни, под Белую гору, – сомов попытать, к Желтому мысу, на быстрину и суводь – за жерехом или на левый берег, где вовсе простор: озера, старицы, протоки. А по тверди земной, степными дорогами, тропами: Ремнево, заросшее колючим шиповником, давно заброшенные Желтухин сад да Гусаркин, Якубов кут да Сазонов. Красные яры с журчливыми перекатами, Семибояринка, Большая яруга... Пешком ли, а когда ног жалко – на велосипеде, подалее – на машине. Пыли да пыли... Вверх по Дону: на Картули, Кисляки, Герасимов, а то и Сиротино. «В Сиротину – пешком, на горбу с мешком», – так в старые времена говорили. Теперь – иное. В другую сторону, вдоль малой Голубой речки – к Теплому хутору, к Найденову и выше, до самого истока на перевале, у Венцов, и далее к хутору Муковнину, где из Булавинских да Каменских родников другая малая речка рождается – Лиска.

Рыба ли, грибы, шиповник, боярка, смородина, пахучие травы, скотья выпасы, сенокосы, по весне – лазоревый цвет да ландыши. Все это для моего товарища свое, привычное. Он здесь родился, вырос и теперь живет на своем поместье.

Обыденность бытия, когда будто не замечаешь щебета ласточек, их быстрого лета, го-

лосистых по весне скворцов, тихого переклика щуров в поднебесье, соловьиного боя, высокого неба в коротком, перед восходом, утреннем розовом разливе или вечернем, долгим торжественном полыханье.

Всего этого будто не замечаешь. Как и простора земного. Просто живешь этой жизнью, своими заботами и трудами. Но внимаешь всему. Знаешь, сколько гнезд ласточки нынче слепили на твоём подворье; приходишь на помощь им, когда сороки или змея-«желтопуз» зорят гнезда с яичками да птенцами. По весне, ожидая скворцов, чистишь их деревянный домик; иначе они могут не поселиться. Соловьиные трели порой тебя остановят поздним вечером. Встанешь и слушаешь. И алые степные тюльпаны, душистые ландыши в свою пору приносишь в дом. Для жены, для себя.

В этой жизни нет времени и привычки к пустому любованью. Но порою осенней невзначай услышишь, поднимешь голову и замрешь, провожая караваны перелетных птиц и отзываясь душой на печальные клики. А ночами весенними будит тебя их неистовый, счастливый прилетный гогот.

Полноту этой жизни и потому привязанность к ней не вдруг объяснишь, когда спросят.

– Ну... Тут у нас... Как-то просторночко... – когда-то ответил мне мой приятель; и в подтверждении слов своих – долгий огляд во все стороны: белью сияющая Львовичева гора, могучий Прощальный курган, речная долина, уходящая вдаль, береговой лес.

Смущенная улыбка. И облегченный выдох. Разве не понятно?..

И ведь в самом деле «просторночко»: от Бу-

лавинских родников до Бурунистого лишь на прямую, птичьим летом около сотни верст. Это вам не остров Скорпиос – всего лишь в один километр длинной, а поперек – много менее.

ВСЕ ВЫШЕ...

Нынешний год весна к нам припоздала: дождало да хмурилось, солнца, считай, не видели. Лишь в середине апреля посветлело, потеплело, зазеленело, а потом чуть не разом все зацвело в садах, в степи. В такую пору под крышей не усидишь. Душа просит простора, воли.

Вот и поехал я прогуляться, провеяться. Миновал поселок. Проскочил по мосту через Дон; с асфальта свернул, сбавив ход. Катил и катил помаленьку, а потом и вовсе встал на обочине грунтовой, обсохшей дороги.

Смолк мотор, и сомкнулась потревоженная машиной тишина. Но это не была глухая осенняя ли, зимняя тишь. Это пришла, наконец, весна.

Не загадывал я, куда ехать и где останавливаться. Но, как говорится, Бог припутит к месту славному. С холма высокого открывался земной простор на долгие и долгие версты, вмещающая в себя темную зелень хлебных полей, серебристые ковыльные да полынные непаши, белесые солончаки, отроги балок, заросшие тернами да диким миндалем – все в цвету, словно в пахучей пене, белой да розовой.

Людские селенья: Пятиизбянка, Кумовка – далеко внизу, возле Дона; в полях – тишина: отпахались, отсеялись; лишь редкие ныне, осторожные суслики посвистывают, сторожа покой.

Это – на земле, а в просторном небе – чистая

синева, яркое солнце и птичьи песни. Высоко в поднебесье тонко позванивают острокрылые шуры, порой вспыхивая в солнечном луче яркой желтизной, словно оправдывая красивое имя свое – шур золотистый. В песчаных да глинистых обрывах верещат ласточки-береговушки. Кое-где на пригорках токуют хохлатые удоны, распуская да складывая свой нарядный гребень. Но главные певуны, конечно, жаворонки. Их немало у нас, этих невеликих, невидных, сереньких птичек: степной, малый, рогатый и, конечно, – хохлатый, который зимует здесь, с нами, в снежную пору стайками перепархивая по высоким сухим травам да по обочинам дорог в поисках скудной пищи. Он первым встречает весну на обтаявших пригорках, пожуркивает, но не поет.

Нынче пришел его час – пора жаворонка: весеннее тепло, ожившая степь, яркое солнце. Эту малую птаху не вдруг и не всякий увидит на земле и в небе: серенький комочек перьев. Но как поет! Переливчато, звонко, за трелью трель.

И у всякого певца свой обычай: одни на земле пожуркивают, словно пробуя голос; другие на низком кусте выводят рулады; но самые голосистые, конечно, в небе, на взлете или в долгом паренье.

Вот он поднимается, все выше и выше. И вовсе пропадает. Но все звонче его переливчатая трель. Один жаворонок, а рядом – другой. Их много и много. Кажется, что это степь поет весенним звенящим многоголосьем. Слушаю, поднимаю голову, долго гляжу, жаворонков в небе выискивая, шуюсь от солнца. И вот оно,

словно награда. Не серый комочек, но серебристая птица вспыхивает. Ясно вижу, как сияют, пронизанные солнцем крылышки в полном размахе, трепете и веерок хвостового оперенья. Сияют и слепят. Опускаю глаза. Но вижу эту серебристую сказку, словно виденье.

Просторная зеленая степь, высокая синева, солнечный полуденный жар и звенящие трели.

Это уже не птицы, это земля и небо поют, славят весенний день, как счастливый час воскресенья.

В такую пору о времени забываешь. Так было и теперь. Слушал, дышал, смотрел. Потихоньку куда-то брел, тихо радуясь могучему терновому цветку, тонкому духу его, кипучему муравейнику, золотистым россыпям гусяного лука, редким ныне колокольцам сон-травы, густо-синим, с нежной опушкой; полянам алых цветущих маков.

Из-под ног моих то и дело вспархивают жаворонки. Взлетит, зажурчит и утонет в высоком небе, посылая за трелью трель, словно весть благую, всему белому свету, а значит, и мне, грешному. Спасибо... И спаси тебя Бог, милая птаху.

Так я брел и брел, весной замороженный, пока не почуял ли, не увидел тени облаков, бегущие по земле. Тень и свет. Облака были белые, высокие. Словно в паруса подгонял их неспешный северный ветер. Значит, будет меняться погода.

Пора было уходить, уезжать из этого тихого просторного мира.

Подошел я к машине и еще раз, словно прощаясь, взглядом обвел близкую и далекую зем-

лю: хлебные поля, далекие в синем мареве курганы, близкие лощины, потом поднял глаза к небу и вдруг увидел большую белую птицу, которая стремительно уходила вверх. Сначала я не понял, начал гадать. Белая цапля? Нет. У нее тяжелый полет. Лебедь? Нет. Вроде, чайка... Но слишком быстрые, резкие взмахи крыл. Белая птица уходила все дальше и выше. Рядом – облако. Белая птица ныряет в него, пронизывает. И вот она снова на синеве. Все выше и дальше. Кажется, это лунь. Лунь степной. Белый испод, узкие крылья, быстрый полет. Но я уже не гадаю, а просто смотрю, радуясь.

Все дальше и выше уходит белая птица, пронизывая за облаком облако, все больше утопая в синей бездонной глубине. Скоро она исчезнет.

Смотрю, радуюсь, завидую. Полету, далекому небу, белым пушистым облакам. Тем более что ведомы и мне радость и счастье полета.

Кажется, еще недавно я так же, как эта белая птица, летал и летал. Во сне. Помню и теперь эти полеты. Не раскрылатившись, но протянув и прижав руки вдоль тела. А голова поднята, чтобы видеть. Вначале над землей низко и быстро. Мелькают дороги, строенья, деревья – все земное. Но прочь от него и – вверх. Все выше и выше, пронизывая и купаясь в белых пушистых облаках. Все выше... С замиранием сердца. Все выше и быстрее... Как эта белая птица, которая ушла, улетела в далекую неведомую синь.

Она не искала там поживы. Степные луни кормятся от земли. Это был просто счастливый полет сильной красивой птицы в ясном весеннем дне. Все выше, и выше, и выше...

ПОМНЮ СВОЕ

Обратилась ко мне племянница за советом: нужен хороший репетитор по математике.

Вчера ей позвонила учительница, классный руководитель, сказала: «Ваш сын дроби не понимает. Наймите репетитора, иначе будет двойка». Вот и пришла племянница с вопросом: «Кого нанять? Кто у нас в поселке математик хороший?»

Подумали, поспрашивали, нашли выход. Но у меня, человека старого, появилось еще одно нынешних времен недоумение: классный руководитель, она и ведет математику; а вот с «дробями» пускай репетитор занимается. Иначе – двойка.

Для меня это – непонятно и дико еще и потому, что помню свое, давнишнее, но бывшее. Помню отчетливо: идет урок, у классной доски мучается Витя Гуляев или Валентин Быков, а рядом Раиса Семеновна или Клара Сергеевна – молоденькие у нас были учителя в семилетней школе № 2. Гуляев, Быков, Лузиков – друзья мои, по соседству живем. Вместе в школу идем. А вот возвращаемся иногда порознь. Учатся мои друзья не больно хорошо. И потому нередко слышат от одной ли, другой учительницы: «Гуляев, Быков... Остаются после уроков».

«После уроков» – это занятия дополнительные с учениками нерадивыми. Отстающими их называли. Снова и снова им объясняют, диктуют, втолковывают. Ученикам, конечно, несладко после уроков сидеть, но и учителям – хорошего мало. У них – свои семьи, домашние дела и заботы. А тут – снова и снова: «После шипящих

слышится «ы», а пишется «и»... Понятно? Пишите: «Пушистый, жирный, широкий...»

Непросто было учителям. Но доставалось и нам, ученикам успевающим, а мне – «отличнику» – тем более. «Подтягивать отстающих» – так это называлось. На пионерских, на классных собраниях главный вопрос – помощь отстающим: прикрепить к ним «отличников» да «хорошистов», и чтобы «подтягивали». Отличников было не больно много. После четвертого класса, кажется, я – один. Вот и «прикрепляли». Конечно, к Вите Гуляеву, он жил недалеко. А еще – Колька Семенов, брат и сестра Лебединки, Быков Валентин. Одному математика не дается, у другого – русский, потом и вовсе пошло – физика, химия, геометрия. Занимались. И был от этого толк. Особенно в младших классах. Позднее началось иное: «Дай списать!» Особенно математику, физику, геометрию. «Дай содрать».

Времена были трудные. Детвора хуторская училась недолго: пять ли – шесть классов. И уходили работать. В колхозе всякие руки нужны. Наши поселковые учились дольше: семь ли, восемь классов, а кто-то и дальше, порой с трудом, но тянул. Таким помогали. Опять-таки учителям доставалось: «Остаешься после уроков, на дополнительные...» И мне – «отличнику» – нагрузка: заниматься с отстающими, с теми, кто поближе живет: Костя Карагичев, Алексей Калмыков, Петро Москвичев... Костя признавал лишь одно: «Содрать!.. Не морочь голову. Давай тетрадку». Списывая у меня задания домашние, он лишь одного опасался: как бы на

«пятерку» не налететь. Сразу поймут учителя. И потому просил: «Подскажи, где ошибки сделать». А вот Алеша Калмыков всерьез принимал помощь: слушал меня, старался понять, потел от напряжения. Десять классов он все же окончил, а потом ушел в армию, во флоте служил. Встретились мы лишь единожды. Он был при форме: бескозырка, широкие брюки-«кlesh», полосатый воротник и «тельник». И всегдашняя Алешкина улыбка: от уха до уха. Таким его и запомнил.

Это – о прошлом. А речь ведь о нынешнем. С племянницей и сыном ее, слава богу, разобрались. Освоил он дроби.

А через короткий срок в какой-то газете под занимательной рубрикой «Вся la vie» прочел я историю, которая всколыхнула еще не остывшее. Тоже о школе речь, о столичной. Суть простая: списать домашнюю работу у одноклассника – только за денежную плату, а если еще и с объяснением, то вдвое дороже. Слова школьника: «У нас в классе все так делают... Любой труд должен быть оплачен».

Прочитал я, повздыхал, а потом, пошарив в ящиках письменного стола, достал невеликий пакет со школьными фотографиями, которые делались в конце учебного года. Приезжал фотограф в заранее назначенный день. Рассаживались: первый ряд, второй, третий. В центре классный руководитель – Ольга Семеновна.

Черно-белые снимки. Вот они – мы: совсем малые, а потом взрослеющие. Первый класс, второй, четвертый... Последний – седьмой.

Коля Вишняков, Коля Арьков, Лена Еремина, Нина Беленькова... Помню всех.

Помню время, которое нынешнему не чета: послевоенное, голодное, о хлебе мечтали; чтобы не желудевые лепешки, не пустые щи с лебедой, не тыква да свекла, а хлебушка – досыта. Но вот чтобы «зарабатывать мозгами», требуя от друзей-одноклассников какую-то плату за «домашку»... Такого и в мыслях не было. Потому, наверное, и расставались по-доброму, позднее встречались тепло.

Теперь вот – старые фотографии да светлая память. ■

АНАСТАСИЯ КРУГЛОВА

17 лет. Учится в гимназии
№ 6 города Сочи в 11 «Б» классе.
Дебют.

ПЛЮШЕВЫЙ ЗАЯЦ ПО ИМЕНИ ФИЛЯ

ПОВЕСТЬ

*Дети и война – нет более ужасного сближения
противоположных вещей на свете.*

А. Т. Твардовский

ШУРКА В ДЕТСКОМ САДУ

Любила ли Шурка ходить в детский сад? Да, очень любила. Когда мама впервые привела ее туда, а потом пришла забирать, Шурка разревелась, вцепилась в воспитательницу – и ни в какую! Хоть что делай! Еле утащили ее домой.

Теперь Шурка была уже в старшей группе, без памяти любила свою воспитательницу (вообще-то их было две, но одна вскоре уволилась) и имела кучу друзей, самыми верными из которых были Валерка и Андрюшка.

– Нет, вы послушайте только, Елена Алексеевна, вы только послушайте, что произошло! У меня чуть инфаркт не случился! И все из-за поведения вашей Саши!

– Александра, ты что это?

– А что?

– Вот и я спрашиваю, что?

– Мама, мы просто играли...

– Они, понимаете ли, просто играли! – снова возбужденно заговорила воспитательница.

– Да! В путешественников!

– А вчера вы играли в дикарей. Чуть детский сад не спалили! Перемазались все, как чушки, полчаса потом вас отмывали! И как еще не обожглись, удивительно!

Шурка вздохнула. Она не понимала, почему воспитательница так сердится. Что такого они сделали?

Просто убежали с площадки, где играли детсадовцы, нашли укромное местечко, разожгли костер (Валерка принес из дому спички) и стали жарить на костре шашлыки из маленьких пластилиновых шариков, которые сделал Андрюшка. Только начали – прибежала воспитательница. Закричала, затушила костер и всех троих отправила в группу мыться, потому что перепачкались.

И тут случилась новая история. Первой пошла мыться Шурка. Она залезла в ванную. Нянюшка намылила ее и, вспомнив, что не взяла свежее полотенце, на минутку вышла. А Андрейка и Валерка, дураки такие, только того и ждали. Они вбежали и, хохоча, раскрыли шторку.

– Ах! – вскрикнула Шурка.

И как была намыленная, выскочила из ванной, намереваясь накостылять обидчикам. Мальчишки побежали в раздевалку, и надо же было такому случиться, что именно в этот момент вернулась воспитательница с детьми.

– Ой! – вскрикнули все дети разом. – Шурка голая!

И стали смеяться.

А однажды еще вот что случилось. Валерка долго болел. Наконец пришел в детский сад и показал Шурке великолепный новенький джип.

– Ух ты! – восхитилась Шурка.

Она знала толк в машинах. У ее старшего брата Лени было много машинок. Он часто показывал ей их и рассказывал о происхождении каждой марки.

– У тебя, что ли, день рождения был?
– Нет. Мне мама подарила джип, потому что я заболел, а ей меня было жалко.
– Здорово! А чем ты болел?
– Ангиной. Воды холодной напился.
И Шурке тут же захотелось срочно заболеть. Она подбежала к крану, но Валерка крикнул:
– Не выйдет! В кране вода слишком теплая.
Они вышли на улицу. Недавно прошел дождь: небо затянуло облаками, и везде были лужи. Возле одной такой лужи Валерка вдруг остановился, задумался на секунду и сказал:
– Вот здесь вода, должно быть, холодная!
– Ты хочешь, чтобы я пила из лужи?
Валерка вздохнул:
– Больше неоткуда.
В другой раз Андрейка спросил Шурку:
– А ты знаешь, как устроена розетка?
– Нет.
– Давай посмотрим?!
– Давай!
Они побежали в кухню, где варила суп повар тетя Соня, подбежали к розетке за холодильником, выдернули вилку. Хотели по-быстрому отвинтить гвоздем закрепляющий розетку винтик – не получилось. Тогда Шурка решила этот гвоздь сунуть в розетку и...
– Ай-ай-ай! – завопила Шурка не своим голосом. Заплакала – видимо, шибануло. Хорошо, что получила лишь ожог пальцев. Могло быть и хуже.
На кухне сразу выбило пробки. А тетя Соня как раз в это время держала в руках кастрюлю с супом. Кастрюля подпрыгнула и грохнулась на пол. Дети остались без первого, а Шурка на всю жизнь запомнила, что ничего в розетку засовывать нельзя.
Однажды после выходных Валерка пришел в детский сад с заплаканными глазами. Он ни с кем не хотел разговаривать, а когда пришла Шурка, пожаловался:
– Я на выходных в цирк ходил, там было так интересно! Я спросил маму, когда мы еще пойдем, а она говорит: «Когда рак на горе свистнет». Когда он свистнет?

– Не знаю. Пойдем, спросим у Нины Артемовны. И они пошли к воспитательнице. Она в это время разговаривала с другой воспитательницей, что Шурку ничуть не смутило.
– Нина Артемовна! – крикнула она, хватая ее за руку.
– Саша, во-первых, не кричи. Во-вторых, как тебе не стыдно, я разговариваю со взрослым человеком...
– Нина Артемовна, когда рак на горе свистнет? Строгость мгновенно сбежала с лица воспитательницы. Она засмеялась, взъерошила Шурке волосы и прижала к себе:
– Чудо ты мое в перьях! – проговорила она сквозь смех. – Нет, это ж надо такое спросить! Ох, Шурка, Шурка!..
– Нина Артемовна, чего вы смеетесь?
– Рак на горе никогда не свистнет. Он вообще свистеть не умеет, – ответила за Нину Артемовну другая воспитательница, – когда так говорят, это значит никогда.
– Как никогда? Значит, Валерка никогда не пойдет в цирк? Так не пойдет!
Нина Артемовна сейчас же перестала смеяться.
– Саша, ты что опять задумала?
Но Шурки уже и след простыл.
После полдника дети вышли на улицу. И так получилось, что вскоре пришли мамы и Шуркина, и Валеркина одновременно.
– Здравствуйте! – сказали они.
– Здравствуйте! Валера, мама пришла! Саша... Боже мой, где Саша? Дети, вы Сашу не видели?
– Нет.
Валерка прибежал к маме. Он снова без всякой надежды спросил:
– Мама, ну когда мы в цирк пойдем?
– Я же тебе сказала: когда рак на горе свистнет.
– А если он не свистнет?
И в ту же минуту на пригорке за детской площадкой раздался тоненький неумелый свист.
– Рак! – обрадовался Валерка. – Мама, гляди – рак!

На пригорке шевелилось что-то красное. Валеркина мама, поправляя очки, посмотрела в сторону пригорка. Шуркина мама встала рядом с ней. Рак вдруг с пригорка сполз и, крикнув радостно: «Ой, мамочка пришла!» – кинулся к Шуркиной маме.
– Странно, – сказала Валеркина мама, – никогда не слышала, чтобы раки бегали, да еще кричали человеческим голосом.
А «рак» уже висел у Шуркиной мамы на шее.
– Чем ты измазалась, бестолковая девчонка?
– Краской!
– Сколько раз я тебе говорила, что свистеть в общественных местах неприлично?
– Мамочка, я только один разочек... Я ведь хочу, чтобы Валерка в цирк пошел!
В следующее воскресенье они с Валеркой и его мамой пошли в цирк. Они видели там акробатов, клоунов, воздушных гимнастов, тигров и обезьян. Было очень весело и интересно.
А сегодня они решили стать путешественниками. И не игрушечными, а настоящими, чтобы обязательно побывать в других странах. Для начала хотя бы в одной.
Началось все с физкультуры, самого любимого Шуркиного занятия из всех занятий в детском саду. Инструктор разбил старшую группу на две команды, и Шурка оказалась в конце одной из них, а значит, от нее зависела победа в эстафете. Шурке пришлось бежать с девочкой, которая была гораздо быстрее нее. До последнего она обгоняла Шурку, но в конце концов, ободренная неистовыми криками своих товарищей по команде, Шурка вылетела вперед и первой достигла финишной черты.
– Молодец! – похвалил инструктор. – Чемпионкой мира будешь!
– Как это?
– Значит, разные страны победишь.
– А как туда добраться?
– На самолете можно полететь.
– Вы слышали? – обратилась Шурка к Андрейке и Валерке после занятия. – Нам надо обязательно посмотреть другие страны!

– Где же мы деньги на билеты возьмем?
– В копилках.
– А из садика как убежим?
– В тихий час, пока никто не видит.
Но убежать у ребят не получилось, у ворот их поймал охранник.
– Представляешь, какая неудача? – пожаловалась Шурка маме, когда они вышли из детского сада.
– Да уж, представляю. Но ничего, подожди чуть-чуть, может быть, скоро твое желание исполнится.
На следующий день, придя в детский сад, Шурка еще с порога крикнула:
– Ребята, Андрей, Валерка! Я уезжаю в другую страну!
– В Японию?
– Нет, на Украину – в город Луганск!
– Везет тебе! Мы тоже хотим с тобой!
– Со мной нельзя, папа по делам едет. А мы – с ним, а потом на море отправимся. Да вы не грустите, я скоро вернусь!
Когда вечером Шуркина мама пришла за Шуркой, она подтвердила сказанные дочкой слова. Ребята грустили.
– Поезжайте, – сказала Нина Артемовна, – отдохните, сейчас как раз лето начнется... На Украине, должно быть, хорошо, и на море, конечно, тоже. Только скажите, когда вернетесь.
– Как только муж в Луганске с делами управится, сразу уедем на курорт к Черному морю, поплаваем, позагораем. Через месяц, думаю, домой вернемся.
– Смотри, Саша, будь умницей, маму слушайся. Я тебя буду ждаты!
– Я буду слушаться!
– Ну, до свидания! Счастливого пути!

ЛУГАНСК

Они подъехали к Луганску рано утром. Город широко распахнул перед ними свои объятия. Он дружески принимал их, этот зеленый незнакомый город. Он встретил их запахом сосен, журчанием реки, пением птиц и... рассветом.

Рассвет — это настоящее чудо природы. Темно-серое туманное небо вдруг стало нежно-розовым, будто какой-то неведомый художник провел по нему тонкой кистью. И еще раз, и еще. Но вот взошло солнце, туман рассеялся, и все засияло.

«Хороший город!» — подумал Леня и оглянулся на Шурку. Та мирно спала на заднем сидении машины, положив голову на мамины колени. Ее разбудили лишь тогда, когда подъехали к гостинице.

Отдыхали они здорово. В первый же день гуляли по городу. Оказалось, Луганск — прекрасный город. Здесь жили знаменитые люди, один из которых Владимир Даль, автор знакомого всем «Толкового словаря живого великорусского языка». Еще здесь находился музей Пеле — величайшего и известнейшего бразильского футболиста всех времен и народов. Леня был от музея в восторге, а Шурке гораздо больше музея понравился парк сказочных скульптур под названием «Сказочный мир». Здесь были и «Маша и медведь», и «По щучьему велению», и «Соломенный бычок», и «Три поросенка», и «Пчелка Майя» и много-много других. Фотографируясь у скульптур, Шурка корчила такие уморительные рожицы, что проходящие мимо люди, глядя на нее, невольно улыбались.

Узнали, что в Луганске есть «море», которое называется Луганским, — это водохранилище на окраине города. На второй день они катались на лодке по Луганскому морю, ловили рыбу (поймали не очень много, однако удовольствие получили).

На третий день были на аттракционах в столичном парке культуры и отдыха. Там же, в парке, Шурка увидела зоопарк, и ей очень захотелось пойти туда, но он уже был закрыт. Шурка расстроилась, потому что знала: завтра папа закончит свои дела и они уедут.

— Не расстраивайся, Сашенька! Завтра утром еще успеем в зоопарк сходить, — сказала мама.

Утром они действительно пошли. Только не в зоопарк, а в — подвал гостиницы.

ВОЙНА

В то утро Шурка проснулась от какого-то шума, грохота и криков. Она вспомнила, что вчера в парке аттракционов возле тира тоже было шумно. И играла веселая музыка. И в такт этой музыке веселая черноволосая девчонка, примерно одних лет с Шуркой, в голубом платьице, обшитом снизу белыми полосками, с морским широким воротником и синим галстуком, ловко прокалывала надувные шарики дротиками. Она все шарики полопала и заработала приз — большого плюшевого зайца с длинными ушами и большими синими глазами. А ведь дротиков-то было целых шесть!

Шурка вскочила с кровати и кинулась к окну, возле которого стояли встревоженные родители и Леня. Она была уверена, что за окном происходит что-то очень интересное.

— Папа, что это?

— Это война. Ох, не надо было нам заезжать сюда...

Шурку как током ударило. Она не до конца поняла значение сказанных папой слов, но такой тревожный был у него голос, что Шурке стало жутко, по всему телу пробежали иголки, захотелось плакать. Она вцепилась в мамино платье и посмотрела в окно.

В это время на улице завывала сирена и слышались залпы зенитки.

По серому небу со страшным гулом пролетел военный самолет, и тут же небо вспыхнуло ярким пламенем. Внизу, у входа в гостиницу, метались перепуганные люди. Появились мужчины с автоматами.

Дверь гостиничного номера резко распахнулась, на пороге стоял человек в военной форме.

— В подвал, быстрее!

Все тут же бросились в подвал.

ЗНАКОМСТВО

В полутемном подвале было душно. Лучики света, едва проникающие в щели единственного в подвале узкого оконца, слабо освещали обшарпанные

стены и сидящих здесь людей.

Шурка, дрожа от страха, вцепилась в мамину руку обеими ручонками. Это место ей сразу не понравилось. Еще больше ей не понравилось, когда к маме с папой подошел тот самый человек в военной форме, что-то им сказал, о чем-то попросил. До Шурки только донеслись обрывки фраз: «Вы же медики... Всего на один день... Подвал надежный... Дети в безопасности...» И вышел из подвала.

Мама тяжело вздохнула, наклонилась к Шурке и поцеловала ее.

— Мы ненадолго, скоро вернемся, доченька. Не вздумай выходить из подвала! Слушайся Леню!

— Мама, вы куда? Мама, не надо! Не уходите!

— Солнышко, ничего не бойся! Вы здесь в безопасности. Главное: никуда не выходи! А нам раненым помочь надо.

— Мама!

— Иди, доченька, иди к Лене!

Леня взял Шурку за руку и притянул к себе. Шурка увидела ту ловкую черноволосую девчонку из парка. Она стояла недалеко от Лени. Одной рукой она прижимала к себе длинноухого зайца, другой вытирала мокрые от слез щеки.

— Она тоже здесь одна, без мамы, — сказал Леня Шурке, — я буду вас обеих охранять.

— Я потерялась, — всхлипнув, пояснила девочка, — мы проездом в Луганске. На два дня здесь остановились купить еды в дорогу и город посмотреть. Сегодня с утра мама с папой пошли за продуктами, а меня оставили в нашей машине, я сама попросила. Сначала все хорошо было, а потом... Потом началась стрельба. Я из машины вышла посмотреть, что происходит. Дядьки с автоматами появились. Люди побежали куда-то. И я за ними побежала и оказалась здесь. Бедные мои папа и мама, их ведь убить могут!

— Ой-я-а-а! — Шурка крепче прижалась к Лене, — мамочка!

Она непременно заплакала бы, но не успела. Девчонка отвлекла ее, спросив:

— Леня твой брат, да?

— Ага.

— Вы из России?

— Да.

— Я тоже из России. В Ростове-на-Дону живу. А как тебя зовут?

— Шурка.

— Саша значит. А меня Верочка, а вот его, — она показала на зайца, — Филя. Вы с Леной тоже потерялись?

— Нет, наши родители — врачи. Их позвали помогать раненым.

Послышались автоматные очереди — совсем рядом с подвалом. Шурка закусил губы и крепко вцепилась в желтую футболку Лени. Тот ответил ей ласковым взглядом: «Не бойся, все будет хорошо!» Верочка стиснула в объятиях зайца.

Прогремел сильный взрыв. Девочки вздрогнули, прислушались к возникшей после взрыва минутной тишине. Но понемногу они привыкли к необычной обстановке, и Верочка предложила:

— Саша, давай играть, как будто нашего Филю ранили охотники и он попал в больницу.

— Чур, я буду врачом!

— А я — мамой Филя.

Охотников изображать не хотелось, поэтому перешли сразу к больнице. Шурка положила зайца на пол, встала на колени и дала ему лекарство (конечно, понарошку). Потом достала из кармана штанов носовой платок и перевязала Филю лапу. Появилась Верочка.

— Доктор, ну что? Как он?

— Знаете, он умер.

У Верочки от неожиданности округлились глаза.

— Нет, Шура, так не пойдет! Давай лучше ты его вылечишь.

— Ладно, — Шурка сняла с лапы платок, — заберите его, он здоров.

— Спасибо, доктор! Большое спасибо!

Верочка взяла Филю на руки и поцеловала в мохнатую мордочку.

— Теперь я его буду кормить.

И она стала кормить Филю воображаемой морковкой. Она так аппетитно причмокивала, что Шурка разозлилась.

— Верка, сейчас же перестань, иначе я умру с голоду!

Только теперь девчонки почувствовали, как они сильно проголодались. У Шурки от голода слегка закружилась голова. А Верочка, та сразу ослабла, даже немного побледнела, села на пол, прижалась спиной к стене.

— Вер, ты чего? Что случилось?

— Поесть... Хотя бы чуть-чуть поесть... — тихо сказала Верочка.

Леня, который до сих пор молча наблюдал за их игрой, склонился над Верочкой.

— Ох, а я и не подумал о еде! — и, обернувшись к Шурке, добавил: — Никуда не уходите! Ждите меня здесь, я сейчас.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В КАФЕ

Леня выбежал из подвала на улицу и в первую минуту просто остолбенел. Холодный пот пробежал по его спине. Леня увидел разнесенный снарядами парк — тот самый парк аттракционов, в котором они были только вчера. Леня отлично помнил вчерашний день. Помнил, какое было голубое небо. Помнил, сколько народа было вокруг. Помнил, как пронзительно они визжали с Шуркой, всеми силами стараясь не слететь с длинной деревянной скамьи-лавы, которая, раскачиваясь, взлетала чуть ли не к самому солнцу. Ветер дергал их за волосы и дул им в лицо. Свежий, теплый, ласковый ветер...

Теперь этот ветер был душным, резким и пах гарью. В парке не было ни души. А по небу ползли тяжелые серые тучи, которые поминутно вспыхивали алыми языками огня. Леня вдруг подумал, что солнце больше не появится. Никогда не появится. Никогда не будут радостно визжать на каруселях дети, и небо никогда не будет голубым.

Может быть, он думал сейчас не как четырнадцатилетний мальчик, а как какая-нибудь маленькая девочка вроде Шурки. Но иначе он почему-то думать

не мог. В этот момент рядом с ним раздался выстрел, длинной очередью застрочил автомат, и на всю улицу затрещало эхо.

Леня опомнился и побежал на другую сторону улицы. Там находилось кафе, где он надеялся найти еду для Верочки и сестры.

В кафе было пусто. Стулья опрокинуты. На столах стояли тарелки с остатками еды. Леня принялся распахивать эти остатки по карманам. Вдруг за дверью послышались тяжелые шаги. Леня юркнул за буфетный прилавок и затаился. В кафе вошли двое военных с автоматами. Оба были в прекрасном строении.

Один из них, рыжий с живыми карими глазами, положил автомат на прилавок, потер ладони, взял со стоящей перед ним тарелки котлету, сунул себе в рот, прожевал и проговорил, смешивая русские слова с украинскими:

— Гостиницу придется взрывать ночью, понял?

— А почему не сейчас?

— Потому, хлопче, что сейчас оборона у них слишком сильная. Разве ты не видел? Хорошо еще нам удалось просочиться. А к ночи наши сюда подтянутся. Командир сказал, что там, в гостинице, почти все москали. Они даже выбежать не успеют!

Они расхохотались. И чем громче они хохотали, тем сильнее сжималось Ленякино сердце. «Гостиницу взорвут, ночью... Наверняка, нашу гостиницу. Подлецы! Убийцы! Не бывать этому! Не бывать!»

Дрожа от ненависти и злости, Леняка выскочил из-за буфетного прилавка, схватил лежавший на нем автомат и выстрелил. Он попал в рыжего. Тот покачнулся и грохнулся на пол. Его товарищ резко обернулся. Леняка продолжал стрелять. Лицо военного скорчилось от боли. Он схватился рукой за угол стола и тут же, дав ответную короткую очередь из автомата, упал замертво. Ошеломленный случившимся, Леняка выронил из рук автомат, чувствуя страшную боль, прижался спиной к стене и стал медленно сползать на пол. «Девчонки! — мелькнуло в угасающем сознании. — Ведь я обещал... Обещал... Прости, мама!»

ОДНИ В ПОДВАЛЕ

Девочки ждали очень долго, а Леня все не появлялся.

— Где же он? — волновалась Шурка. — Почему его так долго нет?

— Я сейчас умру от голода, — простонала Верочка.

— Не надо! Не надо умирать!

Шурка вскочила с пола и огляделась. Недалеко от них, у противоположной стены, сидела бабушка в черном платке и черной кофте. В руках она держала пакет с печеньем.

— Бабуля, можно мне немного печенья взять?

— Бери, деточка, конечно, бери. Худенькая ты какая, Господи!

Шурка взяла немного печенья и подошла к Верочке.

— На, ешь скорей.

Верочка разжевала печенье, проглотила, и ей стало лучше. Конечно, она съела не все, а только часть (оставшаяся часть предназначалась для Саши и Лени). Какая-то женщина дала им бутылку с водой.

— Вот хорошо! — обрадовалась Шурка. — У Лени теперь будет не только печенье, но еще и вода.

Голод отступил. Настроение поднялось. Даже тревога за Леню немного улеглась. Шурка предложила:

— Давай играть, как будто мама Фили подралась с охотниками. Не переживай, все хорошо закончится. Мама Фили убьет их.

— Ну уж нет, не буду я так играть!

— А как играть тогда?

— Пусть она скажет охотникам, чтобы они не падали на ее сыночка.

— А они ее послушаются?

— Если скажет очень строго, то послушаются.

В игре прошло еще некоторое время. Опять захотелось есть, а есть было нечего. Уставшие, голодные, грустные, девочки сели рядышком и долго молчали.

На улице опять послышался треск автоматов. Шурка придвинулась к Верочке вплотную. А Вероч-

ка еще крепче прижала зайца к себе и стала гладить по пушистой, мягкой шерстке, приговаривая:

— Маленький мой, хороший, никогда тебя не отпущу от себя.

Шурка вдруг разревелась. Верочка удивленно посмотрела на нее.

— Почему ты плачешь, выстрелов испугалась?

— Я к маме хочу, — прошептала Шурка сквозь слезы, — и к Лене. Где мой Леня?

Наступил вечер, а Лени все не было, и родителей не было тоже.

Наконец, Шурка не выдержала. Тяжело вздохнула.

— Я пойду поищу его. Может, он заблудился.

— Саша...

— Не бойся, я же вернусь.

Шурка выбралась из подвала на улицу. На дороге валялись разбитые фонари. В окнах домов выбиты стекла, а небо...

Когда Шурка была совсем маленькая, мама говорила ей, что небо голубое. Повзрослев, Шурка заметила, что оно бывает еще серым, когда идет дождь, или светло-розовым, когда солнце встает или садится. Но сейчас оно было ярко-красным, как... как кровь на Шуркином локте (она поцарапала его, когда выходила из подвала). «Странно, — подумала она, — как все изменилось вокруг. И куда же делся Леня? Может быть, он где-то поблизости?»

— Леня! Ле-е-е-ня! — закричала Шурка, и ее голос зазвенел в пустоте улицы. — Ле-е-е-ня, ты где-е-е?

В тот же миг из кустов к Шурке метнулась черная тень. Кто-то большой и сильный заткнул ей рот рукой. Повалил на землю и затащил в какую-то грязную канаву. За поясом у него торчал пистолет.

— Не ори! Если меня заметят из-за твоего крика, я тебя убью.

Шурка окаменела от страха. Она даже дышать перестала. Она думала, что этот человек будет стоять над ней вечно, однако он вскоре ушел, еще раз пригрозив Шурке:

— Закричишь, убью!

Шурка не закричала. Она еще некоторое время посидела в канаве, приходя в себя. Потом осторожно встала и, пригибаясь к земле, побежала обратно в подвал.

Верочка бросилась к ней навстречу.

– Живая! Саша! А... Лени нет?

– Он сказал мне, что убьет!

– Кто сказал?!

– Дядька!

– Кого убьет?!

– Меня!!!

Шурка обхватила руками Верочкину шею и рыдалась.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В тот вечер бомбили долго и страшно. В подвале все, кроме кричащих малышей, притихли: и взрослые, и дети. Некоторые женщины молились.

Шурке и Верочке страшно хотелось спать. Но уснуть не давали вновь появившаяся тревога за Леню и надоевшая уже до невозможности бомбежка.

Вдруг у входа в подвал замаячила чья-то высокая фигура.

– Леня? – прошептала Верочка.

– Пришел?! – подскочила Шурка.

Увы, это был не Леня.

В подвал вбежал мужчина в защитной форме и громко – так, чтобы все услышали, – сказал:

– Граждане! Начался интенсивный обстрел этого района. В подвале находится крайне опасно. За вами приехала машина, вас перевезут в более спокойное место.

Все, кто был в подвале, засуетились, побежали к выходу.

– Мы не пойдем, – шепнула Шурка Верочке, – нам надо дожидаться Леню.

– Но как же мы тут будем одни?

– Ничего, как-нибудь будем.

К Шурке с Верочкой подошла женщина, которая давала им бутылку с водой.

– Девочки, девочки, вставайте! Пойдемте скорее со мной к выходу.

– Мы не можем. Нам Леню надо ждать.

– Дождетесь вы тут своего Леню, как же, как же...

– проворчал проходивший мимо старик в сером пиджаке. – Смерти вы тут дождетесь – вот чего!

– Мамочка! – прошептала Верочка.

«А как же Леня и родители?» – подумала Шурка и посмотрела на женщину.

– Ничего, ничего, мои хорошие! – тетенька ободряюще улыбнулась и взяла девочек за руки. – Идемте скорее!

МАМА

То, что девочки увидели на улице, не поддавалось описанию. Горело все вокруг: земля, дома, небо... Грохотали бомбы, выли сирены, слышался гул самолета, пронзительно свистели осколки разорвавшихся снарядов.

Люди выходили из подвала и поспешно садились в большую серого цвета машину. Верочка с Шуркой тоже подошли к машине, но Шурка вдруг остановилась.

– Заходи скорее, Саша! Тебе что, мало было? Заходи! – закричала Верочка, дрожащим от ужаса и страха голосом.

Но Шурка не обращала на нее внимание. Взгляд ее был прикован к высокой женской фигуре, стоящей у входа в гостиницу. Женщина стояла к Шурке спиной, но Шурка за этот тяжелый день так соскучилась по маме, что чуткому детскому сердечку показалось в женщине что-то очень близкое, знакомое, родное. Наконец-то! О, какое счастье! Какое счастье! Впервые за день Шуркины глаза засияли искренней радостью. Позабыв обо всем на свете, она с громким криком «мама!» бросилась вперед, туда, где один за другим вспыхивали столбы огня, рвались бомбы, и ни на минуту не прекращалась стрельба. «Это война» – всплыли в памяти Шурки слова отца. «Значит, война – это когда нечего есть, когда дядьки в военной форме уводят родителей, когда кругом гремят взрывы...»

– Вернись сейчас же! Тебя убьют! – кричали из машины.

«Ну и пусть убьют! – лихорадочно думала Шурка. – Пусть! Главное – добежать к маме, прижаться к ней крепко-крепко, а там будь что будет!»

Главное добежать... А бежать-то – так страшно и трудно! Всюду гремит, свистит, рвется. От огня и дыма становится тяжело дышать, дым шиплет глаза, голова кружится. «Мамочка моя, мама!» – прошептала Шурка и почувствовала, что задыхается.

«Смерти вы тут дождетесь, вот чего!» – вспыхнули в детской голове слова старика в сером пиджаке. Сердце Шурки застучало сильно-сильно.

Над самым ухом Шурки с противным свистом пронеслась шальная пуля. Какой-то огромный черный шар летел прямо на нее.

– А-а-а! – пронзительно вскрикнула Шурка нечеловеческим голосом и, упав на землю, заколотилась в истерике. Ей хотелось рвать землю зубами, биться о нее головой, а потом бежать отсюда подальше, чтобы не видеть этого ада. «Это война, война, война!» – звенел в ушах голос папы. Так вот что такое война...

Чьи-то руки подхватили Шурку, прижали к себе. Она мгновенно забыла все свои страхи, вцепилась пальцами в ткань майки, облегченно вздохнула: «Мама». И в вот же миг громкое отчаянное «Ах!» вырвалось из ее груди. Женщина, держащая ее на руках, была та самая, которую она заметила, стоя возле машины, но это была не ее мама. Не ее! Не ее!

Слезы хлынули у Шурки из глаз. Женщина нежно погладила ее по голове.

– Зачем ты сюда вернулась, бедняжка моя, а? Ты не ранена?

Шурка не отвечала и продолжала отчаянно рыдать. Ее всю трясло, как в лихорадке. «Мамочка, мамочка, как же так? Ведь я надеялась, побежала... К тебе бежала, мамочка! Как мне тяжело теперь! Как больно!»

Женщина все еще что-то спрашивала, что-то говорила, но Шурка не слушала, не понимала и не хотела понимать. Она знала только одно: это не ее мама.

«Не твоя мама, не твоя!» – стучало в голове. В горле пересохло. Она вдруг почувствовала, что ее сильно знобит.

Как в тумане, увидела она залитое слезами лицо Верочки и еще много чужих лиц. Увидела над головой высокое черно-красное небо, почувствовала, как чьи-то руки подхватили ее, во что-то укутали, услышала, как кто-то сказал тихо:

– Господи, да ведь она же совсем больна, бедная маленькая девочка!

И тут же наступила темнота.

БОЛЕЗНЬ

Это была очень страшная темнота. Она пугала Шурку своей пустотой, душила, оглушала взрывами. Шурка плакала, кричала, звала на помощь родителей, Леню, Верочку. А тем временем кто-то нежной рукой гладил ее волосы, покрывал горячими поцелуями ее лицо и говорил тихо и ласково:

– Успокойся, Сашенька, милая! Успокойся, родная моя! Все хорошо, успокойся!

«Это мама, мама!» – думала Шурка в те редкие минуты, когда сознание возвращалось к ней и она смутно видела склоненное над ней знакомое лицо. Она протягивала к маме руки, та целовала их и плакала, а потом все начиналось сначала...

Но вот что странно. Чем чаще Шурка приходила в себя, тем больше казалось ей мамино лицо знакомым и в то же время каким-то не маминым. Это обстоятельство очень ее тревожило.

Проснувшись однажды в полном сознании и оглядевшись вокруг, она в первую минуту не поняла, где находится.

Она лежала на полу на чьей-то куртке, ее окружали высокие черные стены, возле которых сидели, лежали и стояли люди, а над ее головой сквозь маленькое окошко пробивался тоненький луч света. «Я в подвале!» – поняла Шурка и вспомнила все, что с ней произошло. Вспомнила, как уходили из подвала гостиницы родители, как ушел и не вернулся Леня, как покинули этот подвал они с Верочкой, как

она, Шурка, побежала к гостинице, потому что думала, что там мама, а дальше... Дальше Шурка заплакала. Тихо и жалобно, уткнувшись лицом в грязный рукав куртки.

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Чья-то жесткая теплая рука легла ей на плечо и осторожно перевернула с боку на спину. Перед ней на коленях стоял высокий старик с длинной седой бородой, а рядом со стариком — Верочка.

— Верка! — прошептала Шурка сквозь слезы.

— Сашенька, милая, узнала! — Верочка бросилась ее целовать. — Узнала меня наконец-то!

— Разве я раньше не узнавала тебя?

— Нет, раньше ты принимала меня за маму.

— Ох! — Шурка перестала плакать, помолчала, потом спросила, указывая глазами на старика: — А это кто?

— Я, о Сашенька, Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, — ответил старик за Верочку.

— Как? Волшебник? Неужели?

— Да-да, можешь не сомневаться.

— Ух ты! Здорово! Покажите мне какое-нибудь чудо, а? Только не сейчас, я спать хочу.

— Спи, спи, — сказала Верочка, — а как проснешься, он тебе покажет.

«Надо обязательно попросить, чтобы он вернул нам наших родителей», — подумала Шурка и уснула.

Проснувшись, Шурка почувствовала себя уже не такой слабой, как до сна. Она встала и огляделась. Верочка, прижав к себе Филю, крепко спала, свернувшись калачиком у стены. Старика Хоттабыча рядом с ней не было. Однако вскоре она заметила его невдалеке, облегченно вздохнула и пошла к нему.

В подвале тем временем все занимались своими делами. Кто-то кормил плачущих малышей, кто-то тихо пел грустные песни, кто-то читал невесть откуда взявшуюся, газету, а кто-то просто сидел и дремал.

Шурка подумала, что в этом подвале люди какие-то не такие, как были в прежнем. Какие-то

более оживленные, что ли. А может быть, тогда они с Верочкой просто не обращали на них внимания? А может быть... Может быть, это потому что война скоро кончится и все будет так же хорошо, как и раньше? И к ним с Верочкой вернутся родители. Эх, скорей бы уж! А Ленья? И Ленья, конечно, вернется тоже. И они с ним, и с Верочкой, и с родителями пойдут еще раз в парк аттракционов, и заодно в зооуголок...

Мысли ее прервал дикий, нечеловеческий вопль. Шурка вздрогнула всем телом и остановилась. В дальнем углу у стены на коленях стояла девочка чуть постарше нее. Она-то и кричала так страшно. Возле девочки на бетонном полу лежала женщина. Это был та самая женщина, которая вывела их с Верочкой из подвала. Лицо у нее было бледное, лежала она неподвижно. Глаза ее были закрыты. Шурка услышала, как одна из старушек прошептала дрожащим голосом:

— Настигла-таки смерть бедняечку! Ранило ее, когда в машину садилась. Всю ночь промучилась и умерла. Упокой Господи ее душу!

Шурка ничего не поняла.

— Бабушка, она ведь просто спит! Она потом проснется!

— Нет, деточка, нет! Никогда она уже больше не проснется. Никогда...

От этих ее слов Шурке стало жутко. Она посмотрела на женщину, на бабушку, снова на женину и вспомнила того старика: «Смерти вы тут дождетесь, вот чего!» Смерти! Смерти! В ужасе бросилась Шурка к Хоттабычу и схватила его за рубашку.

— Хоттабыч, ведь она же проснется?! Правда ведь, проснется?!

Хоттабыч хотел ей что-то ответить, но его опередил мужчина с длинными волосами.

— Как же она проснется? Мертвые не просыпаются.

«Смерть... мертвые... мертвые... смерть... умерла... никогда не проснется... никогда!» Шурка больше не могла этого вынести. Она ровно ничего не понима-

ла, но все вокруг были такие серьезные и грустные, говорили такие странные, страшно звучащие слова, что ей вдруг стало трудно дышать, перед глазами все поплыло.

— Хоттабыч, я не могу больше! Уйдем отсюда, Хоттабыч, миленький! Не могу... Хочу к маме, к папе, к Лене!

Хоттабыч крепче прижал ее к себе, взял за руку, и они пошли на свое место...

С каждым днем Шурка чувствовала себя все лучше. Да и не удивительно, ведь добрый старик Хоттабыч делал для этого решительно все, что мог. Он исполнял каждое желание своих маленьких подружек. Он устраивал для них (и для всех желающих) представления с фокусами. Он доставал им какую-то еду. Он каждый вечер перед сном рассказывал им сказки.

— Старик Хоттабыч, послушай!

— Слушаю и повинуюсь!

— Ты волшебник, да?

— Почему ты, о Сашенька, сомневаешься в этом? Разве не исцелил я тебя от болезни?

— Исцелил, конечно, исцелил, спасибо тебе большое! Но я слышала, что говорили бабушки...

— Бабушки? О, эти глупые бабушки! Что они понимают в джинах?

Шурка засмеялась.

— Скажи мне, о Сашенька, чего тебе хочется? Я тотчас же исполню твое желание! Хочется ли тебе игрушку? Или может быть чего-нибудь покушать? Это очень полезно для выздоравливающей после столь тяжелой болезни девочки.

— Ой, нет, нет! — Шурка сейчас же перестала смеяться. — Хоттабыч, миленький, сделай так, чтобы к нам вернулись наши родители!

Лицо Хоттабыча стало печальным. Он непривычно долго молчал. Потом вздохнул и тихо сказал:

— Увы, милые мои девочки, это мне не по силам.

— Как?! — вскрикнула Шурка. — Разве ты не волшебник?!

— Увы, нет. Я самый обыкновенный артист цирка.

Некоторое время девчонки молчали, ошеломленные услышанным. Потом посмотрели друг на друга и разрыдались в голос. Хоттабыч не мог этого перенести. Он встал и, пошатываясь, держась рукой за левую часть груди, пошел в конец подвала, утирая рукавом пиджака катящиеся по щекам слезы.

С тех пор он к ним больше не приходил. Его вообще нигде не было видно. Для девочек потянулись тревожные, скучные, безрадостные дни.

ЖИЗНЬ В ПОДВАЛЕ

Обыкновенно, просыпаясь, девочки отправлялись на поиски еды (вернее, отправлялась Шурка, а Верочка ждала ее прихода). Покушать им давали сердобольные женщины, и все, что давали, Шурка приносила Верочке, но та нарочно съедала не все, оставляя часть подруге.

Кое-как утолив чувство голода, девчонки начинали придумывать новые игры с плюшевым зайцем, про которого с Хоттабычем вспоминали очень редко. Почти все игры придумывала Шурка, а Верочка только помогала ей настраивать конец игры на хороший лад. Сначала Шурка не обращала на это внимания (пусть подправляет, раз ей хочется). Однако чем дольше она жила в подвале, чем больше слышала взрывов и выстрелов, тем больше сопротивлялась хорошему концу игр.

— Сегодня мы будем играть, как будто на Филю напали охотники, — заявила Шурка Верочке, как только они покончили с завтраком.

Она с удовольствием взяла Филю за уши, прижала к стене, и, сделав злое лицо, рассмеялась:

— Ха-ха-ха, попался! Теперь от нас не убежишь!

Она уже нацелила на Филю воображаемое ружье. Сложила четыре пальца руки в кулак. Указательный палец выставила вперед.

— Ах вы, гадкие, убирайтесь прочь! — закричала Верочка, подбегая к Филе и загораживая его собой. Она посмотрела на Шурку: — Опять ты хотела конец игры плохим сделать! Почему у тебя так получается?

Шурка не знала, почему у нее так получается.

– Теперь давай играть, как будто ты подралась...

– Опять ты хочешь, чтобы я с кем-то подралась? Ведь это же плохо!

Шурка не выдержала.

– Плохо, да? Говоришь, плохо? А то, что они, те, которые стреляют и разрушают все вокруг, может быть, уже убили наших родителей, это хорошо?! Им, значит, можно, а нам нельзя?!

Это она высказала так горячо и так внезапно, что Верочка вздрогнула. А Шурка заплакала. Тогда Верочка крепко прижала ее к себе, погладила по голове и сказала ласково:

– Ты меня не поняла, Сашенька. Я хотела сказать, что... что слишком много плохого получается вокруг. И у нас в играх, и наверху, у взрослых.

Шурка всхлипнула.

– А что же делать?

– То и делать, что я делаю. Придумывать хороший конец.

– А это поможет?

– Не знаю... Мне почему-то кажется, что поможет.

После этого Шурка больше не предлагала играть в охотников.

Как-то Верочка предложила:

– Давай поиграем в морской бой.

– Это как? Это где убивать надо, да?

– Ой, сразу оживилась! – Верочка засмеялась. – Совсем не обязательно убивать, можно наоборот – спасать. Будем по координатам искать и спасать раненые корабли. И кто быстрее корабли обнаружит, тот и победил.

Шурка согласилась.

– Для игры нужна бумага, поля расчертить.

Шурка тут же вытащила из карманчика штанов смятый лист бумаги, на котором мама записала все, что хотела купить во время отпуска в магазинах, разорвала его пополам, перевернула чистой стороной, села на корточки напротив Верочки и положила листики между ними на бетонный пол.

– Ручка есть?

– Нет. И карандаша нет.

Шурка огляделась вокруг и увидела в уголке у стены маленький черный камешек, оказалось – кусочек угля.

– А уголек пойдет?

– Конечно, если на стенке рисовать, подойдет, давай его сюда.

Верочка начертила по обеим сторонам выступа в стене (чтобы «соперник» ни в коем случае не имел возможности увидеть поле «противника») два игровых поля, разбила их на клеточки, проставила буквы и цифры. Но на кораблики, к сожалению девочек, уголька не хватило. Тогда корабликами по предложению Шурки стали ладошки.

– Вот и хорошо, – сказала Верочка, – ладошки всего две с каждой стороны, быстро кораблики найдем. Посмотрела на Шурку и добавила с нетерпением:

– Давай, ты первая.

Шуркины глаза блеснули задором. Она крикнула звонким голосом:

– А три!

В это время завывала сирена и раздался оглушительный взрыв. С потолка полетели вниз куски штукатурки. Пыль косым дождем полоснула по лицам людей. Девчонки вздрогнули, оторвали от стены грязные ладошки. Посмотрели друг на друга. Прогремел еще один мощный взрыв. Пол и стены подвала задрожали. Отовсюду полетели камни.

«Наверное, фронт, о котором говорил военный, уже и сюда приблизился, – подумала Шурка и крикнула Верочке: – Ложись, быстро!»

Верочка тут же упала, прижав к себе зайца. Шурка легла сверху, закрыв Верочку и Филю собой. Таким образом Верочка с Филей оказались под защитой. Осколок камня больно ударил Шурку по плечу. Потом осколки посыпались целым потоком, покрывая синяками и ссадинами спину и голову Шурки, взрывы слились в один сплошной гром.

«Ну подождите, гады, я вам отомщу! – почти те-

ря сознание от боли и ужаса, думала Шурка, – за родителей, за Леню, за себя, за Верочку!»

Снова, как и в первый раз, прибежал в подвал мужчина в камуфляже, снова закричал:

– Граждане! Срочная эвакуация! Покидаем подвал, пока здесь вас всех не засыпало! Осторожно перемещаемся в безопасную зону.

На этот раз никто уже не подошел к Шурке и Верочке, не взял их за руки и не ободрил ласковой улыбкой. С трудом поднялась Шурка на ноги и, поддерживаемая Верочкой, направилась к выходу. Одежда на обеих девочках была грязная, измятая. Это и не удивительно, ведь они даже не помнили, когда в последний раз мылись и переодевались. «Куда нас ведут теперь? – думала Шурка. – Неужели опять в подвал? Я больше не вынесу!» Верочка думала о том же.

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

А вокруг опять стонало и гремело. Опять одна за другой разрывались бомбы. До машины, в которую их всех погружали, оставалось совсем немного.

– Давай, Сашенька, давай... Чуть-чуть еще, – шептала Верочка.

Совсем рядом раздался знакомый режущий воздух свист. Верочка остановилась, выпустила Шуркину руку из своей, загородила ее собой и... в ту же секунду, громко вскрикнув, упала на землю. Упала на землю и Шурка, которая держалась за ее плечи.

Когда все стихло, Шурка открыла глаза. Она осторожно поднялась на колени и встала на ноги. Верочка лежала перед ней на животе, раскинув руки в стороны. Рядом с ней валялся ее плюшевый заяц.

– Верка, вставай! – закричала Шурка.

Верочка не двигалась.

– Вставай! – закричала Шурка что есть мочи.

Верочка будто не слышала. Тогда Шурка схватила Верочку за плечи и приподняла. На матросском голубом платье Верочки видны были ярко-красные пятна. Лишь только Шурка разжала пальцы,

Верочка упала вниз лицом. Ужас охватил Шурку. Ей вспомнилась женщина в подвале, слова старушки... Неужели... это случилось? И с кем?! С Верочкой?! Этого не может быть! Не может быть! Шурка чуть не задохнулась от отчаяния. Дико и пронзительно – так же, как та девочка в подвале – она закричала:

– Верочка! Верочка!

Это был первый раз, когда она назвала ее ласково.

К ним подбежали люди. Какой-то парень в камуфляжной форме подхватил Верочку на руки.

– Ее надо скорее в госпиталь на Советской... Это ближе всего.

И парень с Верочкой на руках куда-то побежал. Шурка, быстро подхватив зайца с земли, бросилась было за ним, но другой мужчина в такой же форме взял ее за руку.

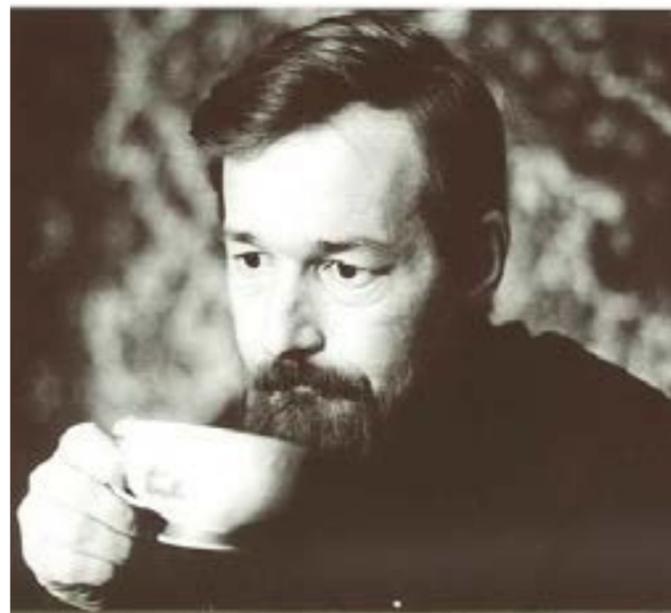
– Не бойся, с сестричкой твоей все хорошо будет, пойдем со мной. ■

(Окончание следует)

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать омаске, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.
Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о вой-
не,

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСЕЙ СМОЛЕНЦЕВ

Родился в 1961 году в Йошкар-Оле. Лауреат литературных премий Кировской области (2010 г., 2014 г.), Всероссийского конкурса критики «Русское эхо» (Самара, 2012 г.), Международной премии «Имперская культура» (Москва, 2015 г.), «Российский писатель» (Москва, 2015 г.). Автор пяти книг и многочисленных научных работ. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Живет в Краснодаре.

ВРЕМЯ ПРИЗНАТЬСЯ В ЛЮБВИ...

КРАСНОДАРСКАЯ КОРОЛЕВНА

Я давным-давно забыл про ревность.

Сдал стихи туда же, где грехи.

Только Краснодарской Королевы

Мое сердце тронули шаги.

Вот уж смех!, чего б, казалось, проще —

Шаг за шагом, а вгоняет в дрожь.

Хитрый дятел в Чистяковской роще

Чуть искусней выбивает дробь.

Холодна, строга, слегка надменна,

Чуть капризна — сам узор ненов.

Снежная, такая, Королева,

Из страны, не знающей снегов.

Плечики взлетят и развернутся,

Дышит грудь — стесненных чувств полна,

И глазищи, — круглые, как блюдца, —

Это если сердится она.

Не сказал бы, что души не чаю:

Кто она мне? Паче — кто я ей?

Но всем сердцем недоумеваю,

Словно из изящной чашки чаю

Не хлебнул я в жизни ледяней.

Завсегдатай церемоний чайных,

Наблюдай на склоне лет, поэт,

Как пронзен закатными лучами

Белоснежный, безнадежный цвет,

Той Страны, где бурь буранней весны,

Вьюгой вишен рвут с души милоть,

Накануне радости несносной

И

Любви...

Не приведи, Господь.

6 апреля,

Великая Пятница, — 26 апреля 2018 г.

ТЫ РУХНЕШЬ ...

Ты рухнешь ... нерушимая ... стена.

И мертвые восстанут в Краснодаре.

От грохота беззвучного, от шквала

Незримого и чистого огня.

Ты рухнешь... нерушимая стена...

Всего лишь ночь. У нас не будет после.

В постели нет концов или начал.

О нас с тобой узнают только звезды.

И — мертвые. Но и они — смолчат...

Здесь тайна тайн, а не искусств искусство.

Вновь плоть одна, вновь некому пенять.

Срастется вновь с крахмальным, снежным хрустом

Разодранная жизнью простыня.

*И черный грач крылом подрежет душу
По сухожильям, под охвостья вен...
Всесильный кто-то нас с тобой обрушит,
И мы в объятьях лишь признаем плен.*
26 апреля – 10 мая 2018 г.

Признание

ДЕВОЧКА ИРИНКА

*Айсберг был...
А стала просто – льдинка.*

Краснодар пронзили соловьи.

*Маленькою девочкой Ирина
Растерялась от моей Любви.*

*Сердце еще горько звало папу...
Грудились бумаги и дела.
И коробку собирать в Анапу,
Цифры в протоколах поменять...*

*А еще и ... Он... в рубашке черной,
Неизбежно близко встал над ней,
Так, что и не выпрямиться чопорно,
Лишь собраться внутренне сильней.*

*Протокол уже наполовину
был готов...
разорвалась Струна!
И лавиной ей накрыли спину
О Любви высокие слова,*

*И о Жизни, о годах Напрасных,
И о том, что... Лишь Она – Одна...*

*И касалась, гладила запястье
По-мужски... не папина рука.
И держали плечики лавину.
Лишь земная ось кренилась вбок.
Первый поцелуй пришелся в спину,
В третий ли, в четвертый (?) позвонок.*

*Наконец-то (!)... отпустил он руку,
Замолчал и вышел в осень дня...*

*...Берегла Иринкину разруху
Матерь «Нерушимая стена».*
21 – 22 сентября 2018 г.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ...

*Вчера, 21 сентября, в пятницу, в день Рожде-
ства Пресвятой Богородицы, на работе, к вечеру...
после уж всех объяснений. Внучка одной из сотруд-
ниц в гостях у нас – оставить не с кем... светлое
девичье существо лет четырех-пяти, легонькая,
худенькая, светлая, но и уже – барышня, рассу-
дительная, серьезная, держится с достоинством.
Всех оживила... какой-то новый тон в атмосфере
рабочей... все с ней на равных, никто не сюсюкает,
и внимание ей уделяют, и от работы не отрыва-
ются. Она важно путешествует, из кабинета в
кабинет... тоже делом занята – рисует, и разно-
сит картинку свои всем сотрудникам... рисует,
раскладывает по столам... картинки на маленьких
листочках... медведи, зайцы...*

*Я уходил, потом вернулся, в мыслях все в своих и
в работе... она мне что-то говорит – вроде: «Вот,
выставка». Вижу, на столе свободном и правда не-
сколько листочков с рисунками по порядку ровно
разложены. Я ее похвалил... подхожу к моему сто-
лу, а на нем листочек с красной-розовой точкой, как*

*отпечаток подушечки маленького пальца... я взял в
руки говорю: «Это мне? Спасибо... Не пойму толь-
ко, что это нарисовано?» Она отвечает, серьезно
так: «Это билет дяде...» Я, вспоминая события се-
годняшнего дня, говорю: «Как раз дядя сегодня и «по-
ехал»... только, вот, билета у меня пока не было...»
И она, опять же серьезно очень, уточняет: «Это
билет в один конец»...*

22 сентября 2018 г.

НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

*Так странно... молиться и знать,
Что «в лучшем...» – меня ты отринешь.*

*С Иконы святая Ирина
Мне пристально смотрит в глаза.*

*Ирина, Любовь это взмах,
Сметающий Жизни пределы!
Душа, как небесное тело,
Преткнулась в кубанских степях.*

*Дай руку, Ирина, пора.
Сквозь жар Краснодара и жажду.
Ты будешь жена ли, сестра,
Хоть – ... дочкою,
Это не важно.*

*Как скажешь...
Не телом единым...
Любовью, не знающей зла.*

*Зачем же святая Ирина
Мне пристально смотрит в глаза?*

24 – 25 сентября 2018 г.

НАКАНУНЕ

*Руки дрожат и немеют.
Вихорь акации – в грудь.
Ни прикурить на ветру,
Ни
Жить без тебя не умею, -
В раз разучился всему.*

Прахом весь жизненный труд.

*Думалось, что мне Любовь?
Легкою выйдет прогулка...*

*Сердцем вся забрана кровь,
Мается мощно и гулко.*

*Чтобы себя волновать?
Топать о новые грабли?
Сердце не хочет отдать
Крови – ни капли.*

*Крови, которая Ты, –
Женщины, Жизненной силы.
В венах тоска пустоты
Заголосила.*

*Жизнь – это Ты! – Это Всхлип
Крови, вернувшейся в вены.*

*Время признаться в Любви,
Сердца склоняя колена.*

21 – 26 сентября 2018 г.

ЗЕРНО ПЛАМЕННОГО РАСТЕНИЯ

Не уезжай никогда...

*Мне без тебя –
Беда,
Бедная, болевая, большая, чем слова,
Ровная, как стена, легшая в де ла Росса,
Страшная как Страна,
с перегоревшими звездами...
Ночи без сна, а дни дна... без тебя – бездонны.
Осень и Света тонны...
Дней золотых страда
На руку всем влюбленным.*

Не уезжай никогда...

24 – 26 сентября 2018 г.

*Зерно пламенного растения
Ты еще чего-то там решаешь,
Девичий выверчиваешь вздор...
Слава Богу, ты еще не знаешь, –
В Небе нам подписан приговор.*

*Вспоминаешь ли, бывшие встречи,
Скользкость поцелуев на устах...
Плечики... примеривают плечи
Крест Любви... – «пока что Тень Креста»...*

*И выходишь к морю, смотришь долго –
Как высок анапский берег! – вдаль...
А уже две тыщи метров шелка –
Алого – готовы для тебя!*

*Засыпай, мечтай – лишь раз дается –
Не глаза, а все твоё лицо
Светится в ночи. И ты – проснешься,
И найдешь на пальчике кольцо.*

26 сентября 2018 г.

*И нежность, и жалость, и рана,
Открытой души перелом...
Ирина, сначала до Храма,
А все остальное потом.*

*Прости за признанья мои,
Сколь искренни, столь неуместны.
Иною закваской тесто
Взойдет на Христовой Любви.*

27 сентября 2018 г., после литургии

Высокооптимистическое

*То-то...
Господь удружил.
...Смертью скукожен,
Я и не жил, и не был...
Был безнадежен.*

*Сердце согнула в дугу
новая прелесть:
Жить без нее не могу...
И не надеюсь.*

29 сентября 2018 г.

СТИХИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

*Бог удостоил нас мест.
И никуда нам не деться.
Я тебе – справа как Крест,
Ты моя – слева, где сердце.*

5 октября 2018 г.

*Воскресаю. Живу. И дышу.
И люблю. Вровень с Жизнью. Не меньше.
Я как будто Песнь песней пишу
С этой Женщиной женщиной. ■*

17 октября 2018 г.

АННА РЕВЯКИНА

Родилась в 1983 году в Донецке. Автор шести книг. Кандидат экономических наук, доцент Донецкого национального университета. Публиковалась в «Нашем современнике», «Родной Кубани» и др.

МЫ С ТОБОЮ ЕЩЕ НИ РАЗУ НЕ УМИРАЛИ...

*Я люблю этот город –
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе –
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены –
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребенка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нем все, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.*

*Вот и платье на мне бабушкино,
а сережки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.
Мне вчера было восемь от роду,
целых восемь, берет оторопь.
Мои серьги блестят золотом,
словно солнце зимою в оттепель.*

*Я умею словечки складывать,
нараспев читать с табуреточки.
Подпевают мне в такт ягодки –
две сережки в ушах девочки.*

*И пылит за окном улочка –
Первомайская, неизбывная.
На воротах кудахчут курочки –
диво чудное, чудо дивное.*

*И светло так над Докучаевском,
мир наполнен еще бессмертием.
На шкафу в моей детской спальне
ясно солнце – букет бессмертника.*

*Вот и платье на мне бабушкино,
а сережки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.*

*Жизнь по осени терпкая, как хурма,
а грудная клетка карцера потеснее.
Мама, глядя мне в спину, охает: «Худорба!»
И почти не греет включенная батарея.
Жизнь по осени – испытание октябрем,
это небо прозрачно, уныло, тонко,
одинокий колодец со сломанным журавлем,
на цепи сидящая звонкая собачонка.
В этом городе осень имеет свое лицо,
никакого злата, сплошная ржавчина лихолетья,
здравствуй, дом мой, здравствуй, мое крыльцо,
здравствуй, мое вечное восьмилетие.
Здравствуй, бабушка, руки твои нежны,
пахнут хлебом, «Красной Москвой» и сказками,*

и отсюда из осени можно дотронуться до зимы,
потрепать ее кудри седые ласково.
Моя бабушка носит фартук, он ей к лицу,
моя бабушка — двуязычная чародейка,
моя бабушка имя дала моему отцу,
она помнит, что рубль бережет копейка.
Она вяжет мне новое платье, крючком нить,
говорит мне: «Аня, не стой в проеме!»
Жизнь по осени — это как будто плыть
по страницам памяти в старом фотоальбоме.

Ощущенье беды, не заметившей нас,
ощущенье, что осень приходит на час,
чтобы после пришла сероглазая стынть,
чтобы снег, как песок из сибирских пустынь, —
по глазницы дома и по грудь фонари.
Заметет он и нас, дорогая Мари.
Исходить на стихи — это каторжный труд,
это словно бы гнуть несгибаемый прут,
превращая его в бесконечную восьмь.
Как прекрасна на час приходящая осень.
Этот дождь, морозящий из сита небес,
и мне кажется, что в этой осени без
габардиновых штор и уютного пледа
не сумеют сложиться ни жизнь, ни беседа.
Никакое сравнение не в пользу любви,
этот город стоял и стоит на крови.
В этом городе все превращается в нуль,
если смотришь на город сквозь дымчатый тюль,
если смотришь сквозь линзу военного дела,
на сквозящую степь через крестик прицела.
Когда смотришь на небо совсем без светила,
сочиняй из себя, свои лучшие жилы,
словно нить шерстяную, крючком на узоры.
Опиши, как красивы поросшие горы,
как течет под корсетом мостов из бетона
наш израненный город, где окна в иконах,
чтобы смерти посланник — угрюмый наводчик
не сумел оборвать никакую из строчек.

Кто читает все эти чертовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
желтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово — гиря.
Наш подвал укромный, четыре стены и стулья,
а еще эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съезживает, сутулит,
мы становимся даже не сестрами — близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идем по улице — два морячка по суше,
мы с тобою еще ни разу не умирали.

Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.
Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.
Потанцуем, пройдемся под руку,
сумасшедшие — божевильные.
Нам и врозь не бывает холодно,
в рукавах у нас связь мобильная.
Март — разлапистый, разухабистый,
раздраженный и разреженный.
Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооруженном.
Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше — в нолики.
Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.
Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора,
то мы разные, то мы целые,
то мы черные, то мы белые...

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом — четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнова — не заря,
это зарево — зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.
Ей давно не страшно, она — кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она — мишень.
Или кто-то из нас с тобой...

Рельсы режут на две неравные половины
полуостров, что когда-то был
территорией Украины.
Мое Черное море с волнорезами и буями,
за тебя теперь надо рассчитывать рублями.
Кроме смены валюты, власти, символики,
все осталось прежним, белые колченогие столики,
торговка самсой, чебуреками, пиццей
смотрит в наши незагорелые лица,
улыбается золотом: «Приехали наконец-то!»
А после хмурится, вспоминая, что мы из Донецка.
Отмеряет порцию теста, кричит
в приоткрытые двери:
«Отец, они все же приехали, а ты не верил!»
И откуда-то из глубин их крошечного киоска
появляется дядя Эльдар в красной
мастерке Bosco.
Обнимаемся так, что повизгивают суставы,
«Вы к нам как? Самолетом или через паромную
переправу?»

Это все не важно, дядя Эльдар, это все вторично,
я смотрю на него, и глаза его татарские ежевичные
наполняются соленой водой, как на пирсе впадины,
а глаза его огромные, почти черные виноградины,
на меня глядят сквозь слезы и не могут
насытиться-наглядеться:
«Здравствуй! Здравствуй, моя смелая девочка
из Донецка!»

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.
Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.

Ни слова про поджилки
и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.

Одни лишь пальцы, стертые к утру...
И если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых диск Луны
и облака донецкие видны. ■

ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

Родился 12 июня 1966 года. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин». Живет и работает в Донецке. Прозаик, поэт, переводчик. Автор 28 книг.

«ХОРОШО БЫТЬ РУССКИМ ПОЭТОМ...»

АНГЕЛЫ ДОНБАССА

*Маленький шахтерский город,
пограничный с Россией.*

*Здесь
из окон пятиэтажки
небо такое синее.
Мальчик клеил из картона модели,
он мечтал в океане
водить каравеллы.
Он бредил парусами,
хранил портрет Колумба,
изучал такелаж, галсы и румбы.
Он остался под обломками
рухнувшего здания.
Украинский летчик доложил
о выполнении
задания.*

*Самая обычная младшеклассница
знойным луганским летом
упрямо ходила в ДК,
занималась балетом.
Она крутила фуэте,
она стояла на пуантах,
легко различала аллегро и анданте.
Осколок прошел навывлет,
когда по Камброду
отработали украинские
минометы.
Он мог бы стать актером,
врачом,
инженером,
шахтером,
пилотом...*

*Просто парнишка еще не определился
с будущей работой.
Он часто сбивал коленки,
ругался со сторожами,
прогуливал уроки,
иногда курил за гаражами.
«Скорая» не успела помочь
даже просто уколом,
когда он зацепил «растяжку»
по дороге в школу.*

*Первого сентября
они входят в райские классы
и садятся за райские парты.
Белье.
Ангелы.
Донбасса.*

*В этом городе любят вкладывать в рану перст.
Здесь работают тяжело, но тратят деньги
легко.
Здесь каждый знает и свято хранит свой шест.
У кого-то это пилон, у кого-то — кол.*

*В этом городе любят правду сказать в лицо,
а не хватит правды, добавят снизу под дых.
Здесь терпеть не могут трусов и подлецов,
здесь мало гламурных, но очень много седых.*

Здесь любят за дело, но и бьют за него ж,
за личины и маски, за свой и чужой «nevermore».
Здесь предательство портит печень, как
острый нож.
Приехал, уехал, остался — один приговор.

В этом городе буйным цветом цветет война.
Здесь в руинах окраины и в огнях бульвар.
Здесь каждая нервная клетка оголена —
хочешь не хочешь, а нужно держать удар.

Здесь каждый сам себе апокриф и манифест,
сам себе слово и дело, тюрьма и сума.
В этом городе каждый взвалил и несет свой
крест.
В этом городе каждый по-своему сходит с ума.

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.
Так плачет оцинкованная сталь
от легкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в черном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрямя и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях, о насесте.

Еще не вечер, не гудит набат,
еще снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями...

ПАДШИЙ АНГЕЛ

По пшеничным полям пал,
в небесах дымный след сиз.
Светлый ангел на землю пал —
С облаков прямиком вниз.

Распрявился — могуч, наг.
Знал бы стыд, так прикрыл срам.
От изгиба шоссе танк
бьет наводкой прямой в храм.

За кургузым пригорком «Град»
посылает в село смерть.
Ангел понял, что здесь — ад.
Значит, надо идти смотреть.

На сгоревшем авто вран
напророчит врагам кар.
От натуги хрипя, «Урал»
волочит награбленный скарб.

Чуть присытан землей труп,
перемазан в крови трак.
Хочешь пальцы вложить под струн?
Хочешь в сердце впустить мрак?

Чуешь, ветер несет тлен?
Слышишь, грохот вдали стих?
Ангел шел и попал в плен
к батальону с руною «сиг».

На заре, когда свет бел
разрывает ночи креп,
повели его на расстрел —
отличился террбат «Днепр».

Двое суток срасталась кость.
Двое суток свивалась нить.
Ангел пули собрал в горсть
и ушел в ополченье. Мстить.

Вольно или невольно
лучик разбился в луже.
Больно или не больно?
Слышишь, опять «утюжат»?

Страшно или не страшно?
Выйди, спроси в окопах.
Важно или не важно?
Это войны синкопа.

Зримо или не зримо
снова иглы под кожу?
Мимо или не мимо?
Это узнаешь позже.

Брату или не брату
выплатишь кровью виру?
Правда или не правда
правит распятым миром?

Если того достоин,
жизни допишешь повесть.
Стоит или не стоит?
Это подскажет совесть.

Хорошо быть русским поэтом
где-нибудь на парижских улочках,
раздавать гаврошам конфеты
и дарить комплименты дурочкам.
И прочесть стихи о берегах
у подножия башни Эйфеля,
принимая такие позы,
чтобы даже клошары сдрейфили.

Хорошо быть русским поэтом,
упиваясь своим диссидентством,
и жилье снимать на Манхэттене,
налегая на шмаль и эстетство,
чтоб от скуки стряпать сонеты
и с медведем, и с балалайкою.
Заливать их в сеть Интернета,
восхищенья взимая «лайками».

Хорошо быть русским поэтом,
проживая где-то на Сретенке.
В ЦДЛ ходить на фуршет
и печататься в «Современнике».
Независимым и опальным
на «Дожде» нести околесицу.
Жечь глаголом в пользу Навального,
в автозаке потом заселфиться.

Нелегко быть русским поэтом
в блиндаже сыром под Дебальцево.
Канонада умолкла, поэтому
что-то пишет озябшими пальцами.
Жизнь поэта не бутафорна,
наказание в ней и дерзание.
Для поэта не главное — форма,
для поэта важнее содержание. ■

ЕВГЕНИЙ ТИЩЕНКО

Родился 3 августа 1999 года в городе Курганинске Краснодарского края. Студент 2-го курса факультета журналистики Кубанского государственного университета. Дебют.

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ ДО САМОЙ ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

*Прочитай мне Есенина
Вместе с маской, скрывшей горе,
Про деревенское везение
И бескрайнее русское поле.*

*Расскажи о забаве последней,
Ведь досталась она, рухнув вниз.
Но не два пальца и свист весенний,
А стопка водки и поросячий визг.*

*Расскажи о любви в глазах поэта.
Да ты попробуй о ней расскажи.
Вором скрывается коготь неба
Да перхоть с волос и ни капли лжи.*

*А затем притаись на минуту.
И послушай шелест листвы.
Прочувствуй души простуду
И колыхание сонной весны.*

*Расскажи...
Что? Мысль потеряла?*

*Ничего. Я здесь подожду.
Без тебя невозможен полет.
А пока я выйду к дождю.
Надеюсь, он меня ждет.*

*Я отпустил ее из объятий.
Мир будто раскололся надвое,
На два полушария кровати,
Что сотканы грязным покроем.*

*На два полушария неравных,
И перекося в ее сторону виден,
А склоки историй недавних
Передозом сияют с орбиты.*

*На две частички костлявых,
Таких же несчастных, как дети,
Которых домой загоняют,
При первом же вытравшем снеге.*

*На пару огней у дороги,
Что путь покажут даже слепому.
Я не замечу ночные потоки,
А с ней даже звезды горят по-другому.*

*На пару людей на асфальте, что ищут вдвоем
свое счастье,
Что живы вдвоем лишь тогда, когда мир поде-
лен на две части.*

*Идиотский разум,
Обуяв ноги,
Заставил бежать бог знает куда.*

Последней фазой —
Бедой непролазной —
Зияет бегущей строчкой река.

Куда сорвался?
Кожей атласной
Сгорает поле под взглядом солнца.
Неужто дома
Горит истомой
Квартира, где стены с белесым воском.

Из тоски летальной
Груз проблем повальный —
Тяжелый, словно гитарный гриф,
Сорвавшись в пустыне —
Глазами пустыни —
Спланирует парашют моих рифм.

Накроет тебя и пустыню —
И зря вы меня отпустили
В город, где серый, убитый рассвет.
Ушел без сожаления,
И нет мне прощения —
Лови же, мой город, ответ.

Прости же, мой город,
Прости уroda —
Пришел к тебе без лица.
Иду по нотам —
Звукам заводов —
Прости меня, беглеца.

Здравствуй, посланная к черту мечта.
Давно не виделась, родная?
За твоей спиной погасла свеча,

Но зажглась в душе мировая
Сигара, что дымится из последних уж сил,
Дым, поднимаясь, падает на тяжелые
Легкие. Я вдохнул его — и написал стих.
Вдохнул его — снова затих. А черные
Люди, копясь, как в мусорке кот,
Все ищут ростки среди груд сорняков.
И я такой же, родная. Люблю тебя,
Но цели не вижу. Пропала, как время, истекла,
Ушла, а я остался, сердцем скрипя.
Ах нет. Да то ведь не сердце, а дверь из стекла,
Которой щелкнул, да так, что все разлетелось,
И ничего не осталось. Лишь к тебе верность
Теплится где-то огоньком в степи.
Но я к тебе приду. Останься. Потерпи.
Терпи; гори во мне пламенем синим
Хоть самую малость, разжигай пустые ко-
стры,
Чтобы через тысячу, прорву усилий,
Я пришел к тебе до самой первой звезды.

Тебе пора, да?

Что ж. А мы и впрямь не виделись долго.
Что? Не скоро вернешься еще?
Тогда счастливой дороги. И с Богом.
Покажу тебе путь до дома.
Я тобою сейчас освещен.

В городе моем
Нет гордых и больших построек.
В городе моем
С утра лишь слышен скрип от коек,

Как старики, вставая по утрам,
Идут на рынок оголтелый,
А ветер, кидая крики по дворам,
Ложится на пол пеплом серым.

В том городе нет чистоты опрятной —
Там пьяницы, играя в карты, ждут,
Когда судьба, летя змеей коварной,
Закончит стягивать на шее у них жгут.

Там осенью желтее листья,
Зимой сквозь солнце пробирается мороз,
Ну, а весной там нечто большее таится —
Лежит любовь в кровавом венчике из роз.

Там фонарей закат не виден с крыши,
Там все знакомо памяти моей:
И в новогодней ночи скрежет мыши,
И ясный шепот золотых полей.

А в городе моем живет огней живая стая,
По ним пройду — и вспомню все я вновь.
Как я стоял, как мы стояли рядом,
Как я был жив, а сердце гнало кровь.

Мemento мори

А ты ушла.
Пропала в небе синем.
Куда ушла?
В ответе я бессилен.
Вернешься ли?
Вернешься. Я уверен.
Когда осыпет дым
Остатками апреля,
Когда окаменеет он

И превратится в грязь.
Когда придешь в мой сон,
И мы соединимся вновь,
Как вязь...
Да ведь во сне не ты.
Хотя и все похоже:
И взгляд — мороз по коже,
И трепет той морщинистой руки.
И я там был
С чутка замерзшей рожей.
Замерзшей от печали и тоски.

И дух зимы пускай рисует
Лица твой выцветший овал.
Я докопать хотел до сути,
Но ветер с корнями выкорчевал.
И время все сотрет,
Затянет раны.
Затянет воронье,
Аки цыганский табор,
Гремучий лес своих смешков
На кладбище родном,
Где будут слезы и страданья,
Пустой укол. Пустой укор.
Постой-ка вновь.
И в день твой поминания
Мы слышим пустоту и крик ворон.

Вернешься ли? Наверное, вернешься.
Опустится тот дым и пеплом
Покроет голову мою.
Всплывут воспоминанья кухни южной,
И где при свете белом
Тебе я что-то говорю. ■

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

ЮРИЙ АРТЮХИН

Кандидат географических наук, автор шести монографий и свыше 120 научных статей. Преподавал в Ростовском государственном университете. С 1990 г. — зав. лабораторией, главный научный сотрудник ГСНПО «Краснодарберегозащита». С 2008 г. — главный специалист ООО НПЦ «Берегозащита» (г. Краснодар). Опубликовал работы, посвященные истории г. Ейска и Ейского Приазовья в сборниках исторических трудов Новороссийского музея, «Вестнике архивиста Кубани», сборниках «Большой Ромбит».

ПОЧЕМУ РОССИЮ НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ ПРОИГРАВШЕЙ В КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ) ВОЙНЕ 1853–1856 ГОДОВ?

Большая часть современников Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. считала, что война возникла по казавшемуся несущественным поводу — из-за спора между Россией и Османской империей о статусе священных мест в Палестине. На самом деле существовало несколько — гораздо более важных — причин. В 1833 г. Россия помогла султану Махмуду воспрепятствовать захвату Константинополя войсками восставшего против него египетского паши. Отношения между Россией и Турцией приобрели столь доброжелательный характер, что новый линейный корабль Черноморского флота России был назван «Султан Махмут». Англия с 1834 г. опасалась контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы. Антироссийские настроения английских властей видны из переписки посла в Турции Д. Понсонби с министром иностранных дел, которым в тот период являлся лорд Пальмерстон. О намерениях англичан доносили русские военные атташе в Европе. Начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков сообщил командиру Черноморского флота вице-адмиралу М. П. Лазареву о возможности английского нападения на Севастополь. Поэтому в феврале 1834 г. М. П. Лазарев запросил средства на срочное строительство укреплений вокруг Севастопольского порта, а в 1835–1836 гг. реализовал такие фортификационные мероприятия, которые не позволили агрессорам в 1854 г. сразу захватить Севастополь.

Возглавив кабинет, лорд Пальмерстон стал вынашивать планы нанесения урона России, вступившей в фазу экономического подъема, тогда как

сама Англия переживала финансовый и сельскохозяйственный кризисы. В этих целях уже с конца 1840 г. английские офицеры флота и разведки, консульские представители, некоторые английские купцы и крымские татары осуществляли сбор стратегической информации о русских портах, средствах их обороны, путях доставки продовольствия и боеприпасов из центральных регионов страны в Крым и порты Кавказа. Британии удалось выйти из кризиса, пустив в экономический оборот огромные средства контрибуции, полученные от Китая по результатам так называемой «первой опиумной войны» (свыше 25 млн фунтов стерлингов). Но уже к 1851–1852 гг. прибыли Англии стали уменьшаться из-за волнений в Индии, неурожая, сокращения площади пахотных угодий в метрополии. К тому же русские купцы, торговавшие с Англией пшеницей, льном, пенькой, требовали повышения цен на продукцию, что не устраивало английских посредников, фактически контролировавших торговлю через порт Санкт-Петербурга.

Инвестиции, осуществленные генерал-губернатором Новороссии, графом М. С. Воронцовым и купцами Донской области в угледобывающие копи Восточного Донбасса уже к середине 1840-х годов способствовали увеличению добычи антрацита — стратегически важного энергетического сырья. Его нехватка сдерживала развитие парового флота России. Хотя южнорусский антрацит был несколько дороже английского, но превосходил его по качеству. В результате русский уголь стал теснить английский на рынках Средиземноморья и

отчасти Балтики. Поэтому англичане стремились осуществить блокаду портов Черного и Балтийского морей для подрыва внешней торговли России и нанесения урона развивающейся русской промышленности. Этот прием ими был уже опробован. В 1815 г., «под шумок» войны с Наполеоном, английская артиллерия уничтожала фабрики и промышленные предприятия Франции с целью устранения конкурентов.

Важнейшей заботой британского правительства было сохранение Индии – «бриллианта в короне империи». К 1855 г. Англия владела всей Ост-Индией (кроме Бутана и Непала), где насчитывалось 150 млн жителей, что вдвое превышало население России и вчетверо – Франции. Эта подконтрольная территория давала огромные доходы Ост-Индской кампании и, соответственно, английской экономике, прежде всего за счет сбыта в Индии хлопчатобумажных, шерстяных тканей, орудий труда и произведений машиностроительной отрасли. Планировавшийся в 1799 г. Наполеоном и Павлом I поход на Индию стал сущим кошмаром для англичан. Британское правительство изыскивало любые способы военного и административного прикрытия подходов к Индии со стороны России. В этом отношении наибольший интерес для него представлял Кавказ.

Поначалу в горы проникли агенты «Интеллиженс сервис» – Белл и Лонгворт, маскировавшие свою деятельность против России сбором этнографических материалов. С помощью османских офицеров они создавали базы на Кавказе, распространяли ложные сведения, подстрекая горцев к выступлениям против России. После появления «армии Шамиля» и больших потерь русского отряда, в 1845 г. выведенного в горы графом М. С. Воронцовым на захват ставки Шамиля, надежды Англии на вовлечение Кавказа в сферу своих интересов укрепились. Правительство Англии при поддержке парламента приступило к обсуждению идеи создания «Великой Черкесии» под британским протекторатом.

Согласно планам агрессоров, после захвата Крыма и ликвидации военных баз в Днепро-Бугском

лимане (военный порт Херсон и корабельные верфи в Николаеве) в 1854–1855 гг. англо-французские и турецкие войска, отряды горцев Шамиля должны были выйти на Северный Кавказ, отсекая от России Кубань и Ставрополье. В дальнейшем предполагалось развивать наступление до широты Воронежа, после чего начать переговоры с Россией «с позиции силы». В Крыму же планировалось возродить Крымское ханство.

В геополитические планы Британии входили блокада, а фактически, как показали события, разгром русских крепостей, уничтожение инфраструктуры портов и торговых центров в Черном море и на Балтике (включая разгром Кронштадта и высадку десанта в Санкт-Петербурге), в Баренцевом и Белом морях. Еще с начала XIX в. англичане присматривались к владениям Российско-Американской компании от Аляски до Сахалина, которые по указу Александра I были объявлены собственностью России, а позднее согласованы международными договорами с Англией и США. Отнять Аляску у России еще в 1849–1851 гг. Англии помешало исчезновение во льдах кораблей капитана Дж. Франклина. Адмиралтейством ему было поручено найти наиболее короткий и, следовательно, рентабельный для перевозок морской путь из Англии к Аляске через северные моря Баффина и Бофорта.

Мотивы участия Франции в войне против России были иными. Французский император Наполеон III жаждал отомстить Николаю I за нежелание признать за ним династические права на цифру «III» в титуле, а России – за разгром Первой Французской империи. Он жаждал исключить из международных договоров 1815 г. пункты, низводящие Францию до уровня рядовой европейской страны. Неспроста высадка французских войск в Евпатории была осуществлена 2 сентября, в день нашествия Бонапарта на Москву, а штурм Малахова кургана – 18 июня, в годовщину Ватерлоо.

Это был человек импульсивный, злопамятный, склонный к интригам и демонстративным жестам, за которыми часто скрывались «темные» замыслы, подобные государственному перевороту 1851 г., в результате которого из президента он превратился

в императора Наполеона III. В конце 1854 – марте 1855 г. западные газеты неоднократно сообщали о его планах прибыть в Крым, чтобы самостоятельно определять направление боевых действий. Наполеон III приказал обеспечить телеграфное сообщение между Парижем и Крымской штаб-квартирой французских войск, намереваясь проводить в жизнь собственные идеи. Эту задумку ему не удалось осуществить, так как командующий французской армией на тот момент генерал Пелисье прямо заявил: «Либо он сам будет планировать и осуществлять боевые операции, либо пусть император приезжает в Крым и командует». Подобный демарш был слабой попыткой Пелисье отомстить за унижение 1851 г. Отправка в Крым маршала Сент-Арно, генералов Канробера, Пелисье и других было своеобразным наказанием за их оппозицию Наполеону III при государственном перевороте.

Именно французский император способствовал формированию «Восточно-пограничной» армии, которую он пытался перебросить через прусскую территорию к польскому участку западной границы России. Это разрекламированное намерение заставило русские власти строить фортификационные сооружения в Галиции, в теснинах отрогов Карпат, около Лемберга и Пршемысля, в Кракове, вдоль молдавской границы. Если учесть огромные расходы, организационные усилия Франции по пополнению рядов войск в Крыму, несмотря на острую нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве, станет очевидно – речь вряд ли шла только о восстановлении «прав Французской империи» и возврате Франции «на прежнее место между народами». Видимо, подлинные планы французского императора остались неизвестными. Нельзя исключать, что у него на начальном этапе мог зреть план своеобразного повторения военной операции Бонапарта 1812 г.

В конце лета 1854 г. газеты англо-французского союза начали пропагандистскую кампанию, извещая европейцев, что «война будет иметь следствием упрочение европейского мира, охранение Европы от завоевательных замыслов России, исключение России из числа цивилизованных стран». В искаженном свете представляли подавление польского

мятежа 1833 г. и помощь Австрии в разгроме венгерских мятежных войск в 1849 г. Говорилось о приоритете международного права. Тем временем англо-французские эскадры с десантами на борту уже в августе 1854 г. были направлены для разгрома русских баз и уничтожения русских судов в Баренцевом и Белом морях, на Тихоокеанском побережье. Особое место в их планах занимал новый русский опорный пункт – Авачинская бухта (губа) на Камчатке.

Весной 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев озаботился проблемой повышения эффективности работы охотоморского порта, обеспечивавшего перевозку мехов из Аляски в Якутск и Иркутск. Он не ограничился знакомством с докладными записками офицеров, подыскивавшими наиболее подходящие участки побережья Охотского моря для переноса морской базы из небольшого поселка Охотск. После личного обследования на судах Охотского побережья и Камчатки Н. Н. Муравьев послал в морской штаб докладную записку, в которой предлагалось переместить морские силы и восточное управление Российско-Американской компании из Охотска в Авачинскую губу. Губернатор утверждал: «... при малейшей перемене отношений [России] с [иностранными] морскими державами [Камчатка с Авачинской губой] может быть безвозвратно у нас отнята – одним [неприятельским] шлюпом или шхуной». В отчете министру внутренних дел Л. Перовскому Н. Н. Муравьев писал: «Авачинскую губу надо укрепить, а без того она будет игрищем самой незначительной враждебной эскадры; там ныне уже были два английских военных судна. Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть [Авачинской губой] и потом заключить мир, но Авачинской губы она уже нам не отдаст».

Николай I вынес единственно верное решение: срочно перебазироваться из Охотска на Камчатку. В течение коротких навигационных периодов 1850, 1851 и 1852 гг. Сибирская флотилия, суда которой всегда строились на берегах Охотского моря, обеспечила перевозку казенного имущества и служащих на Камчатку. Оставался всего один год мирной

жизни нового порта и военной базы России на Тихоокеанском побережье.

Утром 17 августа 1854 г. в Авачинскую губу вошел трехмачтовый английский колесный пароход «Вираго» под фальшивым американским флагом. На другой день в залив вошла эскадра, состоявшая из трех английских и трех французских кораблей. К полудню неприятельские суда открыли огонь по русским батареям. Именно на исходе этой артиллерийской дуэли ядром из русской пушки был убит английский адмирал Прайс. Залегшие в прибрежном кустарнике русские стрелки столь удачно обстреляли англо-французский десант, что те в панике с трудом смогли ретироваться, потеряв убитыми, упавшими со скалы и утонувшими не менее 400 человек. Русские чиновники Российско-Американской компании, находившиеся на борту захваченных англичанами шхуны «Анадьрь» и транспорта «Ситха», позже сообщили, что фрегат «Президент» едва дошел до канадского берега, поскольку его корпус в нескольких местах был пробит насквозь. Серьезные повреждения и потери личного состава имели и другие корабли.

В октябре 1854 г. англо-французская эскадра вышла на боевую позицию у входа в Севастопольскую бухту. Агрессоры были убеждены, что мощь их корабельной артиллерии позволит смести укрепления Севастополя. Но береговые батареи союзников западнее Севастополя были подавлены русской артиллерией, а англо-французскому флоту нанесен серьезный урон. Погибли сотни матросов и офицеров, в том числе весь штаб французского командующего, адмирала Гамелена. Корпуса многих парусных кораблей и даже пароходов были пробиты насквозь, а такелаж сожжен. В начале июня 1855 г. при очередном обстреле Севастополя русские артиллеристы Константиновского форта потопили четыре канонерские лодки, а один пароход взорвался от попадания в кюйс-камеру или машину. Это событие засвидетельствовал корреспондент Венской военной газеты.

В ноябре 1854 г. на Черном море разыгрался шторм, достигший небывалой силы. В прибрежных водах Крыма затонули или были разбиты о скалы

десятки военных кораблей и значительное число транспорта с лошадьми, боеприпасами и подводным оборудованием для расчистки входа в Севастопольскую бухту. Гибель при урагане большого количества лошадей, а позднее расстрел русской артиллерией английской бригады легкой кавалерии поставили крест на планах захвата Северного Предкавказья и степей Северного Приазовья. Но и бои под Севастополем показали призрачность надежд на победу над Россией, поскольку каждая попытка штурма укреплений и каждая вылазка русских добровольцев приводили к значительным жертвам агрессоров. Газета Nord в этой связи написала: «Еще недавно союзные газеты потешались над русским солдатом, а сейчас отдают должное его мужеству и воинской выучке». Генерал Пелисье в начале 1855 г. критиковал командующего Канробера за его неспешное осуществление военных операций. Но став сам во главе армии, быстро убедился, что русские солдаты более ловкие, смелые и храбрые, чем французы, а тем более англичане и отказался от своих прежних скороспелых прожектов.

В конце 1854 г., зимой-весной 1855 г. все попытки неприятельских войск овладеть севастопольскими укреплениями оканчивались огромными потерями. С сентября 1854 г. ряды англо-французских войск «косили» холера (которую они завезли в Крым из болгарских владений Турции, где у французов погибло 14 тыс. человек), цинга, простудные заболевания, а с 1855 г. к ним добавился и тиф. На английских кораблях Балтийской эскадры свирепствовала оспа. Едва ли не ежедневно из Крыма отправлялись суда, отвозившие в госпитали Константинополя, Скутари, Мальты и Марселя сотни и тысячи раненых и больных. Так продолжалось до сентября 1855 г. В преддверии холодов русские войска уже не могли оставаться в развалинах южной части Севастополя, уничтоженной жуткими обстрелами англо-французов. Скрытно от неприятеля ночью 9 сентября (28 августа) 1855 г., взорвав оставшиеся укрепления и здания, свыше 40 тыс. русских воинов по наплавному мосту перешли на северную сторону Севастополя. Думающие западные журналисты и политики, русские обозреватели неоднократно

подчеркивали, что не французы (роль остатков английских войск была ничтожна) захватили Южный Севастополь, а русские войска осознанно оставили его. Там уже нечего было защищать. Но это событие породило надежды политиков Англии и Франции, что русские войска уйдут с северного побережья Севастопольской бухты. Уже концу ноября русскими войсками на северной стороне было воздвигнуто несколько капитальных редутов, установлены новые батареи. Фортификационные мероприятия были дополнены организацией ночного патрулирования бухты с помощью весельных ботов. Комплекс мер русского командования сорвал несколько попыток неприятеля скрытно подойти и высапить десанты на северном побережье. Не удалось и попытки прорваться сухопутным отрядам к Симферополю через Байдарацкую долину.

Обычно зарубежные историки показывают ничтожные потери англичан и французов, «гостивших» под стенами севастопольских укреплений. Начало этому положила газета «Монитор», утверждавшая, что англичане потеряли не более 14 тыс. человек. Историк Б. Ц. Урланис без ссылки на источник утверждает, что число убитых англичан в Крыму составило 2755 человек, а Франция, со ссылкой на данные главного врача армии Шеню и врача Мораш, потеряла в боях и умерших от ран 20 240 человек. Что же касается турецких и сардинских войск, то едва ли не все европейские и даже русские исследователи утверждают об отсутствии сведений по этим странам или приводят парадоксальные цифры: сардинцы потеряли убитыми 12 человек, а Турция – 10 – 10,1 тыс. человек. Почему же тогда сардинцы вынуждены были уже в июле – августе отправлять значительное пополнение в Крым, а турецкие власти вывели из Крыма все свои войска, не считая англо-турецкой (башибузукской) дивизии под Керчью?

Бельгийская газета Nord в сентябре 1855 г. сообщила следующую информацию, которая циркулировала в Берлине, Брюсселе, Риме, Париже и других европейских столицах: «Ели обратить внимание на последствия двух лет войны западных держав против России, мы увидим, что Ан-

глия потеряла свою единственную, блистательную и многостоящую армию, свое преобладание на море, уважение к себе внутри и извне... В два года она удвоила у себя налог на доходы и умножила свой государственный огромный долг новыми займами. Франция в два года лишилась 70 тыс. воинов, несколько займов увеличили ее долг на 1,5 млрд франков. Что же касается до Турции, то в два года она почти совсем уничтожена. По признанию своих союзников она потеряла 160 тыс. человек. У нее нет больше армии и резервов». Другие газеты раскрывали крах турецкой экономики, фактически державшейся лишь на периодически возобновляемых кредитах Англии, но часто разбазариваемых султаном и его приближенными.

Известно, что после длительных переговоров Сардинское королевство вошло в агрессивный союз, послав в Крым по одним сведениям 15, по другим – 16 тыс. человек. Но уже в июне численность сардинской группировки сократилась до 12 тыс. человек. Летом из Пьемонта прислали некоторое пополнение, но, согласно информации «Новой прусской газеты», сославшейся на сведения итальянских репортеров, к 17 августу насчитывалось 8 тыс. человек под ружьем, 2 тыс. убитых, 3 тыс. больных, и 2 тыс. находились в числе выздоравливающих. Этот же корреспондент сообщал, что от холеры у сардинцев умерли 2004 человека – «ужасная потеря для 15 тысячного корпуса». Очевидно, что сардинцы сознательно скрывали потери, выдавая погибших за заболевших, умерших от эпидемий. В первых числах сентября сардинский король был вынужден послать в Крым подкрепление численностью 5 тыс. человек (хотя англичане добивались посылки войск, доведя их общую численность до 25 тыс. человек), в том числе и потому, что в августовских боях его армия потеряла 22 офицера и не менее 1,2 – 1,5 тыс. рядовых, не считая раненых. Во время боя на Черной речке получил смертельное ранение генерал Монте-Веккио. ■

Окончание следует

ВЯЧЕСЛАВ ТКАЧЕВ

Родился в 1885 г. в станице Келермесской Майкопского отдела Кубанской области. С началом Первой мировой войны первым из военных летчиков России награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), а через два года – Георгиевским оружием. Жизнь В.М. Ткачева – доблестная и трагическая – во многом нашла отражение в его разножанровом наследии. Умер в 1965 г. в Краснодаре, похоронен на Славянском кладбище.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: 1917 – 1920 гг.

Прошла мировая война. Все государства, принимавшие в ней участие, сейчас [в 1921 году] подводят итоги ее: внимательно изучаются в деталях эпизоды великих битв и бережно заносят на страницы военной науки все поучительные примеры и выводы. Конечно, военные авторитеты западноевропейских государств уделяют должное внимание и новому техническому средству войны – авиации, которая в течение четырех лет, 1914 – 1918 гг., из вспомогательного, почти исключительно разведывательного средства, достигла значения мощного боевого средства других родов оружия. Специфический характер мировой войны, особенно на Западно-Европейском фронте, где были сосредоточены грандиозные технические средства, отвечающие последнему слову науки, дает материал, для изучения главным образом вопросов применения авиации в позиционной войне.

В то время как на Западном фронте окончательно замолк грохот орудий, на востоке Европы та армия, которая в 1917 году, разваленная преступной изменнической агитацией бросила фронт, уже через несколько месяцев судорожно сжимала в своих руках винтовку и с невероятной яростью вступила в братоубийственную схватку.

Уже в 1919 году белые и красные имели организованные силы и вели борьбу. Стойкость войск той и другой стороны была слаба, пока каждая из них стремилась вести непрерывные наступательные операции, что придавало Гражданской войне вполне определенный характер – маневренный.

К сожалению, в силу исключительных условий жизни большинства участников русской Гражданской войны материала для изучения ее в печати еще пока нет, а поэтому для многих роль и значение авиации в этой войне остаются неясными. Я беру на себя смелость [...] коснуться именно этого вопроса – с це-

лью освещения его главным образом с тактической стороны.

Гражданская война в России началась с момента захвата власти большевиками в обеих столицах. К сожалению, Временным правительством не было заранее подготовлено вполне реальной силы, почему, начиная с конца 1917 г., организация войск, как белых, так и красных, производилась в период самой борьбы и носила поспешный характер. Бралось все мало-мальски способное к бою и посылалось на фронт. Естественно, что при таких условиях невозможно было даже мечтать о какой-либо серьезной роли авиации. Организация в это время первоначально затруднялась вследствие полного отсутствия у противобольшевистских сил основных баз.

Только в 1919 г. армии Юга России приняли организованную форму и были снабжены всеми необходимыми техническими средствами. [...] я буду касаться только авиации Юга России, так как, с одной стороны, все ее развитие протекало на моих глазах, почему я имею возможность подробнее останавливаться на тех или иных вопросах тактического применения ее, с другой стороны – по имеющимся данным, работа авиации на других фронтах Гражданской войны, мало отличалась от таковой в армиях Юга России.

По недоразумению, по преступному ли попустительству или, наконец, злоупотреблению к началу 1919 г. Юг России был снабжен в массе почти совершенно непригодными для боевой работы аэропланами – так называемыми – «Ариейтами»¹. Лучшие же системы – «Гевлянды»² – стали прибывать в значительном количестве только летом этого [1919] года. Эта серьезная заминка технического свойства, конечно, значительно отразилась на боеспособности авиационных отрядов Юга России. Тем не менее в 1919 г. авиация Юга России своими действиями как отдельных летчиков, так и некоторых отрядов внесла крупный вклад в свою историю.

На Тереке борьба с восставшими воинственными горными племенами в некоторых случаях возлагалась почти исключительно на авиацию, которая, не считаясь с непроходимостью дикой горной страны, свободно достигала неприступных аулов и своим грозным бомбометанием приводила к покорности беспокойных абрековⁱⁱⁱ.

В Донецком бассейне некоторые отдельные летчики, проявляя инициативу, своими активными действиями – бомбометанием и обстрелом из пулеметов земных целей – нередко расстраивали густые ряды наступающего сильнейшего противника, отбрасывали наседающие бронепоезда, чем склоняли успех операции в нашу пользу^{iv}.

Еще более характерные задачи, присущие только условиям Гражданской войны, были поставлены авиации на Дону.

Пример. В Новочеркасске были получены сведения, что Верхнедонцы восстали против советской власти. Для проверки и подтверждения этих сведений решено было послать аэроплан. Так как число восставших было не велико, к тому же внешне они ничем не отличались от красных, то, естественно, произвести в этом случае какую-либо разведку сверху было невозможно, почему являлась необходимость опуститься где-либо в предполагаемом районе восстания и опросом жителей выяснить обстановку. Зверский террор красных, а также трудность выполнения этой задачи в техническом отношении, заставляли смотреть на этот полет, как на верный путь к смерти. Тем не менее нашелся не один храбрец-летчик. Имми окончательно была установлена связь с повстанцами, перевезено в район восстания воздушным путем оружие, большое количество патронов, медикаментов. При этом неоднократно были случаи посадки аэроплана среди красных и взлета под их ружейным огнем на расстоянии почти прямого выстрела^v.

Другой случай ответственной связи был произведен авиацией в период Мамантовского рейда. На этот раз некоторые из летчиков геройски сложили свои головы, попав в руки красных^{vi}.

Наконец, на Царицынском направлении, с началом майского наступления, авиация стремилась все-

мерно к согласованному с войсками действию, своей разведкой и активными действиями она способствовала победоносному продвижению Кавказской армии к Царицыну, оказала неоценимую услугу при взятии его и в дальнейшем помогла удержать его за нами в тот момент, когда красные, сосредоточив крупные силы, обрушились на нас. В этот период особенно характерными и красочными являются активные действия авиации в операциях: 5 мая под Великокняжеской; 30 мая – у Царицына; в июне – при взятии Царицына и в конце августа – при отбитии атак красных на подступах к Царицынской укрепленной позиции. Здесь впервые выявилось исключительное значение активных действий авиации в маневренном бою и особенно подчеркнулась ее мощь в борьбе с конными массами^{vii}.

Описывая Гражданскую войну, я хотел бы дать объективную историческую правду о Кубани и о наших казаках. У донцов, например, были Подтелковы и его последователи, а у нас Сорокин да Кочубей и, кажется, без последователей. Кубань, по-моему, в массе своей являлась чистой «Вандеей»^{viii}, и это историческое понятие. От истории это скрывать не надо. А я пишу не для сегодняшнего дня и не в угоду правым или левым, не ради гонорара, которым мне, наверно, пользоваться не удастся^{ix}.

Что же толкнуло меня в стан белых? Только горячая любовь к Родине и своему народу. Я шел против Советской власти не потому, что защищал какие-то личные привилегии; не потому, что был противником каких-либо социальных перемен; не потому, что спасал от коммунизма капитал, а мне казалось, что я спасаю Родину!

Немало разочарований пережил я в стане белых. Но жребий был брошен. Как впитавший в себя с детства дух дисциплины, я подчинился власти на Юге России и добросовестно исполнял все даваемые мне поручения^x.

Доподлинно неизвестен хронологический отрезок жизненных перипетий Ткачева с момента оставления им Ставки в Могилеве и до появления на Кубани. На этот счет существует ряд версий, выдвинутых авторами, изучавшими биографию Ткачева. К сожа-

лению, они не указывают источник информирования, что весомо снижает достоверность изложенных ими событий. Так, например, В. Кондратьев пишет: «Рассказ о том, как Ткачев пробирался „по бурлящей России” с бывшего фронта на Кубань, мог бы стать сюжетом для приключенческого романа. Ему пришлось переодеться в солдатское обмундирование, его дважды арестовывали, но оба раза он сумел бежать. В марте 1918-го Ткачев добрался до Майкопа, занятого красными, и там его арестовали в третий раз. Более четырех месяцев Вячеслав Матвеевич провел в городской тюрьме, пока в августе его и других заключенных не освободили вступившие в город части Добровольческой армии генерала Деникина»^{xi}.

Несколько иную интерпретацию событий дает И. Софронов. По его словам, после оставления Ставки Ткачев направился на Кубань, «где, как он справедливо рассчитывал, красные встретят вооруженное сопротивление. Дважды полковника задерживали, дважды он бежал из-под ареста. И в начале 1918 года появился в родных местах, где рядовым бойцом вступил в партизанский отряд казачьего полковника Кузнецова и участвовал в нескольких боях против войск Северо-Кавказской советской республики. В одной из таких стычек подразделение, в котором сражался Ткачев, прикрывало переправу основных сил через Лабу, было отрезано от своих и практически в полном составе уничтожено красными. Вячеслав Матвеевич оказался в числе тех, кто был взят в плен. С марта 1918-го он находился в майкопской тюрьме. И лишь в начале сентября, когда большевики были выбиты из города, смог предложить свои услуги штабу Добровольческой армии»^{xii}.

Совсем лаконично описывает события А. В. Шишов: «В конце ноября 1917 года полковник Ткачев покинул Могилевскую ставку и уехал на Кубань. Там он вступает в белый партизанский отряд полковника Кузнецова, действовавший у Майкопа. Попал в плен и чудом избежал расстрела (за него заступились казаки-кубанцы)»^{xiii}. Еще меньше информирован М. Быков: «Октябрь Ткачев не принял, ушел на Дон и Кубань, командовал авиацией в Русской армии генерала Врангеля»^{xiv}.

По свидетельству А. В. Махалина, «в декабре 1917-го Ткачев добирается из Могилева до родной Кубани и вступает в белогвардейский конный отряд рядовым казаком. Участвует в боях, попадает в плен, дважды по несколько недель томится в большевистских тюрьмах»^{xv}. Почти вторят ему А. Дробышевский и В. Куликов: «В декабре 1917 г. Ткачев добирается из могилевской ставки до родной Кубани и вступает в белогвардейский конный отряд рядовым казаком. В феврале – марте 1918 г. он активно участвует в боях, дважды попадает в плен, где проводит 4 месяца, и чудом спасается из тюрьмы»^{xvi}.

А вот как пишет В. Бардадым: «20 октября 1917 года, когда ставка была занята большевиками, В. М. Ткачев оставляет должность и выезжает на Дон, в распоряжение генерала Л. Г. Корнилова. Но и там дела ему не оказались. И он подался в свой отчий угол на Кубань. В феврале – марте 1918-го Вячеслав Матвеевич, прекрасный наездник, служит простым рядовым в конном отряде и однажды, участвуя в одной из рискованных схваток, попадает в красный плен, где проводит четыре месяца»^{xvii}.

Осведомленный историк русской авиации В. М. Томич, будучи в эмиграции и переписываясь с Ткачевым с середины 1920-х годов вплоть до его смерти в 1965 году (кроме ГУЛАГовского периода), указывал, что после Октябрьской революции Ткачев вместе с военным летчиком В. Г. Барановым «пробрались на Дон, где В. Г. Баранов с 1918 по 1920 год был начальником Донской Авиации у белых, а В. М. Ткачев, вступивший в ряды Корниловских ударных частей, попал в плен к красным, в котором находился с апреля по август 1918 года. Несколько позже своего освобождения из плена, т.е. уже зимой 1918 года, он создал и возглавил 1-й Кубанский казачий авиационный отряд»^{xviii}.

Наконец, племянник Ткачева – Б. И. Ткачев так описывает события, в ряде которых и сам принимал непосредственное участие: «Вяч[еслав] Мат[веевич] возвращается на Кубань и вступает в Правительственный Кубанский войсковой антибольшевистский отряд в конную группу пол[ковника] Кузнецова, посланного после командующим для отвлечения внимания противника от главных отступающих

сил и разбитого наголову противником. Вяч[еслав] Мат[веевич] раненый попадает в Майкопскую тюрьму, откуда его, по приговору станицы^{xxix}, выручают казаки, взяв его на поруки. В августе [1918 года], вместе с частями 1-й Кубанской Казачьей Дивизии, я, командуя Партизанским отрядом 1-й Куб[анской] Каз[ачьей] Дивизии, после ночного боя, вступил в станицу Гиагинскую, где и нашел скрывавшихся там Вяч[еслава] Мат[веевича] и других наших офицеров. Объяснив обстановку, я дал подводу и небольшой конвой и направил Вяч[еслава] Мат[веевича] и ген[ерала] Данилова в Екатеринодар»^{xxx}.

Сам же Ткачев об всех этих событиях нигде и никогда не упоминал, ограничиваясь констатацией факта нахождения в тот период на территории Кубани, занятой красными.

[...] Юг, хваченный белым движением, был не мал, а я не был вездесущим. К тому же я около полгода – в 1918 году – был вне белых, жил в станице при советской власти с семьей^{xxxi}. [...] летом 1918 года [...] я жил в своей родной станице близ Майкопа (Келермесской), где в то время была советская власть^{xxxii}.

О том, как разворачивались дальнейшие события, известно со слов Б. И. Ткачева: «С радостью он [Ткачев] туда [в Екатеринодар] поехал с полной надеждой организовать в Добровольческой армии любимую им авиацию, но опять-таки – судьба играет человеком, и ему, знаменитому уже в то время летчику, бывшему Начальнику всей Российской авиации, Главным командованием [Добровольческой армии] было отказано в этом, а назначили полу-поляка, полу-литовца, мало известного до тех пор, как и мало что сделавшего после, ген[ерала] Военного Летчика Кравцевича^{xxxiii}. Чем объяснить эту причину, я так и не мог добиться у Вяч[еслава] Мат[веевича] – моего дяди. Он всегда старался обходить этот вопрос. Я же это относил к той причине, по какой и Главное командование не разрешало иметь кубанцам свою армию^{xxxiv}. Но так или же иначе, обиженный генерал Вяч[еслав] Мат[веевич] Ткачев отошел от дел Доб[ровольческой] армии и пошел служить родному Кубанскому казачьему войску. Он в нем занимал разные должности: ездил в качестве председателя комиссии в Киев для переговоров с правительством

Гетмана Скоропадского об оказании кубанцам помощи, ездил туда же и в качестве члена комиссии под председательством Н. Рябовола. [...] Когда Кубанское инженерное управление добилось разрешения к формированию своего авиаотряда. Вяч[еслав] Мат[веевич] принял живое участие в организации такового»^{xxxv}.

С авиацией я сблизился главным образом в Крымский период, при Врангеле, где я ею командовал. [...] я не был в гуще летчиков, а в деникинский период был от них вообще далек. Ведь авиация при Деникине – со второй половины 1918 года и до весны 1920 года – была в Донском войске и в Добровольческой армии^{xxxvi}, и каков в этот период был политико-моральный облик летчиков, конечно, точно не могу сказать. А, в сущности, и за врангелевский период, когда я уже общался с летчиками, мне трудно сказать точно – каков был их политический облик. На эту тему мне никогда не приходилось с ними разговаривать, да и было некогда это делать. С летчиками я бывал всегда в боевой обстановке, которая [...] совершенно исключает политику – это был принцип старой Русской армии. [...] я думаю, что не все офицеры-летчики имели одинаковый взгляд на политику – были, вероятно, среди них республиканцы, демократы и даже монархисты. Но никто из них, конечно, не задавался вопросом – как надо строить будущую Россию? Как удовлетворить работой, как ответить на почти вековые чаяния крестьян? Эта высокая политика была уделом Деникина с его окружением, а позже – Врангеля. Откровенно говоря, я и сам пытался ответить – какую Россию я представлял себе в будущем. Все мы, рядовые белые, думали тогда не о постройке России, а о ее спасении. Естественно, когда мне приходилось слышать от кого-либо, что все мы, белые, контрреволюционеры, я возмущался этим и думал: нет уж возврата к прежнему, но может быть действительно революция должна очистить нашу Родину от всей этой гнили, от всей той позорной наклити, которую создал разлагающийся режим Николая II. [...] А что касается морали летчиков – она была, как, пожалуй, и у многих белых, под влиянием того финансово-экономического и политического хаоса, который создался в тылу победоноснодвигающихся к Москве войск еще

летом 1919 года и продолжался после военных неудач вплоть до катастрофической Новороссийской эвакуации. Мне приходилось видеть наших летчиков, георгиевских кавалеров, в ролях самых злостных спекулянтов и чуть ли не мародеров. Правда, это были единичные случаи.

Что касается идейности белых летчиков, мне уже легче ответить, так как я и сам пережил, пере-страдал и передумал то, что и многие другие. Конечно, не все, кто работал в белой авиации, был вполне идейным, ведь кое-кто вошел в нее просто после того, как известная территория была занята белыми^{xxxvii}. Идейными надо считать, главным образом, бывших фронтовиков. Эта «идейность» родилась еще там – на внешнем фронте. Она не была контрреволюционной и даже поначалу антикоммунистической. Но сама обстановка внушала и толкала наших боевых летчиков, из которых некоторые годами не покидали фронта, только на одно чувство и желание – жажду победы над врагом, ради спасения от позора и порабощения. [...] Вдумайтесь и поймите – какую же душевную трагедию переживали боевые офицеры, а в том числе и летчики фронта! И эта трагедия пришла исторически. [...] Возможно, что были среди белых летчиков и шкурники, боровшиеся за утерянные привилегии. Но их лучшая часть была настроена так, как мне известно. [...] В армиях Деникина и Врангеля никакой пропаганды не велось, а в тылу, при Деникине, работал пресловутый ОСВАИ^{xxxviii}, который в результате вооружил против себя всех и был в Крымский период ликвидирован.

Точно не знаю, что было в период мало мне знакомый в Донской авиации и в отрядах Добровольческой армии. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что потеря там в воздушных боях не было, так как все эти летчики были старые опытные, обстрелянные еще на внешнем фронте^{xxxix}. А в Крымский период мне известен лишь один случай, когда красный летчик смело и решительно остановил «Хевиленд»^{xxxix} белых в районе Каховки, однако последний без повреждений

и ранения летчиков вернулся на свой аэродром^{xxxxi}.

После освобождения Екатеринодара Добровольческой армией¹ А. И. Деникина и М. В. Алексеева от красных в начале августа 1918 г. в город вернулось Кубанское краевое правительство. В это время Екатеринодар напоминал Вавилонское столпотворение – туда устремились военные, не признавшие советскую власть, и беженцы из центральных губерний России. Член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР Н. В. Савич вспоминал: «Екатеринодар показался мне грязным губернским городом средней руки, он был переполнен, найти помещение частному лицу было невозможно»^{xxxii}. Однако для «освободителей» подобной проблемы не существовало. Штаб Добровольческой армии разместился в шикарном доме братьев Богарсуковых на Гимназической улице в центре города (ныне Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына). Генерал А. И. Деникин с семьей поселился в особняке владельца крупной обувной фабрики Х. И. Фотиади на углу Соборной и Борзиковской улиц (ныне ул. Ленина, 53 – Творческое объединение «Премьера»). Генерал М. В. Алексеев занял особняк чешского пивовара М. Ф. Ирзы на Екатерининской улице (ныне ул. Мира, 60 – отель «Престиж»), но прожил там недолго: после его кончины 25 сентября 1918 г. от воспаления легких в особняк перебрался заместитель председателя Особого совещания генерал А. М. Драгомиров. Управление контрразведки Добровольческой армии дислоцировалось в Гранд-отеле Губкина на Гимназической улице (ныне угол улиц Гимназической, 69 и Красноармейской, 39 – музей им. Фелицына), а его Екатеринодарский контрразведывательный пункт – на Соборной улице, 30 (ныне ул. Ленина). Наконец, Управление авиации Добровольческой армии нашло приют на Крепостной улице, 27 (ныне ул. Пушкина). Вот туда-то по прибытии в Екатеринодар и устремился Ткачев, однако понимания у «полуполяка, полулитовца» Кравцевича не нашел. Но почему? По-

¹26 декабря 1918 г. между Главнокомандующим Добровольческой армией генералом А. И. Деникиным и атаманом Всеволоцкого войска Донского генералом П. Н. Красновым было заключено соглашение об установлении единого командования и образовании Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), куда позднее вошли и войска других армий. Главнокомандующим ВСЮР был назначен А. И. Деникин.

скольку, по словам племянника Ткачева, дядя «всегда старался обходить этот вопрос», можно только предположить следующее. Назначенный 20 декабря 1916 г. инспектором авиации Северного фронта в Великую войну, Кравцевич оставался на этом посту до октября 1917-го. Следовательно, он был некоторое время в подчинении Ткачева, который с 30 июня 1917 г. руководил всей авиацией на театре военных действий. Не исключено, что требовательный Ткачев высказывал какие-либо нарекания Кравцевичу, а тот, возглавив авиацию Добровольческой армии, не смог этого забыть. Впрочем, не исключена и банальная причина: Кравцевич опасался, что авторитетный не только в авиационных кругах Ткачев займет его место руководителя авиации Добровольческой армии. Как показывают дальнейшие события, в принципе, так и произошло, но уже при Главнокомандующем ВСЮР генерале Врангеле.

Как бы то ни было, но 15 ноября 1918 г. войсковой штаб Кубанского казачьего войска, куда обратился Ткачев, направил его в распоряжение начальника Управления инженеров войска полковника С. В. Попова, который и назначил его исполняющим обязанности командира «Первого Кубанского авиационного отряда»^{xxxiii}. Уже 28 ноября на заседании Совета Кубанского краевого правительства был утвержден штат Кубанского авиационного отряда^{xxxiv}, который был объявлен 22 декабря приказом № 511 войскового атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта А. П. Филимонова. В штат отряда вошел 21 офицер, в том числе: командир отряда, военный летчик (штаб-офицер); его помощник, военный летчик (есаул, мог быть штаб-офицером); 8 военных летчиков (обер-офицеры); 8 летчиков-наблюдателей (обер-офицеры); механик (он же заведующий технической частью отряда); делопроизводитель (чиновник). Помимо офицеров, в штат отряда вошли 82 казака, в том числе: 20 мотористов (10 старших и 10 младших); 2 слесаря; 2 столяра; технический каптенармус; его помощник; 3 писаря (высшего, среднего и младшего оклада); вахмистр; медицинский фельдшер; команда для охраны и обслуживания отряда в количестве 42 казаков. Помимо ежемесячного содержания, военным летчикам и

летчикам-наблюдателям за каждый час выполнения боевой задачи выплачивалось по 25 руб. К «материальному оборудованию отряда» были отнесены 10 «самолетов разных систем»; 10 «пулеметов для установки на самолетах» и 5 «палаток-ангаров». К отряду «прикомандировывалось» 2 легких и 2 грузовых автомобилей. Особо уточнялось, что «к каждому самолету и автомобилю должны быть в необходимом количестве запасные части и инструменты, кроме того при отряде должны быть устроены мастерские – столярная и слесарная в масштабе, потребном для незначительных починок самолетов и автомобилей»^{xxxv}. На деле же вышло, что ни аэропланов, ни вооружения к ним, ни, тем более, автомобилей не было – в наличии имелись только военные летчики, рвущиеся в бой, причем в достаточном количестве. По этому поводу начальник Управления инженеров Попов сетовал, мол, летчиков нынче в Кубанском войска полно, а вот дипломированных офицеров инженерных войск днем с огнем не сыщешь^{xxxvi}.

12 декабря 1918 г. Ткачев издал приказ № 1 «по формирующемуся Кубанскому авиационному отряду».

§1. Сего числа приступлено к формированию Первого Кубанского отряда.

[...] § 3. При сем объявляю список гг. офицеров, чиновников, казаков и солдат, предназначенных в формирующийся мною отряд».

В «список» вошли 8 военных летчиков (в том числе и Ткачев), 3 пилота-авиатора, 7 летчиков-наблюдателей, делопроизводитель и 19 казаков и солдат. В дальнейшем авиаотряд продолжал пополняться личным составом до установленного штата. Так, например, 20 декабря приказом № 2 в штат отряда было зачислено еще 16 казаков и урядников. Все казаки и солдаты были размещены в гостинице «Александра» на ул. Шевченко, а позднее – в гостинице «Александрия» на Ростовской ул., 133. Офицеры авиаотряда жили на квартирах, однако ежедневно к 10 часам все свободные от службы офицеры обязаны были собираться в «Алекса́ндре»^{xxxvii}. Заметим, что с 20 декабря авиаотряд уже именовался как «1-й Кубанский казачий авиационный отряд».

Поскольку авиаотряд пополнялся кубанскими

казаками, ранее никогда в авиации не служившими, привыкший к соблюдению строгой дисциплины Ткачев уже в своем приказе № 3 от 22 декабря объявил «Временный порядок дня в авиационном отряде».

Подъем людей в 7 час. утра.

Утренняя молитва и чай от 7½ до 8 час.

От 9 час. до 12 час. занятия в летном классе для подготовки казаков по должности мотористов.

В канцелярии занятия от 9 час. до 3 час. дня.

В 12 час. обед.

От 12 до 2 час. дня послеобеденный отдых.

От 2 до 4 час. дня строевые занятия и знакомство с уставами для команды, предназначенной для обслуживания аэродрома.

Ужин в 5 час. дня.

Знакомство с устройством самолетов и теорией полета от 5½ до 7½ час. вечера.

Заря и общая молитва в 9 час. вечера.

К 10 час. вечера команда должна ложиться спать»^{xxxviii}.

Пока казаки постигали технические азы авиации, летный состав вынужденно бездействовал. Дело оставалось за малым – военным летчикам нужны были аэропланы. Но инспектор авиации Добровольческой армии Кравцевич разводил руками – самим не хватает. По свидетельству Деникина, к началу 1919 г. на балансе армии находилось только 29 самолетов^{xxxix}. Пришлось Ткачеву при содействии краевого правительства приобретением аэропланов заняться самостоятельно.

В ночь на 20 февраля 1919 г. на железнодорожную станцию Екатеринодара прибыл эшелон из Одессы, доставивший 6 аэропланов («Фарман-XX», «Сикорский-16», «Ньюпор-XVII», «Анасалль» и два «Моран-Парасоль») и техническое имущество для 1-го Кубанского авиаотряда, которые были направлены на Черноморский вокзал (ныне ж/д станция Краснодар-2). Вплоть до 1 марта осуществлялись выгрузка, сборка и ремонт аэропланов на «аэродроме» (фактически – участок местности рядом с вокзалом, где осенью 1913 г. Ткачев летал на радость местной публики после одиночного перелета из Киева) и заводе «Кубаноль» (в советское время завод им. Седина). 2 марта Ткачев впервые совершил тренировочный полет на

«Анасалле» продолжительностью 10 минут и на следующий день приказом № 60 объявил 1-й Кубанский казачий авиационный отряд «считать сформированным»^{xl}. С этого времени практически ежедневно, в зависимости от погоды, военные летчики авиаотряда и Ткачев летали над городом.

Вчера [24 марта 1919 года] мною испытан в полете самолет «Сикорский-16», привезенный с Украины есаулом Лобовым в совершенно непригодном для полетов состоянии, но усиленным и настойчивым трудом мотористов машина приведена в полный порядок»^{xli}.

Заметим, что к 11 марта 1919 г. в 1-м авиаотряде к прибывшим из Одессы шести аэропланам добавилось еще три «Анасалля». Согласно «Ведомости распределения самолетов отряда между летчиками» Ткачев закрепил за собой «Ньюпор-XVII» № 129, остальные были переданы другим военным летчикам, а «Фарман-XX» был приспособлен как «тренировочный для всех летчиков». Помимо аэропланов в распоряжение авиаотряда поступили на вооружение 10 английских пулеметов «Льюис», 10 австрийских и 33 итальянских винтовок с патронами в количестве 1500 штук. А 4 апреля Кравцевич вспомнил о проблемах кубанских летчиков и отправил из 1-го авиационного генерала Алексея отряда Добровольческой армии в распоряжение 1-го Кубанского авиаотряда аэроплан «Альбатрос», однако «требующий капитального ремонта»^{xlii}. В тот же день он поведал Ткачеву, что предполагает снабдить 2-й Кубанский казачий авиационный отряд (формирование которого началось 28 марта под командованием военного летчика полковника Е.И. Виташевского) аэропланами из авиаотрядов Добровольческой армии, как только они начнут снабжаться английскими аппаратами^{xliii}.

19 апреля 1919 г. 1-й Кубанский авиаотряд во главе с Ткачевым в составе 10 офицеров, 1 чиновника и 64 казаков выступил на фронт, получив на авиабазе ВСЮР более 300 фугасных и зажигательных бомб^{xliiv}. Уже 2 мая по приказу Деникина 1-й Кубанский авиаотряд в составе 8 аэропланов поступил в распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля^{xlv}. По его распоряжению была создана авиационная

группа во главе с Ткачевым, должность которого стала именоваться как «командующий авиацией при Кавказской армии». В состав авиагруппы вошли: 1-й Кубанский авиаотряд, 4-й Донской самолетный отряд под началом военного летчика есаула Ф. Т. Зверева из авиации Донской армии (начальник управления – военный летчик полковник В. Г. Баранов) и звено (flight) «В» английского авиационного дивизиона (squadron) № 47 Королевских воздушных сил (Royal Air Force) под командованием капитана Дэвиса (в июле было заменено на звено «С» капитана Фрогли)^{xvi}.

Продолжая начатую еще 3 мая операцию на р[еке] Маныч, наши силы 5 мая 1919 года имели под ст[аницей] Великокняжеской^{xvii} следующее расположение: с юга наступали слабые пехотные части, с запада действовал конный корпус генерала Шатилова, за ним, уступом за правым флангом, располагался другой конный корпус – генерала Покровского.

Наступление развивалось успешно, но к 2 часам дня воздушной разведкой обнаружилось в районе хутора Королькова (северо-восточнее Великокняжеской) сосредоточение значительных сил красной кавалерии Думенко. Это создавало прямую угрозу нашему правому флангу.

Продвигаться далее на запад значило подставлять под удар свой тыл – переправы через р. Маныч, приостановка же грозила переходом инициативы в руки противника.

Командующий конной группой генерал Врангель приказывает генералу Покровскому, при поддержке аэропланов, атаковать Думенко.

Для выполнения этой задачи вылетело 9 машин, из которых большая часть была мало пригодна для бомбометания. В момент появления аэропланов над местом предстоящего кавалерийского боя картина была следующая: наши конные части, вытянувшись в длинные походные колонны, двигались на север, главные же силы красной кавалерии оставались на месте, у хутора Королькова, в резервном порядке и только их передовой полк стройными рядами шел на юг, стремясь войти в соприкосновение с нами.

Цель для бомбометания была ясна, и весь удар воздушных сил был направлен против группы у хутора

Королькова. Несмотря на несоответствие аэропланов, эффект бомбометания был колоссальный. Красные понесли большие потери лошадьми и людьми и в полном беспорядке рассыпались по полю...

В результате Думенко не мог своевременно привести в порядок свои главные силы, и, не вводя их в бой, отошел, дав возможность ген[ералу] Покровскому легко обеспечить правый фланг ген[ерала] Шатилова. К вечеру [6 мая] Великокняжеская была в наших руках^{xviii}.

7 мая штаб Главкомандующего ВСЮР сообщил: «Большую помощь нашим частям оказали Добровольческий, Кубанский и Донской авиаотряды, под общей командой полковника Ткачева. Находясь почти целый день в воздухе, совершив за последние три дня, несмотря на сильный дождь и порывистый ветер, более 76 боевых полетов, летчики своей неутомимой работой поддерживали связь между частями, своевременно давали самые точные сведения о группировке и силах противника и своими бесстрашными полетами неоднократно приводили в расстройство части красных, низко спускаясь над ними и забрасывая их бомбами»^{xix}. В свою очередь, Ткачев с теплотой отзывался о военных летчиках Донской авиации.

Несмотря на неблагоприятную погоду [командир 4-го Донского самолетного отряда есаул Ф. Т. Зверев] сам на самолете «Ньюпор-ХVII» производил разведку расположения и группировки противника, давая самые ценные сведения, чем способствовал удачному маневрированию нашей конницы. Во время каждого полета сбрасывал бомбы на резерв противника, а около 17 часов 6 мая во время группового полета для атаки конной дивизии Думенко, готовившейся нанести удар нашим войскам, удачным сбрасыванием бомб на стоящую в резерве колонну конницы противника, способствовал созданию среди нее паники и расстройствуⁱ. [Летчик-наблюдатель 4-го Донского самолетного отряда штабс-капитан Липявкин с военным летчиком подесаулом Жмедко] в глубоком тылу противника давал ценные сведения о передвижениях неприятеля, несмотря на неблагоприятную погоду, заставлявшую для наблюдения спускаться менее тысячи метров. 6 мая обнаружил конницу ди-

визии Думенко, готовившуюся нанести удар нашим частям и заблаговременным предупреждением дал возможность нашим войскам произвести соответствующую перегруппировку, кончившуюся разгромом противника.

Отличная работа летчиков группы, оказавшая большую заслугу в удачном развитии операции, отмечена в сводке Главкома [Деникина] за 8 мая и благодарностью Командующего [Кавказской] армией генерала Врангеляⁱⁱ.

Газета «Донская волна» в то время писала: «Великокняжеская операция завершилась самым активным и решительным участием авиации, вписавшей в свою историю одну из славных своих страниц. Генерал Врангель, поблагодарив летчиков за боевую работу, сказал: „Много мне приходилось наблюдать за работой нашей авиации и в прежнюю кампанию и теперь, в войне с большевиками, но я ничего подобного не видел. Благодаря работе летчиков, для меня была все время совершенно ясна обстановка”»ⁱⁱⁱ. Сам Врангель по этому поводу вспоминал, что «6-го [мая] с рассветом бой возобновился на всем фронте. [...] На закате я назначил общую атаку [...] Налет полковника Ткачева оказался весьма удачным. Противник потерял большое число людей и лошадей; морально потрясенные, его части расстроились. [...] Великокняжеская была взята. [...] Путь к Царицыну и Волге был открыт»ⁱⁱⁱⁱ.

8 мая Врангелю была поставлена задача захватить Царицын^{iv}. Началось наступление Кавказской армии, в котором принимала участие и авиагруппа Ткачева. В этот непростой период приказом по Кубанскому казачьему войску № 662 от 19 мая 1919 г. Ткачев был произведен в чин генерал-майора^v. 21 мая Врангель направил Ткачеву телеграмму: «Поздравляю [с] производством [в] генерал-майоры»^{vi}.

Новоиспеченному генералу авиации (первому в истории Русской армии!) теперь бы передохнуть, обмыться с «крылатыми» коллегами новенькие генеральские погоны, да и не соваться больше в пекло, а командовать авиагруппой с аэродрома (как это делали иные авиачальники). Но нет, не таков Ткачев: продолжалось наступление на Царицын, и негоже было ему отсиживаться в тылу. Удивительный факт – гене-

рал(!) Ткачев на аэроплане ведет в бой своих товарищей. Где и когда подобное можно было увидеть?! И тут вдруг приключилась не поддающаяся здравому смыслу оказия: не имевший за всю Великую войну даже маломальской царапины от рук германцев-австрийцев, Ткачев получает русскую пулю от русских же. Причем на территории горячо им любимой России: 30 мая при поддержке наступления конницы 2-го Кубанского корпуса генерала С. Г. Улагая, атакуя с высоты 200 метров, он был ранен, но смог посадить аэроплан в районе железнодорожной станции Червленая^{vii}. Как следует из «Свидетельства о ранении № 14», выданном передовым перевязочным отрядом № 3: «1-го Кубанского казачьего авиационного отряда генерал-майор Ткачев Вячеслав Матвеевич, 33 года, ранен 30 мая 1919 года вблизи ст[аницы] Бекетово. Сквозное пулевое правого предплечья, слепое поверхностное там же от осколка брони, ссадина ни мизинце. Оказанное пособие: перевязка»^{viii}. Если не брать в расчет «ссадину на мизинце», то ранение лишало Ткачева возможности управлять аэропланом и продолжать боевую работу – необходимо было залечить рану.

Под Великокняжеской я нанес удар по красной коннице и получил возмездие уже под Царицыном (был ранен)^{ix}.

В период лечения в Екатеринодаре обязанности Ткачева исполнял военный летчик есаул Василий Лобов. О деятельности отряда в отсутствие генерала при взятии Царицына вспоминал летчик-наблюдатель 1-го Кубанского казачьего авиационного отряда подесаул Владимир Удовико:

«15 июня командующим 1-м Кубанским авиационным отрядом военным летчиком есаулом Лобовым было получено приказание поддержать наступление 2-го Кубанского корпуса, усиленного всеми техническими средствами, как то: танками, бронепоездами, броневыми автомобилями, а следовательно, и аэропланами. Последним было приказано бомбить и обстреливать из пулеметов действующие батареи и резервы противника. Самолеты должны были вылететь около 4½ – 5 часов утра на следующий день, чтобы как раз в момент самой атаки быть уже в действии. У места стоянки поезда командующего арми-

ей на ст[анции] Червленая была выставлена легкая база. Поздним вечером из штаба было получено изменение часа вылета, а именно – в 3 часа самолеты должны быть в воздухе.

На следующий день еще в 2 часа ночи все летчики и мотористы были на ногах. Предрасветная мгла покрывала землю, но, несмотря на этот легкий туман, небо обещало в этот день благоприятную для нас погоду. Самолеты, подготовленные еще с вечера, были уже выведены на старт, и мотористами делались последние приготовления к полету.

Но вот летчики в аппаратах. Быстро укладываются в аппараты бомбы и пулеметные ленты. Заработали моторы, заряженные пулеметы испробованы и по знаку командующего отрядом один за другим взвились в воздух «Воздушные черные пираты» (так окрестила царицынская большевистская печать наших авиаторов, настолько ежедневные полеты над Царицыном с сбрасыванием бомб по советским кварталам, вокзалам и пристаням нервировали советских комиссаров).

Перегруженные бомбами большие 2-местные машины тяжело оторвались от земли и, медленно набирая высоту, полетели в сторону позиций. Над станцией Червленной у поезда командующего не было заметно никакого движения и лишь в сторону Сарепты^{lx} – наших передовых позиций – двигался большой поезд да отдельные группы повозок, по-видимому, зарядных ящиков и патронных двуколки быстро двигались в одну и ту же сторону – к Царицыну. Вдали, сверкая при первых лучах восходящего солнца, виднелась величественная Волга.

Наши конные части уже разворачивались в боевой порядок. Танки – старые чудовища – продвигались к передовым окопам. Противник, очевидно, нервирова при виде незнакомого для него зрелища, открыл беспорядочный огонь из ближайших батарей по танкам. К этим-то батареям и устремились самолеты. Близость наших позиций позволила аппаратам опуститься на более низкую высоту, – беспорядочная же стрельба артиллерии для аэропланов в этот момент не была опасна.

Не сразу заметил противник аппараты, так как батареи продолжали стрелять беглым огнем по танкам.

Но вот одна за другой пущенные опытными руками полетели английские полупудовые бомбы. Сразу перестали стрелять 3 батареи у селения Червленное, и видно было, как засуетились люди и бросились к лошадям, но тут зарокотали пулеметы, огонь которых вносил еще большую панику среди красных, старавшихся спасти свои батареи.

В это же время другие самолеты бомбили батареи и резервы противника у сел[ения] Эльшанки^{lxi}, производя ужас и замешательство в рядах красных, не ожидавших стольких сюрпризов сразу.

Но вот бомбы и патроны израсходованы, и аппараты один за другим летят и опускаются у штаба командующего армией у станции Червленная. Быстро наливаются бензин и масло в аппараты, берутся приготовленные бомбы и пулеметные ленты и, получив новую задачу преследовать отходящего противника, летчики снова летят в указанном направлении.

Теперь нашим глазам представляется картина панического бегства красных – кавалерия, бросая на произвол судьбы артиллерию, пехота, не отставая от кавалерии, – все это панически бежит в направлении на север, оставляя Царицын в стороне. Все бегущее скопилось у переправы через балку у сел[ения] Эльшанки, у нагиба железной дороги против этого селения. Здесь представился один из редких случаев работы авиации, где каждая бомба попадала в гущу скопившихся людей и лошадей, где от взрыва люди, как волны при падении в воду камня, бросались в панике из стороны в сторону. Ни одна бомба здесь не пропала даром. Самолеты, снизившись на минимальную высоту, осыпали противника дождем из пулеметов, довершая тем полный разгром противника, бегство которого было настолько поспешно, что его в состоянии были преследовать лишь аэропланы.

В этот же день в 10 часов утра, за отсутствием связи, одному самолету было приказано доставить оперативный приказ командиру корпуса генералу Покровскому, перешедшему в наступление в обход Царицына. Для исполнения этого задания вылетел командующий отрядом есаул Лобов. Разыскав местонахождение корпуса, он доставил приказание, по просьбе генерала Покровского произвел воздушную разведку, на основании сведений которой корпус

атаковал противника, и некогда известная конница Буденного и железные полки коммунистов были разбиты наголову.

К рассвету следующего дня остатки противника сосредоточились у северо-западной окраины Царицына и далее вдоль железной дороги на Гумрак^{lxii} (самый город был уже оставлен противником), решив, очевидно, дать последний бой.

На следующий день мы вылетели со специальной целью разведки путей отступления противника и его группировки. Над местом расположения противника нам пришлось испытать всю его бессильную ярость за нашу работу накануне – огонь 6 – 8 батарей был сосредоточен по одному лишь нашему самолету. Эта разведка дала командованию все необходимые сведения о противнике, согласно которым была завершена операция под Царицыном.

19 июня аппараты отряда опустились на царицынском аэродроме и были поставлены в построенных большевиками ангарах^{lxiii}.

Следует добавить, что 18 июня, когда Царицын пал, а X и XI армии красных были разбиты, летчик-наблюдатель 1-го Кубанского казачьего авиационного отряда подьесаул Удовико со своим коллегой сотником Белым, а также товарищами по авиаотряду военными летчиками есаулом Михаилом Лиманским и сотником Носенко получили благодарность от Врангеля^{lxiv}.

Радость победы была омрачена первой безвозвратной потерей. 20 июня, как следует из рапорта, «при исполнении боевой задачи подпоручик Журкевич, вследствие порчи мотора в воздухе, разбился насмерть». Катастрофа произошла после взлета летчика с площадки возле железнодорожной станции Абгонерово^{lxv} на аэроплане «Ньюпор-XVII», у которого в полете отказал мотор. По приказу Ткачева тело погибшего по железной дороге было перевезено в Екатеринодар, где 26 июня у вагона была отслужена панихида. На следующий день в 10 час. утра тело военного летчика Василия Журкевича было перенесено в войсковой собор, где были отслужены заупокойная литургия и панихида, а затем с почестями он был погребен на городском кладбище Екатеринодара^{lxvi}.

26 августа на заседании Совета Кубанского крае-

вого правительства был заслушан доклад помощника главы Ведомства по делам военным генерал-майора С. П. Звягинцева, который указал, что в находящемся на фронте 1-м Кубанском авиаотряде «имеется только 10 самолетов, полученных разными способами из частей Добрармии, большей частью в разрушенном виде, отремонтированных ныне собственными попечением и силами. Все они устаревшего типа и, не представляя собою прочных машин за свою ветхостью (построены в 1914 – 1915 гг.), стали слишком часто ломаться не при посадке на землю, а в воздухе, следствием чего были, например, гибель доблестного поручика Журкевича и катастрофы с другими летчиками Кубанской авиации. Такое положение летательных аппаратов требует принятия самых спешных мер к достижению нормального функционирования авиационных отрядов, а следовательно, к поднятию на должную высоту столь важного в боевом отношении дела авиации». По результатам заседания Совет Краевого правительства выделил почти 10 миллионов рублей на приобретение в Италии аэропланов и запчастей к ним^{lxvii}. Однако этот проект не был претворен в жизнь.

Исчерпывающих данных по аварийности дать не могу. Думаю, что благодаря опытности летчиков ее было не так много. В Екатеринодаре сгорели в воздухе 6 летчиков на пресловутых английских аэропланах типа «Ариет R.E.8»^{lxviii} (спасибо союзникам!). В Крымский период были 2 случая гибели по случайным причинам, а один – благодаря излишнему удалению летчика (низкий штопор)^{lxix}.

Залечив ранение, 10 июля Ткачев вернулся на фронт. А через неделю, 18 июля, к авиагруппе Ткачева на станции Бекетовка присоединилось звено «С» 47-го авиадивизиона Королевских воздушных сил. Как следовало из рапорта офицера связи англичан корнета Гартинга начальнику авиагруппы Ткачеву, «вновь прибывший английский авиационный отряд состоит из командира отряда капитана Фрогли» и 12-ти летчиков: «Все они являются англичанами-добровольцами, также как и находящиеся с ними 45 солдат. Осведомление о большевиках и их действиях – хорошее и, безусловно, все они стремятся, чем только могут, помогать Добрармии. Первое время,

не имея достаточного осведомления о положении вещей на Юге России, они относились свысока иногда в некоторых вопросах. Среди солдат была проба вести большевистскую агитацию, но она успеха не имела. Единственное желание – принести как можно больше пользы на фронте, согласно получаемых ими указаний из Штаба»^{lxx}.

Усиленная английскими летчиками авиагруппа Ткачева проводила разведку передвижения войск противника, наносила бомбовые удары по позициям красных, сбрасывала прокламации над населенными пунктами вплоть до Камышина, который 28 июля был взят. В течение месяца летчики совершили 41 полет, в том числе 26 боевых, и сбросили 70 бомб. Ткачев получил телеграммы со словами благодарности за успешную поддержку наземных войск от генералов Деникина, Кутепова и Покровского^{lxxi}. И тут удача вновь отвернулась от Ткачева: 6 августа он заболел брюшным тифом и был эвакуирован в Екатеринодар, а 8 сентября в соответствии с решением врачебной комиссии при войсковой больнице и по распоряжению управляющего Ведомством (т. е. Министерством) здравоохранения Кубанского краевого правительства он был направлен в Анапу для лечения в санатории^{lxxii}. Надо сказать, болезнь была очень серьезной: тиф не щадил никого – ни рядовых солдат, ни генералов. Так, например, 1 февраля 1920 года от него скончался в Екатеринодаре в войсковом госпитале генерал К. К. Мамонтов. Впрочем, поговаривали, что ему помогли уйти из жизни недоброжелатели...

В период лечения Ткачева не забыли: как следует из приказа начальника Британской военной миссии при ВСЮР генерал-майора Герберта Хольмана, 18 октября «по Указу Его Величества Короля Английского» Ткачев был награжден «Орденом выдающейся службы»² (Distinguished Service Order – D.S.O.)^{lxxiii}.

Между тем в жизни Ткачева произошли значительные перемены. 11 ноября 1919 г. Кубанская краевая Рада избрала войсковым атаманом Кубанского казачьего войска генерал-майора Н. М. Успенского, а уже 28 ноября его приказом № 59 по Кубанскому краю был назначен новый состав Кубанского кра-

евого правительства, в том числе Ткачев – членом Кубанского краевого правительства по Ведомству внутренних дел (т. е. министром внутренних дел Кубани). Уже на следующий день Ткачев впервые принимал участие в заседании Совета Кубанского краевого правительства^{lxxiv}. В этот период он проживал в Екатеринодаре на Гимназической улице, 8, а его рабочим местом был кабинет № 745 на Штабной улице, 30 (ныне ул. Комсомольская)^{lxxv}.

В подчинении у Ткачева были все органы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью Кубанского края. Поскольку краевое правительство, после возвращения в Екатеринодар в начале августа 1918 г., отказалось от царского названия «полиция» и «милиция» Временного правительства, а также Совдепа, они были названы «городской стражей» и учреждались в городах Кубани – Екатеринодаре, Ейске, Анапе, Темрюке, Армавире и Майкопе, а также в двух крупнейших хуторах – Романовском^{lxxvi} и Тихорецком^{lxxvii}, которые являлись важными железнодорожными узлами, носившими стратегический характер в условиях мирного времени, а в период Гражданской войны – тем более. Причем Екатеринодарская городская стража подчинялась главе Ведомства внутренних дел Ткачеву напрямую, а остальные – через атаманов отделов. Член краевого правительства по внутренним делам был «высшим руководителем охраны, порядка и спокойствия в крае»: за всеми инструкциями, распоряжениями и указаниями по городской страже атаманы отделов обращались непосредственно к нему. В сельской местности была образована отдельная стража, которая подчинялась 42 участковым начальникам, соответственно находившимся в ведении соответствующих атаманов отделов. Таким образом, Ткачев стоял во главе городской и отдельской (сельской) стражи Кубанского края и руководил охраной общественного порядка и борьбой с преступностью на всей территории Кубани^{lxxviii}.

Быстро войдя в курс дела, в своем приказе по Ведомству внутренних дел № 116 от 13 декабря 1919 г. Ткачев указывал: «Ознакомившись с деятельностью Екатеринодарской городской стражи, нахожу, что

далеко не все чины ее вполне соответствуют своему назначению, что в деятельности чинов Уголовного отделения³ стражи обнаружены недопустимые нарушения порядка и злоупотребления по службе, что лица, совершившие целый ряд краж, грабежей и убийств до сего времени не обнаружены и к уголовной ответственности не привлечены, а потому предлагаю начальнику стражи в срочном порядке принять самые решительные меры к улучшению личного состава стражи из лиц строго дисциплинированных и вполне безупречных в служебной деятельности [...] Настаиваю на том, чтобы ни одно преступление не оставалось необнаруженным»^{lxxix}. Почти 100 лет прошло с той поры: и вновь в Краснодаре охрану общественного порядка и борьбу с преступностью осуществляет полиция, и вновь «не все чины ее вполне соответствуют своему назначению», и уголовный розыск не всегда на высоте, и раскрываемость преступлений в городе заставляет желать лучшего. Ничто не изменилось...

В конце декабря 1919 г. Ткачев встречался с Врангелем в Екатеринодаре.

[...] небольшой одноэтажный дом в районе между Котляревской и Борзиковской⁴. Квартира в несколько комнат [...] Скромная частная квартира без всяких особых атрибутов, обставлена просто. [Присутствовали супруга Врангеля Ольга Михайловна и две дочери-подростки]. Одеты просто, скромно. [Врангель был] в черкеске. Я был у него, когда мы были товарищи по несчастью, оба выгнанные Деникиным из армии. Никакой должности в то время Врангель не занимал и никакой роли не играл, и его дом был просто частной квартирой. У них я не ужинал и не обедал, а чаем или кофе угощали. Никакой личной охраны не было»^{lxxx}.

Как известно, Врангель и Деникин летом 1919 г. разошлись во взглядах на стратегическое планирование военных операций и в понимании главного вектора наступления армий ВСЮР: Врангель ориентировался на Царицынское направление для соединения с Восточным фронтом Русской армии адмирала А.В. Колчака, Деникин же стремился овладеть

³Уголовного розыска.

⁴Ныне – улицы Седина и Коммунаров в Краснодаре.

Москвой. Конфликт достиг своего апогея в конце года – вместо Врангеля, отправленного командовать Добровольческой армией, командующим Кавказской армией был назначен генерал Покровский. 20 декабря Врангель прибыл к Деникину в Ростов-на-Дону, где фактически был отстранен от командования Добровольческой армией. Сам Врангель вспоминал: «На меня возлагалась задача объявить „сполох“ на Кубани и Тереке и спешно формировать там казачью конницу. [...] Отъезд свой в Екатеринодар я назначил на следующий день. До вечера не прекращался поток посетителей, одни приходили справиться о положении, узнать причины оставления мною командования армией, слухи о чем уже проникли в город, другие – с просьбой оказать им содействие для выезда. Тревога, быстро возрастая, начинала охватывать город. Росло и общее неудовольствие, уже не стесняясь, обвиняли Главнокомандующего. Ползли темные слухи о назревающем „перевороте“»^{lxxxi}. В феврале 1920 г. Врангелю вместе с семьей даже пришлось уехать в Константинополь, причем, ненадолго. Что касается Ткачева, то в середине октября 1919 г. в Екатеринодаре началось формирование Кубанского казачьего авиационного дивизиона, командиром которого планировалось назначить Ткачева. Пока он приводил в порядок здоровье после перенесенной болезни, временное командование формируемым авиадивизионом было поручено командиру 2-го Кубанского авиаотряда полковнику Е. И. Виташевскому. Однако Ткачев так и не вступил в должность командира авиадивизиона^{lxxxii}. Вероятно, не без ведома Деникина, это назначение было сорвано – Ткачев у Врангеля в Кавказской армии успешно командовал авиацией, а Деникин, подозревавший Врангеля в «перевороте» с целью возглавить ВСЮР, тень своих подозрений обратил и на Ткачева, который пользовался огромным авторитетом не только в среде военных летчиков. И тогда войсковой атаман Успенский, дабы снизить накал страстей и показать значимость генерала авиации для кубанского казачества, неожиданно назначает Ткачева главой Ведомства внутренних дел в Кубанском краевом правительстве. Однако это только наше предположение.

²Правильно – орден «За выдающиеся заслуги».

Между тем Успенский пробыл в должности не-многим больше месяца и 17 декабря неожиданно умер от сыпного тифа. 31 декабря состоялись выбо-ры Краевой Радой нового атамана. На эту должность баллотировались генералы Ткачев, Букретов и Шку-ро, однако последний отказался от своей кандидату-ры. Ткачев набрал 133 голоса, против – 244; Букретов – 275, против – 102. Войсковым атаманом Кубанско-го казачьего войска стал Букретов, который своим приказом № 1 от 5 января 1920 г. принял отставку Краевого правительства, в числе прочих – и Ткачева с поста главы Ведомства внутренних дел ^{lxxxiii}.

На некоторое время Ткачев оказался не у дел, но ненадолго. 15 февраля 1920 г. по приказу начальника Штаба Верховного главнокомандующего ВСЮР ге-нерал-лейтенанта И. П. Романовского вновь назна-ченный исправлять дела начальника авиации ВСЮР полковник И. П. Степанов, сменивший на этом по-сту Кравцевича, распорядился о формировании «Авиагруппы для района Тихорецкая–Торговая», командиром которой назначил Ткачева, а его по-мощником – командира 1-го Кубанского казачьего авиаотряда капитана И.М. Бордовского. В состав авиагруппы вошли: 1-й Кубанский авиаотряд с при-командированными к нему всеми боеспособными самолетами с военными летчиками, летчиками-на-блюдателями, старшими и младшими мотористами 1-го и 2-го Кубанских авиаотрядов, а также началь-ник авиагруппы английской авиации № 47 майор Ар-чер, со звеньями «В» и «С» ^{lxxxiv}. Но было уже поздно – через две недели, 4 марта 1920 г., Екатеринодар был взят красными. По словам очевидца, «они располз-лись, как муравьи, по всему городу и окрестностям его и стали наводить „порядок“. Очищали город от „контрреволюционеров“ и прочего, по их выраже-нию, „хлама“» ^{lxxxv}.

Около 20 Хевилендов (D.H.9) было сожжено при отступлении из Екатеринодара ^{lxxxvi}.

Еще три аэроплана были захвачены красными ^{lxxxvii}. Почему это могло произойти? Ответ на этот вопрос, по крайней мере в отношении семи сожженных аэро-планов, дает сослуживец Ткачева еще по предыдущей войне, глава авиации Донской армии генерал-май-ор В. Г. Баранов: «Среди мотористов и мастеровых

таилось много темного и враждебного элемента. Чрезвычайно яркий случай, когда 1-й Донской отряд получил от Добровольческой армии 7 прекрасных английских самолетов «Ди-Хевелянд-9». Это было в Екатеринодаре, незадолго перед эвакуацией. Офи-церы и мотористы отряда работали чуть не круглые сутки, чтобы успеть собрать аппараты до эвакуации из Екатеринодара. В ночь с 3 на 4 марта 1920 года ап-параты были готовы, и утром летчики должны были вылетать. Когда рано утром летчики после короткого сна пришли на аэродром, чтобы лететь, мотористов не оказалось. Все моторы были искусно испорчены, и прекрасные новые аппараты, с таким трудом полу-ченные и собранные, пришлось сжечь, т. к. больше-вики были уже у Екатеринодара» ^{lxxxviii}.

Непосредственный очевидец событий, ко-мандир 14-й Донской отдельной конной бригады генерал-майор А. В. Голубинцев свидетельствует: «4 марта, около 10 часов утра, бригада подходила к Ека-теринодару. Проходя мимо аэродрома, я удивился спо-койствию и беспечности летчиков: на аэродроме стояло много машин, как бы в ожидании, чтобы их захватили большевики. Я спросил у находившегося здесь офице-ра, что предполагается делать с аэропланами и известна ли обстановка. Офицер-летчик ответил, что обстанов-ка неизвестна и никаких распоряжений не получено. Я попросил к себе начальника отряда. Явившийся пол-ковник очень удивился и заволновался, когда узнал, что в нескольких верстах от Екатеринодара находятся неприятельские разъезды. Никаких распоряжений и сведений он не получал. Впечатление такое, что об аэро-планах будто бы забыли, хотя самолеты нам были очень и очень нужны. По просьбе начальника базы я оставил на аэродроме одну сотню в прикрытие, дабы дать возможность спокойно приготовить машины к отлету. На аэродроме засуетились, сожгли и привели в негодность некоторые не готовые к отлету машины, чего, конечно, не случилось бы, если бы своевременно были приняты меры к планомерной эвакуации такого ценного для нас военного материала. Учитывая такие поразительные факты небрежности или легкомыс-лия, невольно зарождается мысль о злом умысле [...] Весь этот хаос и неудачи нельзя приписывать только инертности, небрежности или глупости» ^{lxxxix}.

Ткачев еще вернется в ставший родным город че-рез 35 лет. Правда, тот будет именоваться уже иначе – Краснодар. А пока путь Ткачева лежал на Новорос-сийск, откуда он с супругой Надеждой Алексеевной эвакуировались в Крым. Примеру Ткачева последо-вали и некоторые кубанские летчики...

Еще 26 декабря 1919 г. командующий 3-м армей-ским корпусом ВСЮР генерал-майор Я. А. Слащев получил от Деникина приказ удержать от красных Крым. В январе 1920 г. началось противостояние красным, и в боях под Юшунью ^{xc} Слащев отстоял Крым, отбросив части красных к северу.

24 февраля 1920 года красные начали наступле-ние на Юшуньском участке фронта. Работа наших летчиков во время завершившихся здесь боев впервые выдвинула авиацию в ряды самостоятельных родов оружия ^{xc1}.

По свидетельству самого Слащева, «в помощь мне явились летчики: у меня были 6 летательных аппаратов. Но вылететь на них, чтобы опуститься [...] было невозможно, потому что спуск на размяг-ченную почву должен был кончиться неудачей. Лет-чики летали непрерывно, донося мне о положении своих и неприятельских войск; соответственно это-му я отдавал распоряжения, которые с аэроплана сбрасывались боевым участкам. У войск создалось впечатление, что я сам нахожусь на одном из аппара-тов. Благодаря летчикам картина боя и группировка красных стали мне ясны. [...] Летчики заменяли мне телеграф и телефон, всегда отстававший от войск и все войска обороны Крыма были использованы в бою [...]» ^{xc2}.

После Новороссийской катастрофы, уже нахо-дясь в Крыму, 22 марта генерал Деникин покинул пост Главнокомандующего ВСЮР: «Разбитый нрав-ственно, я ни одного дня не могу оставаться у вла-сти» ^{xc3}. На Военном совете в Севастополе в тот же день был избран преемник – генерал Врангель, ко-торого Деникин своим последним приказом назна-чил Главнокомандующим ВСЮР. Новому Главкому досталось тяжелое наследство. Как вспоминал Вран-гель, «огромные запасы обмундирования и снаря-жения были брошены на юге России, и раздетую и в

значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и ору-дий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время» ^{xc4}. Необхо-димо было экстренно принять меры по приведению в боевую готовность эвакуированных из Новорос-сийска войск, сконцентрировать их в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и, наконец, осуществить ротацию командного состава. Во исполнение намеченных реформ, если говорить об авиации, 1 апреля начальником Управления ави-ации ВСЮР был назначен Ткачев, обратившийся по этому поводу ко всем летчикам:

«В тяжелое время и в тяжелой обстановке волею судьбы я поставлен во главе остатков некогда вели-кой русской авиации. Но твердая вера в искреннюю привязанность к любимому, славному нашему делу лучших представителей нашей родной авиации дает мне силы и энергию для воссоздания крепкого тела будущего воздушного флота возрожденной Великой, Свободной России» ^{xc5}.

По свидетельству летчика-наблюдателя С. Н. Покровского, «из авиационных средств из Новорос-сийска не было вывезено ничего, лишь несколькими летчикам удалось перелететь с Кавказа со своими машинами. Личный состав авиации прибыл почти полностью. [...] 1 апреля белая авиация получила авторитетного боевого руководителя. Начальни-ком авиации был назначен ген[ерал] Ткачев. Лич-ный состав подвергся значительной перетасовке и отбору» ^{xc6}.

Ткачеву пришлось заново создавать военную авиацию, на сей раз в Крыму. 28 апреля по приказу Врангеля ВСЮР были переименованы в Русскую ар-мию: «Из двух сражавшихся в России армий, конеч-но, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остался верным родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди кото-

рой заменили трехцветное русское знамя красным и слово Россия – словом интернационал...»^{xcvii}. Изменение названия никак не повлияло на должность Ткачева – он стал начальником авиации Русской армии.

В Крыму мне удалось привести в порядок 20 «Хэвилендов и вооружить ими 3 отряда. У Врангеля было [всего] 5 отрядов с 30 самолетами»^{xcviii}.

14 мая получена нижеследующая благодарность Главкома мне и чинам авиации за блестящую боевую и техническую работу: «Дело авиации в течение последних 1½ месяцев поставлено Вами на должную высоту. Ряд успешных боевых полетов и большая организационная работа говорит о самоотверженной и направленной деятельности всех подчиненных Вам чинов. От лица службы благодарю Вас и весь личный состав авиации за его блестящую боевую работу. Генерал Врангель»^{xcix}.

Командовавший в то время красной авиагруппой на Перекопском направлении И. К. Спатарель вспоминал об авиации Русской армии: «Ее возглавлял небезызвестный генерал Вячеслав Ткачев – сын царского офицера, один из ближайших помощников черного барона. Весь свой опыт он вложил в подготовку белых летчиков к наступлению. К 7 июня Ткачев располагал двадцатью пятью „Хэвилендами“. [...] Кроме того, белые имели пять малых машин различных типов – „Ариэйт“, „Анасаль“ и „Буазен“. Они использовались для разведки и корректировки артиллерийского огня. [...] Их 1-й авиапарк находился в Симферополе. Здесь, в цехах авиационного завода „Анатра“, производились сборка новых и капитальный ремонт старых самолетов и моторов всех марок, включая „Хэвиленды“. [...] 2-й авиапарк белых размещался в Севастопольском порту, имел хорошие мастерские и большое количество запасных частей. Качинская авиашкола тоже располагала ремонтными и сборочными цехами. [...] Помощники Ткачева – Гартман, Доставалов, Шереметьевский, Тунношенский и другие – тоже хорошо знали свое дело. Большинство летчиков его отрядов имели солидный боевой опыт, приобретенный за годы мировой войны. Словом, нам противостоял грозный во всех отношениях враг: опытный, злобный, вооруженный по последнему слову техники»^c.

Другой красный военный летчик И.У. Павлов, возглавлявший в сентябре 1920 г. авиацию Южного фронта, писал: «Начальник авиации белых, генерал Ткачев, был серьезным и сильным противником и выделялся из авиационной среды белых, где бездельничали немало авиаторов-трусов. Ткачев был, кроме того, сам хорошим летчиком. Он отлично знал теорию и практику применения авиации на опыте Импералистической и Гражданской войны. Нередко он являлся инициатором новых форм оперативно-тактического использования белой авиации. О его недюжинных способностях я слышал еще в Париже в феврале 1919 года и впоследствии на Юго-Западном фронте в период керенщины»^{ci}.

Один из организаторов и руководителей Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота А.В. Сергеев считал, что «одной из главных причин неудач нашего майского наступления была хорошо организованная белая авиация, находившаяся в благоприятных условиях как тактических, так и технических, при полном превосходстве в силах, по сравнению с нашими слабыми частями, главные силы которых находились на Польском фронте. Командование белой авиацией было вручено ген[ералу] Ткачеву, бывш[ему] Авиадарму царской армии»^{cii}.

В 1920 году ежедневный учет работы белой и красной авиации в Крымский период, как это делалось в конце 1 Мировой войны на Юго-Западном фронте, конечно, не велся. [...] я не был на фронте все время, а работал в Управлении в Севастополе, а с августа по сентябрь заболел и на фронт не летал»^{ciii}.

О своей службе рядовым солдатом в Управлении авиации Русской армии, после ранения в ногу, оставил любопытные воспоминания русский историк-эмигрант С. Г. Пушкарев: «Где-то в середине августа [1920 года] я был отчислен из команды выздоравливающих [госпиталю в Севастополе] и назначен писарем в управление начальника авиации генерала Ткачева. Определили меня на службу в статистический отдел. Под сим солидным названием в действительности скрывалось только два человека: начальник отдела полковник Шимкевич и я. Задачей отдела было составление сводных таблиц из донесений наших военных летчиков, в которых они должны были со-

общать число верст, сделанных ими во время боевых полетов, число сброшенных бомб, расход горючего и тому подобные сведения. Работа была нетрудная, но беда была мне с моим начальником. Он был неумный и суетливый человек. Жаждал деятельности, а делать было нечего, и он находил себе занятие в переделке составляемых мной таблиц.

Составлю я недельную ведомость, он ее одобрит, но через несколько дней прибегает и говорит: „Знаете, Пушкарев, эту таблицу надо переделать: графы надо лучше расположить, так-то и так-то“. Я не вижу никакой надобности в этом, но подчиняюсь и делаю мартышкину работу. Проходит еще несколько дней, он опять прибегает со столь же ненужным проектом. Я рассердился, но еще раз подчинился. Но когда та же история повторилась в третий (или четвертый!) раз, я рассердился и сказал: „Господин полковник! Да, право же, прежняя таблица дает гораздо более ясную картину, чем ваш новый проект“. Он тоже рассердился и прикрикнул: „Слушайте, Пушкарев! Вы должны исполнять мои приказания. Если я к вам до сих пор хорошо относился, то это не значит, что я не могу скрутить вас в бараний рог“. Я озлился и думал про себя: „Ах ты сукин сын! Лучше б мозги себе подкрутил, а меня ты не скрутишь! Не на того напал...“

Немедленно по окончании служебного времени отправился в Севастополь на вокзал, где находилась квартира начальника 2-го дивизиона бронепоездов, рассказал, кто я, и просил перевести на службу на бронепоезд (в пехоту теперь не годился). Начальник выслушал меня благожелательно, дал согласие на перевод и соответствующую справку. Вернувшись в управление начальника авиации, я в тот же вечер написал, а на другое утро представил начальнику канцелярии полковнику Терлецкому рапорт следующего содержания: „Усматривая из угрозы г. полковника Шимкевича „скрутить“ меня, что, находясь на службе в управлении авиации, я не соответствую своему назначению и, не желая быть скрученным, покорнейше прошу откомандировать меня в распоряжение г-на начальника 2-го бронепоездного дивизиона, дабы я мог послужить русскому делу боевой работой на фронте“.

Полковник Терлецкий прочел мой рапорт и, ста-

раясь сдержанно улыбнуться, отцовски пожурил: „Слушайте, Пушкарев, на военной службе нельзя писать таких рапортов“. Но я видел, что в его глазах бегают искорки смеха, а не гнева. Предполагаю, что полковник Терлецкий и другие в управлении знали цену моему начальнику. Во всяком случае, он сказал: „Ну хорошо, Пушкарев, я доложу генералу (т.е. Ткачеву) о вашем желании“, и добавил с улыбкой: „Конечно, я не буду показывать ему вашего рапорта, но доложу на словах“. Я с искренней благодарностью отчеканил: „Покорно благодарю, господин полковник!“

Через два дня в приказе по управлению появился пункт о моем откомандировании. Я быстро сложил свои нехитрые вещи, закинул вещевой мешок на плечи и зашагал. Увидев меня в походной форме, одна из наших милых секретарш воскликнула: „Пушкарев! Куда вы?“ Я твердо ответил: „В Москву!“, и ушел, даже не попрощавшись со своим непосредственным начальником [Ткачевым] (о чем теперь искренне жалею)^{civ}.

Не менее любопытные воспоминания оставил и летчик-наблюдатель С. Н. Покровский: «И в периоды затишья, и особенно в периоды развития операций, ген[ерал] Ткачев, обыкновенно летом, посещал фронтовые отряды, зачастую лично руководя боевыми групповыми полетами. Однако постоянного оперативного управления авиацией ему не удалось организовать. Несмотря на смену лиц, управление начальника авиации сохранило по-прежнему свой характер чисто инспектирующего и снабжающего органа. Боевые задания командиру группы шли непосредственно из фронтового штаба, мимо начальника авиации, и его вмешательство – личное появление на фронте – носило хотя и благоприятный, но эпизодический характер»^{cv}.

Между тем боевые действия в Крыму продолжались...

Перекопская операция. (26 мая 1920 г.). С рассветом 25 мая 1920 г. укрепленный фронт перед Перекопом был прорван, и наши войска, успешно разбивая отступающие части красных, продвинулись на целый переход в западном и северном направлениях. Менее успешно в этот день развились операции на северо-восточном и в восточном направлениях.

Здесь красные, занимая отборными своими частями дер[евню] Перво-Константиновку, расположенную на расстоянии артиллерийского выстрела от Перекопского вала, с яростью отбивали все наши атаки и пытались даже сами переходить в наступление, чем угрожали замкнуть переиеек, совершенно отрезать от базы выдвинувшиеся на север и запад наши части и лишить их связи и управления. Такое угрожаемое положение тянулось до утра 26 мая, когда закончилась перегруппировка наших сил, и было приказано перейти в наступление против Перво-Константиновской группы красных.

Авиационный начальник [Ткачев], ознакомившись предварительно в штабе с обстановкой за истекшую ночь и получив от командира корпуса директиву «разбить Перво-Константиновскую группу», выслал с рассветом воздушную разведку и, определив окончательно всю картину боя, обрушился всеми имевшимися в его распоряжении, свободными от разведки силами против яростно сопротивлявшегося нашему наступлению врага.

Цели для активного действия авиации направились сами собой. Продвижению нашей пехоты на фронте сильно мешала сконцентрированная, удачно действующая артиллерия красных. Против нее-то и был направлен первый удар авиации. Последняя должна была заставить замолчать эту артиллерию, не позволять ей открывать огня.

Сломив артиллерию, авиация, не оставляя ее без наблюдения, обрушилась против упорствующей пехоты; потрясающее действие огромных бомб, воздушные атаки и решительное наступление по всему фронту нашей пехоты, подкрепленной артиллерией, заставили, наконец, красных очистить упорно обороняемую ими позицию у Перво-Константиновки.

Но, видимо, силы противника еще не были надломлены: отступая в восточном направлении, он шаг за шагом цеплялся за каждую мало-мальски удобную позицию и оказывал упорнейшее сопротивление. Опять обстановка подсказала роль и задачу авиации – напрягая все свои силы, она должна была развить на фронте длительный и всеокрушающий удар, стремясь достигнуть максимума морального и физического эффекта.

Высылаются одна за другой эскадрильи. Они пе-

риодически сменяют друг друга в районе боя, и тем достигается непрерывность удара. Это напряжение длится с 9 час[ов] утра до 2 час[ов] дня, когда окончательно противник теряет веру в свои силы и в возможность дальнейшего сопротивления и большей своей массой попадает в руки подоспевшей в это время конной колонны.

В этом тяжелом и решительном бою, помимо незаменимой услуги, оказанной авиацией активными действиями, она принесла не меньшую пользу своей разведкой и службой связи.

Уже с рассветом над полем битвы реяли воздушные разведчики, которые сообщали получаемые ими данные в низшие штабы и войскам, сбрасывая в их расположение письменные донесения или опускаясь иногда для личного доклада. Широко поставленная непрерывная тактическая разведка давала возможность высшему оперативному штабу непрерывно следить за развитием боя.

Когда же с севера подошла наша конница, получившая задачу «действовать во фланг и тыл противника», авиация связала ее с главными силами и снабдила полными разведывательными данными о противнике, что дало ей возможность с открытыми глазами и в полном взаимодействии с другими родами войск приступить к решительной ликвидации расстроенного врага.

Характерной оценкой роли авиации в этой операции являлось убеждение большинства пленных красноармейцев, которые говорили, что, если бы не ужасные бомбы с аэропланов, участь боя была бы иной. Видимо, стойкость красных частей была сломлена именно потрясающим действием непрерывного пятитичасового бомбометания.

Оценка действия авиации нашим командованием выразилась в Приказе Главнокомандующего от 4 июня № 3227: «Успех текущей операции по овладению Северной Таврией достигнут полным взаимодействием всех родов войск и технических средств, и полным напряжением их. Одна из важнейших частей боевой работы выполнена нашими самоотверженными летчиками. Разведка, бомбометание, связь между отдельными группами наших войск выполнялись летчиками блестяще. Воздушная атака нашей

эскадры 26 мая Владимирской группы противника, несколько раз пытавшегося вырвать победу из наших рук, способствовала окончательному разгрому неприятеля. Работа летчиков заслужила полную признательность наших войск. От лица службы благодарю стоящего во главе группы авиации генерала Ткачева и всех летчиков и наблюдателей, принимавших участие в текущей операции. Орлам летчикам ура. Генерал Врангель»^{cvi}.

Указанный приказ был объявлен всем летчикам приказом начальника авиации Ткачева № 107 от 8 июня: «Счастлив объявить столь лестную, небывалую в истории Русской авиации, оценку боевой работы авиации нашим Главкомом. Наибольшая продуктивность работы была достигнута в месте сосредоточения главных сил нашей авиации – в Перекопском районе. Здесь за 2 дня операции было налетано до 150 боевых часов и сброшено около 400 пудов бомб»^{cvii}.

Командир авиагруппы красных на Перекопском направлении И. К. Спатарель вспоминал о противостоянии авиации Русской армии: «Зная хватку генерала Ткачева, я сразу же подумал, что он обязательно организует поддержку своих наступающих войск с воздуха. [...] Как стало известно потом, Ткачев перед началом наступления распределил свою авиацию следующим образом: в десант генерала Слащева направил два „Хэвиленда“, в Чонгар для поддержки наступления корпуса генерала Писарева – 8-й авиаотряд, насчитывающий около десяти самолетов, в Армянск, на Перекоп – 1-й добровольческий авиаотряд имени генерала Алексева, 3-й авиаотряд, 4-й авиаотряд полковника Шебалина и 5-й авиаотряд. Сюда же на „Хэвилендах“ прилетели сам Ткачев и его ближайшие помощники.

Артподготовка, которую белые начали ночью, закончилась в семь часов тридцать минут утра. Генерал Ткачев с летнабом⁵ подполковником Никулиным сразу же вылетел на разведку. Как только они вернулись, в воздух поднялась первая группа „Хэвилендов“, за ней – вторая, третья... Бомбардировщиков наводили на цели специальные самолеты-разведчики, сменявшие друг друга. Действуя с

⁵Летчик-наблюдатель.

небольших высот, врангелевцы старались рассеять контратакующие цепи красноармейцев, бомбили нашу артиллерию и отходящие по дорогам обозы, совершали налеты на Чаплинку, где находился штаб Перекопской группы войск. [...] Над полем боя наше звено появилось примерно в то же самое время, когда Ткачев вылетел на разведку. Мы вполне могли с ним встретиться...»^{cvi}.

Операции против конной группы Жлобы (15–21 июня 1920 г.). 15-го июня 1920 года воздушной разведкой, совершенно неожиданно для командования, была обнаружена в районе Токмака вновь появившаяся на нашем фронте, сильная конная группа красных Жлобы. Это своевременное обнаружение конницы противника на угрожаемом участке дало возможность нашему командованию принять меры для предотвращения прорыва и всех связанных с ним серьезных последствий. К сожалению, для решительного немедленного противодействия удару Жлобы, наше командование не располагало на данном участке достаточными силами, почему, для задержания красной конницы, был брошен воздушный резерв.

Троекратное бомбометание и обстрел из пулеметов с незначительной высоты 17 июня неприятельской конницы нанесло ей огромные потери и полное расстройство. Паника была настолько велика, что артиллеристы рубили построики и бросали орудия, стремясь поспешным бегством избавиться от воздушных атак. В этот день, по показаниям пленных, Жлоба потерял 300 лошадей. В результате этого решительного удара авиации наши значительно слабейший конный отряд смог проявить активность, и кавалерия красных приостановилась.

На другой день красные снова повели наступление частью конной группы Жлобы в районе Ново-Спаское – Фриденау, но согласованным контрударом нашей пехоты и конницы, при могучем содействии авиации, противник с большими потерями и совершенно дезорганизованный был отброшен на север.

19 июня красным командованием была произведена новая попытка прорваться к Мелитополью. С этой целью конные части Жлобы с утра повели решительное наступление со стороны колонии Алек-

сандкрон в направлении на Мелитополь. С большим трудом первоначально сдерживался этот напор одной из наших дивизий слабого состава, но своевременно подоспели аэропланы и сосредоточенный удар бомбами и лихой обстрел пулеметным огнем с минимальной высоты (50 метров), ошеломил противника и он в панике бежал.

Одновременно с нажимом со стороны Александрона красные, сосредоточив в районе Мануйловка – Николаевка сильный отряд пехоты с артиллерией, повели наступление на Мелитополь с востока. Здесь авиация должна была поддержать контрудар нашей конницы.

Появление боевой эскадрильи совпало с моментом, когда наши конные части входили в соприкосновение с противником, и он вел усиленный обстрел артиллерией. Первым же сосредоточенным решительным ударом бомбами артиллерия красных была сбита с позиции. Последующая атака было направлена против пехоты. Лишившись поддержки своей артиллерии, последняя не выдержала этого натиска и, очистив деревню, начала отступать. Таким образом, в этом бою первый удар взяла на себя авиация, которая своими сокрушающими действиями сбивала красных с позиций, предоставив дальнейшее преследование расстроенного противника подоспевшей нашей коннице.

26 июня большая часть конницы Жлобы была окончательно окружена нашими войсками. Не достигнув успеха в решительном бою, с утра этого дня, с лучшими нашими пехотными частями, она начала метаться, как затравленный зверь, неся колоссальные потери пленными, артиллерией и обозами.

У деревни Вольдгейм она была достигнута эскадрильей наших аэропланов и здесь потерпела окончательный разгром, бросив все свои оставшиеся обозы, пулеметы, приставших лошадей. Паника была настолько велика, что всадники соскакивали с лошадей и прятались по деревьям, где вылавливались потом подошедшими нашими частями.

Таким образом, в разгроме конницы Жлобы авиация сыграла следующую роль. Она своевременно обнаружила ее, своими первыми ошеломляющими действиями она лишила ее активности и, наконец,

несмотря на отсутствие у нас в районе Жлобы достаточных сил, активная авиация совместно с войсками разбивала всякую попытку красных к прорыву, чем была создана возможность произвести соответствующие перегруппировки и окружить противника. Можно считать, что морально Жлоба был разбит еще 17 июня. Почувствовав свое бессилие перед воздушным своим противником, он отдал приказ, воспрещающий производить походные движения днем. Это крайне затруднило и замедлило производство им маневра, в результате чего, протоптавшись почти на одном месте в течение 3-х дней, он был окружен и на голову разбит^{cxix}.

Как вспоминал И. К. Спатарель, «в Акимовку из Севастополя прилетел Ткачев, чтобы лично руководить действиями своей авиации. И надо сказать, уже со следующего дня врангелевские летчики изменили тактику. Они стали налетать на нашу конницу большими группами, бомбить и обстреливать ее с малых высот. Вскоре Ткачев преподнес второй сюрприз: совместные действия низко летящих самолетов с броневидами и конницей. [...] Наконец, воздушная разведка противника точно установила районы сосредоточения всех частей красного корпуса прорыва. [...] Командование корпуса потеряло управление войсками. Части самостоятельно прорывались сквозь белогвардейские заслоны. Люди гибли и попадали в плен к врангелевцам. Наступление нашей армии было сорвано»^{cx}.

А вот свидетельство Врангеля: «В шесть часов вечера 19 июня я отдал директиву: [...] генералу Ткачеву всеми аэропланами способствовать уничтожению конной группы противника. [...] К полудню [20 июня] напряжение достигло предела. Корпуса находились в движении, и непосредственной связи с ними не было. Явственно доносился непрерывный гул стрельбы. Наконец, приближающийся звук пропеллера... Над [штабным] поездом, низко снизившись, пронесся аппарат, бросил сигнальную ракету и выбросил донесение: противник разбит наголову, окружен нашими войсками, генерал Ткачев сообщает о „полном разгроме врага“. [...] Атакованные с фронта и фланга и поражаемые метательными снарядами нашей воздушной эскадрильи, массы крас-

ной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях»^{cxix}.

Участник этой операции военный летчик 3-го авиаотряда П. А. Стефановский вспоминал, что «20 июня генерал Ткачев, притянув к Аскания-Нова и Чаплинке еще три отряда, отдал приказ пяти отрядам с рассветом атаковать колонны красных, идя группами по 4 – 5 самолетов, имея бомбардировщиков в первой линии, за ними группа истребителей на бреющем полете, опять бомбардировщики и т.д. Один из самолетов-бомбардировщиков вел сам генерал Ткачев. Картину паники, которую видели с самолетов, трудно было себе представить, находясь на земле, но сверху она была хорошо видна. Конница красных была совершенно размотана и неслась в разные стороны, попадая под наш ружейный, пулеметный, танковый и артиллерийский огонь. Красное командование удирало, бросая свои части на убой»^{cxii}.

Начальник отдела печати Гражданского управления Правительства Юга России Г. В. Немирович-Данченко сообщал: «Развязка операции последовала 20 июня. [...] 12 аэропланов под начальством Ген[ерала] Ткачева засыпали бегущих градом бомб, снижаясь до 100 метров над противником, и поражали его сосредоточенным пулеметным огнем. Из всей этой группы из кольца окружения удалось выскочить лишь не многим; большинство же красных было уничтожено и взято в плен. [...] Уклонившись на юго-восток, преследуемые аэропланами Ген[ерала] Ткачева, уже покончившего с первой группой красных, Жлоба с несколькими сотнями всадников бежал на автомобиле к Бердянску»^{cxiii}.

В этой операции Ткачев принимал самое непосредственное участие. В начале июня из Константинополя в Севастополь на пароходе был доставлен аэроплан De Havilland DH.9 (Дэ Хэвиллэнд DH.9), который 16 июня военный летчик 1-го авиационного генерала Алексея отряда поручик Б. Н. Дессино перегнал на аэродром авиагруппы полковника А. К. Антонова близ станции Акимовка для Ткачева.

Полковник Антонов [...] был в Крымский период (в 1920 году) командиром группы – главного ядра нашей авиации, состоявшей из 3 авиационных отрядов и стоявшей в Акимовке^{cxiv}.

18 июня Ткачев с летчиком-наблюдателем Никулиным (все полеты совершались ими вдвоем), на вновь полученном аэроплане, в составе группы из пяти аэропланов в течение более двух часов осуществляли разведку и бомбардировку красных. На следующий день Ткачев вылетел уже в составе группы из шести аэропланов, которые бомбили позиции красных более трех часов. В ходе выполнения боевого задания аэроплан Ткачева был атакован двумя «Ньюпорами» красных под управлением летчиков П. Х. Межерупа и И. Ф. Воедило. Бой продолжался около получаса, «Дэ Хэвиллэнд» Ткачева получил пять пробоин, но мотор не был поврежден. 20 июня Ткачев с группой в течение четырех часов забрасывал бомбами конницу Жлобы, при этом почти 45 минут отбивался от трех аэропланов красных. Приказом Главнокомандующего Русской армии от 22 июня Ткачев был удостоен ордена Святителя Николая Чудотворца 2-й степени^{cxv}. В свою очередь Ткачев ходатайствовал о награждении аналогичным орденом военного летчика 4-го авиаотряда подпоручика Л. И. Байдака, обнаружившего 15 июня кавалерийскую колонну Жлобы, и вплоть до 21 июня совершившего 10 боевых полетов с бомбометанием позиций красных^{cxvi}.

На Юге была хорошая традиция – не награждать за выдающиеся подвиги в Гражданской войне офицерскими орденами Св. Победоносца Георгия^{cxvii}.

И Деникин, и Врангель полагали неуместным награждать за подвиги в Гражданской войне старыми русскими военными орденами – награды заменялись повышениями в чине, что приводило к чрезмерному увеличению достаточно молодых капитанов, полковников и даже генералов. Выход был найден в учреждении ордена Святителя Николая Чудотворца двух степеней^{cxviii}.

Операции против II Конной красной армии (август 1920 г.). Не менее характерными являются действия активной авиации против II Конной армии красных.

В августе 1920 года красные предприняли крупную операцию против Русской армии. Сосредоточив к этому времени значительные силы в районе Каховки, они повели наступление в юго-восточном направле-

нии, отрезая, таким образом, наши главные силы от Крыма. Одновременно с этим велись горячие бои на Александровском направлении, где пыталась проявить особую активность II Конная армия красных, стремившаяся прорваться со стороны Орлянска в южном направлении.

За недостатком крупных конных резервов против этой армии высылалась авиация, которая своими ошеломляющими действиями отбрасывала и расстраивала противника, после чего преследование его производилось незначительными нашими конными частями.

Наконец, 15 августа II Конная армия прорывает-ся со стороны Орлянска в наш тыл. Встреченная сокрушительным ударом авиации, она теряет сердце и уклоняется от боя со значительно малочисленной нашей конницей.

После этого красная армия круто поворачивает на запад и, преследуемая аэропланами и кавалерией, поспешно устремляется к Каховской переправе, не вступая в серьезные столкновения с нашими частями.

[...] авиация в Крымский период нередко восполняла наш недостаток в живой силе, часто брала на себя выполнение кавалерийских задач и вообще являлась подчас тем стратегическим резервом, пользуясь которым Главное командование вырывало победу из рук противника. К сожалению, вследствие недостатка технического пополнения, авиация не смогла принять участие в последних решительных боях Русской армии. К моменту переброски с Польского фронта значительных сил красных и появления против нас конной армии Буденного, мы располагали только одним боеспособным аэропланом, почему так сравнительно легко досталась победа красным в Северной Таврии^{схix}.

По свидетельству И. К. Спатареля, «генерал Ткачев еще утром 30 августа [по новому стилю] собрал авиацию в кулак и обрушил ее на 2-ю Конную армию. Штурмовыми ударами он надеялся остановить ее продвижение, дезорганизовать и уничтожить. Но мужество красных конников, открывших дружный залповый огонь, заставило неприятельских летчиков набрать высоту и отказаться от штурмовки. И

хотя близкие разрывы пудовых и двухпудовых бомб, безусловно, наносили нам урон, командующий 2-й Конной армией [...] не приостановил движения тысяч бойцов по намеченному маршруту. Форсированным маршем он вывел свои полки из-под удара врангелевской авиации»^{схx}.

Нередко красные военные летчики в своих мемуарах сетовали на отсутствие у них исправных аэропланов и, наоборот, – их наличие у белых. Так, генерал-лейтенант авиации И. Т. Спирин указывал, что «белогвардейцы и интервенты располагали машинами, представлявшими последнее слово техники, наши же летчики были вынуждены довольствоваться самолетами, оставшимися от царской армии»^{схxi}. Тот же И. К. Спатарель писал: «Наша авиационная техника [...] была старой и изношенной. Ремонтировалась она наспех, в полевых мастерских. Белогвардейцы же располагали прекрасными стационарными ремонтными базами. [...] нельзя забывать и о той помощи, которую оказывали белым иностранные империалисты. Они [...] снабжали их техникой, боеприпасами, обмундированием и продовольствием»^{схxii}.

А вот С. Н. Покровский свидетельствовал об обратном: «Вопреки существующим легендам армия Врангеля не получала никакого военного имущества из-за границы и снабжалась исключительно тем, что было привезено в Крым англичанами во времена Деникина (1919 г.). В частности, авиация за весь 1920 г. не получила ни одной новой машины. [...] Пополнение белой авиации производилось за счет Симферопольского авиа[ционн]ого парка. Из 3 – 4 разбитых машин собирали одну, недостающие части заменяли самодельщиной [...] Выбраккованные за полной негодностью на фронте машины перебирались, красились и снова шли на фронт. [...] Развить какие-либо активные действия белая авиация была уже не в состоянии. Когда начался общий отход белых, ¾ самолетов не смогли подняться в воздух и были сожжены на аэродроме. Попытка атаки наступающей конницы отдельными самолетами не имела значения»^{схxiii}.

О проблемах с технической оснащенностью Русской армии указывал и Врангель: «При огромном численном превосходстве противника для нас

приобретали особое значение технические средства борьбы – аэропланы, танки, броневые автомобили. В последних боях наши аэропланы оказали нам неоценимые услуги, однако аппараты (всего 20 – 30) были в таком состоянии, что их могло хватить всего на один-полтора месяца. [...] Все необходимое нам закупалось частью в Румынии, частью в Болгарии, частью в Грузии. Делались попытки использовать оставленное в Трапезунде русское имущество, однако все эти попытки встречали непреодолимые затруднения. Англичане чинили нам всевозможные препятствия, задерживали пропуск грузов под всевозможными предлогами. Всякими ухищрениями и пользуясь доброжелательным отношением местных представителей Великобритании в Константинополе, мы кое-как эти препятствия обходили. Однако терялось огромное количество времени и напрасных усилий.

[...] 30 августа вечером я выехал из Севастополя в сопровождении [...] представителей военных миссий Франции, Польши, Америки, Англии, Японии и Сербии и нескольких корреспондентов русских и иностранных газет. Утром 31 августа поезд остановился на станции Таганаш, и мы на автомобилях выехали для осмотра части укрепленной позиции. [...] Недавно установленная тяжелая крепостная батарея производила пробную стрельбу. Наши аэропланы корректировали. [...] Вернувшись в поезд, мы тронулись далее и на станции Акимовка смотрели расположенный там авиационный парк [...] Наша воздушная эскадрилья под руководством выдающегося летчика генерала Ткачева производила в воздухе ряд блестящих маневров, маневров тем более удивительных, что большинство аппаратов пришло в полную ветхость и лишь беззаветная доблесть русского офицера заменяла технику. Полеты были окончены, и военные представители окружили отважных летчиков, высказывая свое восхищение. Генерал Ткачев доложил о том, что большинство аппаратов совершенно изношены и что в ближайшее время, если не будет получено новых, наша авиация окажется бессильной. Я использовал случай, чтобы указать на те

⁶Болгария (примеч. П. Н. Врангеля).

⁷Англичанами (примеч. П. Н. Врангеля).

усилия, которые делались мной для получения новых аппаратов, и на те непреодолимые препятствия, которые оказывались мне не только со стороны наших врагов. Так, недавно с большим трудом приобретенные нами в одном из государств⁶ аэропланы были „по недоразумению” уничтожены одной из иностранных контрольных комиссий⁷. Представитель великобританской военной миссии, симпатичный полковник Уольш, густо покраснел»^{схxiv}.

К середине октября 1920 г. в Крыму авиация красных едва ли не в четыре раза превосходила авиацию Русской армии: 84 самолета против 22. К этому времени началось наступление 1-й Конной армии С. М. Буденного, прибывшей с Польского фронта, а также 2-й Конной, 4-й и 13-й армий красных. Участие Русской армии Врангеля была предreshена. 31 октября на одном из последних судов, отошедших из Севастополя и взявших курс на Константинополь, плыли в эмиграцию более 80 военных летчиков и летчиков-наблюдателей, а также более 50 техников-мотористов^{схxv}. С ними был и Ткачев...

Так бурная волна жизни выбросила меня на чужой берег, оторвавший от корня родного дерева на 24 года^{схxvi}. ■

¹Royal Aircraft Factory R.E.8 («Ариэйт»), британский самолет-разведчик, применявшийся также в качестве бомбардировщика в период Первой мировой войны (с 1917 г.). Скоростной и хорошо вооруженный, он был крайне непопулярным у летчиков из-за плохих летных качеств: слабой маневренности, повышенной пожароопасности и чувствительности в управлении, склонности к штопору. По окончании войны несколько десятков «Ариэитов» были списаны из Королевских воздушных сил и переданы в белые армии, в том числе ВСЮР.

²De Havilland DH.9, британский самолет-бомбардировщик периода Первой мировой войны, разработанный Джеффри де Хевиллендом (1917 г.); в Гражданскую войну поставлялся белогвардейцам.

³В марте 1919 г. чеченский имам Узун-Хаджи поднял мятеж против «неверных»: повстанцы засели в труднодоступных горных аулах, атакая на обозы и небольшие гарнизоны ВСЮР, которые не могли выделить достаточное число отрядов для противостояния мятежникам. С целью оказания психологического давления на них войскам Грозненской группы в Чечне был придан 5-й авиационный отряд Добровольческой армии, который летом–осенью 1919 г. осуществлял разведку в горах и бомбардировку мятежных аулов, сдерживая горские отряды на территориях современной Северной Осетии, Чечни и Дагестана (См.: Кушнерев В. В. Авиация России/СССР на Кавказском театре военных действий (1910 – 1994 гг.): Монография. Краснодар, 2013. С. 75 – 76).

⁴В начале апреля 1919 г. части 8-й армии красных форсировали р. Северный Донец и заняли два плацдарма на западном берегу. В течение недели летчики Добровольческой армии бомбили переправы, задерживая подход резервов красных на плацдармы и давая время для концентрации собственных сил для контрудара, а вскоре красные были отброшены за реку. (См.: Кондратьев В., Хайрулин М. Авиация Гражданской войны. М., 2000. С. 49).

⁵К восставшим против большевиков в конце февраля 1919 г. казакам Верхне-Донского округа было совершено несколько полетов летчиками 3-го Донского самолетного отряда. Первыми вылетели 5 апреля из Новочеркасска подбесаул Д. В. Федоров с членом Войскового Круга В. А. Харламовым. Однако приземлившись близ станицы Вешенской и будучи застигнутыми конным отрядом красных, они были вынуждены вернуться назад. Второй полет 26 апреля со станицы Зверево совершили хорунжий В. В. Тарарин с наблюдателем сотником П. Г. Богатыревым, на этот раз удачно, сделавшие посадку у хутора Бокова и связавшиеся с казаками, подтвердившими восстание. В третий раз 2 мая полетели поручик В. С. Веселовский и подпоручик П. И. Бессонов, взявшие с собой 500 тыс. рублей, пуд табака, несколько пудов перевязочного материала, газеты, воззвания, прокламации и большое количество писем. Приземлившись у хутора Пегуревки,

они передали весь груз восставшим казакам. Вернувшись 5 мая в Новочеркасск, летчики на Большом войсковом круге 8 мая рассказали о восстании казаков и представили письма от них, в связи с чем Войсковой круг принял решение поддержать восставших. В мае–июне было совершено еще несколько полетов летчиков Донской авиации к восставшим казакам и доставлены боеприпасы, обмундирование и провизия. (См.: Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации на Дону / Публикация А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив. 2009. Т. 18. С. 537 – 540; Хайрулин М. «Дорогие птицы!»: Работа летчиков Донской авиации во время восстания в Верхне-Донском округе. Апрель – июнь 1919 года // Донские казаки в борьбе с большевиками: Альманах. 2010. № 3. С. 39 – 43.).

⁶23 августа 1919 г. военные летчики прапорщик Ф. М. Баранов и штабс-капитан Э. М. Битте вылетели из Миллерово на поиски 4-го Донского конного корпуса генерала К. К. Мамантова. После нескольких посадок возле различных населенных пунктов, несмотря на угрозу попасть в плен красным, они нашли штаб корпуса недалеко от села Дрязги под Липецком и передали генералу устный приказ штаба Донской армии, который выучили наизусть; назад вернулись 25 августа. Второй полет пытались совершить 30 августа, вылетев из Митрофановки, летчик ротмистр В. А. Хомич и наблюдатель ротмистр С. Н. Аладьин. Однако их аэроплан над аэродромом сорвался в штопор и разбился – летчики и аэроплан сгорели. В сентябре было совершено несколько попыток обнаружить корпус Мамантова, но безуспешно. 20 сентября капитан З. В. Снимщиков вылетел из Митрофановки и приземлился в Воронеже, где дислоцировался 3-й Кубанский корпус генерала А. Г. Шкуро, а 21 сентября продолжил поиски Мамантова. В тот же день он попал в плен к красным в районе станицы Таловой, где приземлился и был введен в заблуждение бойцами конного корпуса С. М. Буденного, назвавшими себя «мамантовцами». (См.: Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации на Дону / Публикация А.В. Махалина, А.А. Литвина // Российский архив. 2009. Т. 18. С. 534 – 536; Хайрулин М. Страшный риск. Полеты Донской авиации для связи с 4-м конным корпусом Генерал-Лейтенанта К.К. Мамантова в 1919 году // Донские казаки в борьбе с большевиками: Альманах. 2010. № 4. С. 62 – 74).

⁷Ткачев В. М. Вопросы тактического применения авиации в Гражданской войне (маневренной). Доклад, прочитанный в Русском Обществе ревнителей военных знаний в Королевстве С. Х. С. 24 мая 1921 г. // Военный сборник. 1921. № 1. С. 121 – 123.

⁸Вандея (фр. Vendée, брет. Vande), департамент на западе Франции, в конце XVIII – начале XIX в. центр инспирируемых Англией реакционных мятежей, которые возглавлялись контрреволюционным дворянством и католическим духовенством; слово-символ, это не просто одна из самых

драматических и кровавых страниц Французской революции, но давно отделившись от своего конкретного историко-географического содержания, понятие «Вандея» прочно вошло в современную политическую лексику как синоним контрреволюции.

⁹Письмо В. М. Ткачева – М. К. Соломахину от 18 декабря 1962 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 61. Л. 6-6об.

¹⁰Письмо В. М. Ткачева в Президиум Верховного Суда СССР (без даты) / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 73-а. Л. 5об.

¹¹Кондратьев В. Белый Авиадарм: генерал авиации Вячеслав Матвеевич Ткачев // Авиапарк. 2009. № 4. С. 4.

¹²Софронов И. Русский сокол // Братишка. 2012. № 8. С. 75.

¹³Шишов А. В. 100 великих казаков. М., 2007. С. 431.

¹⁴Быков М. На высоте // РУССКИЙ МИР.RU. 2010. № 3. С. 43.

¹⁵Махалин А. В. М. Ткачев – участник и историк воздушных сражений Великой войны / Первая мировая война и участие в ней России (1914 – 1918). Материалы научной конференции. Часть II. М., 1994. С. 56.

¹⁶Дробышевский А., Куликов В. Главнокомандующий // Авиация – космонавтика (Крылья). 1995. № 11. С. 22.

¹⁷Бардадым В. Дорога в небе и на земле. Летчик В.М. Ткачев / Ратная доблесть кубанцев. – Краснодар, 2010. С. 271.

¹⁸Томич В. Из прошлого русской авиации. Два Вячеслава // Русская Жизнь. 1983. № 10096. 2 июля. С. 6.

¹⁹То есть по решению станичного схода.

²⁰Ткачев В. Некролог // Казак. Информационный листок Кубанской канцелярии. 1965. № 200. Май. С. 17.

²¹Письмо В. М. Ткачева – А. И. Дикому от 16 декабря 1961 г. // ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.

²²Письмо В. М. Ткачева – И. И. Петрожицкому от 30 июля 1958 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 54. Л. 3-3об.

²³В период Гражданской войны Иосиф Иосифович Кравцевич был инспектором авиации Добровольческой армии и ВСЮР (1918 – 1919), генерал-майор (с 1919 г.). Как вспоминал литовский военный летчик Симас Станайтис, «была середина июня 1920 года. В то воскресное утро я диктовал по телефону оперативному отделу генерального штаба сообщения вернувшихся с фронта летчиков. В штабе я был один. В это время открылась дверь, и вошел какой-то человек. Мельком взглянув и заметив постороннего, я жестом показал, чтобы он вышел. Окончив диктовать, задумался. От своих друзей летчиков я слышал, что нашей авиации свои услуги предложил какой-то генерал литовец. А может, это и был он? Выйдя из штаба, нашел незнакомца сидевшего на скамейке. Когда я подошел, он молча протянул руку: «Офицер Йозас Крауцявичюс, командирован в распоряжение начальника авиации». Я поздоровался: «Здравия желаю, генерал». По-литовски он говорил сносно. Я повел генерала в ангары, показал наши боевые самолеты. Он, старый летчик, был хорошо знаком с типами германских самолетов. Он показал мне удостоверение личности офицера царской армии. Вижу, что полный полковник, а на погонах черные

орлы летчика». (Simas Stanaitis. Likimo vingiai. – Kaunas, 1992, 49-51 psl.).

²⁴В конце лета – осенью 1918 г. Кубанское краевое правительство предприняло попытку создания собственной, отдельной от Добровольческой, Кубанской армии. Однако командованию Добровольческой армии удалось отстоять единство сил и не допустить формирования отдельной Кубанской армии, которое привело бы к распылению сил на белом Юге России. Генерал Деникин лишь согласился формировать чисто кубанские казачьи части в составе Добровольческой армии (См.: Гагуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 225).

²⁵Ткачев В. Некролог // Казак. Информационный листок Кубанской канцелярии. 1965. № 200. Май. С. 17.

²⁶К ноябрю 1919 г. авиация Всевеликого войска Донского под командованием полковника В. Г. Баранова состояла из шести авиаотрядов: 45 – 50 аэропланов и 25 – 30 человек летного состава. Соответственно, авиация Добровольческой армии под командованием генерал-майора И. И. Кравцевича на тот период состояла из десяти авиаотрядов: 100 – 110 аэропланов и 80 – 85 человек летного состава (См.: Доронин Ю. Авиация белых армий России в годы Гражданской войны и послевоенные годы // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 2000. № 3. С. 10).

²⁷Имеется в виду Юг России.

²⁸Осведомительное агентство – информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии (позднее – ВСЮР) в период Гражданской войны, наделенное монополией на предоставление информации о действиях официальных структур Белого Юга и распространение информации на территориях, подконтрольных его власти; упразднено Врангелем в 1920 г.

²⁹Как отмечают В. Кондратьев и М. Хайрулин, воздушные бои во время Гражданской войны были «крайне редким явлением, а уж результативные схватки и вовсе можно пересчитать по пальцам». Между тем, они указывают, что в период 1918 – 1920 гг. на всех фронтах красные летчики сбили 9 самолетов белогвардейцев, англичан и поляков. В свою очередь, те сбили 5 самолетов красных: белогвардейцы – 3, англичане и поляки – по одному (См.: Кондратьев В., Хайрулин М. Авиация Гражданской войны. М., 2000. С. 98).

³⁰De Havilland DH.9.

³¹Письмо В. М. Ткачева – А. И. Дикому от 16 декабря 1961 г. // ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 39. Л. 3, 4об.-7, 9об.-10.

³²Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 275.

³³ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 12. Л. 566; Д. 10. Л. 238.

³⁴Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917 – 1920 / Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А. А. Зайцева. Т. 1. Краснодар, 2008. С. 334.

³⁵Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1918 год.

Екатеринодар, 1918. С. 68, 71-72.
^{xxxvi}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 12. Л. 626.
^{xxxvii}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 10. Л. 238 – 239об.; Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 6об.; Ф-29. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
^{xxxviii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.
^{xxxix}Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. С. 80.
^{xl}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 63. Л. 120-122; Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
^{xli}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9. Л. 65.
^{xlii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 9. Л. 20, 25-25об.; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 63. Л. 122.
^{xliii}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 63. Л. 121; Д. 72. Л. 3-3об.
^{xliiv}ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 86. Л. 50; Ф. Р-28. Д. 9. Л. 180.
^{xlii}См.: Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 167.
^{xlii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 – 4, 8 – 11, 16, 254; Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 86. Л. 51.
^{xlii}Ныне – г. Пролетарск Ростовской области.
^{xlii}Ткачев В. М. Вопросы тактического применения авиации в Гражданской войне (маневренной). Доклад, прочитанный в Русском Обществе ревнителей военных знаний в Королевстве С. Х. С. 24 мая 1921 г. // Военный сборник. 1921. № 1. С. 130 – 131.
^{xlii}Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации на Дону / Публикация А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив. 2009. Т. 18. С. 519.
^{li}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
^{li}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.
^{lii}Крыльский А. Стальные птицы на Маныче // Донская волна. 1919. № 30. С. 12.
^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 170 – 172.
^{lii}Ныне – г. Волгоград.
^{lii}См.: Вольная Кубань. 1919. № 115. 29 мая. С. 1.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 230.
^{lii}Кушнерев В. В. История 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона (1918 – 1920 годы) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1. С. 51.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 12. Л. 102.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 18. Л. 80об.
^{lii}Ныне – железнодорожная станция в г. Волгограде.
^{lii}Ныне – Ельшанка, железнодорожная станция в г. Волгограде.
^{lii}Ныне – поселок в Дзержинском районе г. Волгограда.
^{lii}Удовико В. Под Царицыном // Донская волна. 1919. № 30. С. 14-15.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 10. Л. 561.
^{lii}Ныне – село в Октябрьском районе Волгоградской области.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 86. Л. 51; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 114. Л. 750.

^{lii}Протоколы заседания Кубанского краевого правительства: 1917 – 1920. Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А. А. Зайцева. Т. 3. Июль – ноябрь 1919. Краснодар, 2008. С. 126 – 127.
^{lii}По словам начальника Донской авиации генерал-майора В. Г. Баранова, «английские аэропланы типа «Арриейт» были присланы англичанами в большом количестве. Этот тип считался устарелым, и, кроме того, полетные качества аппарата были неудовлетворительны, требовали большой точности управления. Небольшая ошибка в управлении, вполне допустимая в других аппаратах, вела к гибели летчиков. 8 человек донской авиации и 10 Добровольческой школы на этих самолетах». (Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации на Дону / Публикация А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив. 2009. Т. 18. С. 514 – 515).
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – А. И. Дикому от 16 декабря 1961 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 39. Л.10об.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 174-174об.
^{lii}Кушнерев В. В. История 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона (1918 – 1920 годы) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1. С. 52.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 61. Л. 107.
^{lii}Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 242. Л. 386.
^{lii}Протоколы заседания кубанского краевого правительства: 1917 – 1920. Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А. А. Зайцева. Т. 3. Июль – ноябрь 1919. Краснодар, 2008. С. 391.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 26. Л. 58.
^{lii}Ныне – г. Кропоткин Краснодарского края.
^{lii}Ныне – г. Тихорецк Краснодарского края.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 4-4об.; Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 300. Л. 83.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 427. Л. 54.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – Г. Г. Степанову от 30 января 1962 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 63. Л. 18-18об.
^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. – М., 2006. С. 334.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14.
^{lii}Бардадым В. П. Атаманы. Краснодар, 2009. С. 364 – 365.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
^{lii}Беляевский В.А. Правда о ген. Деникине (Причины поражения Белого движения на Юге России в 1920 г.). Сан-Франциско, 1959. С. 62.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – А. И. Дикому от 13 марта 1962 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 39. Л. 23
^{lii}Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 423. Л. 26. По другим данным, в Екатеринодаре было захвачено 22 самолета, в том числе 12 – в исправном состоянии. (См.: Кондратьев В., Хайрулин М. Авиация Гражданской войны. М., 2000. С. 67).
^{lii}Неизвестные воспоминания В. Г. Баранова об авиации

на Дону / Публикация А. В. Махалина, А. А. Литвина // Российский архив. 2009. Т. 18. С. 512.
^{lii}Голубинцев А. В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1918 гг. Мюнхен, 1959. С. 158.
^{lii}Ныне – Ишунь, село в Краснопереконском районе Республики Крым.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 26. Л. 55.
^{lii}Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 85.
^{lii}Деникин А. И. Вооруженные силы Юга России. М., 2013. С. 306.
^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 393.
^{lii}ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 26. Л. 58об.
^{lii}Покровский С. Работа белой авиации в Крыму и Сев. Таврии в 1920 году // Вестник Воздушного флота. 1922. № 13. С. 9.
^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 437.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – А. И. Дикому от 13 марта 1962 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 39. Л. 23-23об.
^{lii}Приказ начальника авиации № 92 от 16 мая 1920 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 26. Л. 62-62об.
^{lii}Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 117 – 118, 127 – 128.
^{lii}Павлов И. У. Боевой путь. Записки красного летчика / Под общ. ред. В. Хрипина. М., 1937. С. 233.
^{lii}Сергеев А. В. 5 лет строительства и борьбы Воздушного флота (1917 – 1922). М., 1926. С. 108.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – И. К. Спатарелю от 4 августа 1964 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 62. Л. 20-20об.
^{lii}Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905 – 1945. М., 1999. С. 82 – 83.
^{lii}Покровский С. Работа белой авиации в Крыму и Сев. Таврии в 1920 году // Вестник Воздушного флота. 1922. № 13. С. 9.
^{lii}Ткачев В. М. Вопросы тактического применения авиации в Гражданской войне (маневренной). Доклад, прочитанный в Русском Обществе ревнителей военных знаний в Королевстве С. Х. С. 24 мая 1921 г. // Военный сборник. 1921. № 1. С. 128 – 130.
^{lii}Приказ начальника авиации № 107 от 8 июня 1920 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 26. Л. 67 – 68.
^{lii}Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 117 – 119.
^{lii}Ткачев В. М. Вопросы тактического применения авиации в Гражданской войне (маневренной). Доклад, прочитанный в Русском обществе ревнителей военных знаний в Королевстве С. Х. С. 24 мая 1921 г. // Военный сборник. 1921. № 1. С. 131 – 133.
^{lii}Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 132, 134.

^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 513 – 514.
^{lii}Стефановский П. Действия авиации Русской армии при разгроме корпуса Жлобы в 1920 году // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии / Сост., науч. ред., предисл. и ком. С.В. Волков. М., 2003. С. 611.
^{lii}Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922. С. 56 – 57.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – И. И. Петрожицкому от 30 июля 1958 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.
^{lii}Был учрежден Врангелем 17 апреля 1920 г. для награждения офицеров и нижних чинов Русской армии. В соответствии со ст. 8 «Временного положения об орденах Св. Николая Чудотворца», им награждался «лишь тот, кто презрел очевидную опасность и, явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу» / Лампе фон А. А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. Приложение 1-е. С. 130 – 131.
^{lii}Хайрулин М. Одна из боевых командировок Ткачева на фронт. Разгром корпуса Жлобы // Мир авиации. 1996. № 1. С. 5 – 7.
^{lii}Письмо В. М. Ткачева – Э. И. Меосу от 13 июня 1960 г. / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 49. Л. 191.
^{lii}Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 77.
^{lii}Ткачев В. М. Вопросы тактического применения авиации в Гражданской войне (маневренной). Доклад, прочитанный в Русском Обществе ревнителей военных знаний в Королевстве С. Х. С. 24 мая 1921 г. // Военный сборник. 1921. № 1. С. 133 – 134.
^{lii}Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 183.
^{lii}Спирин И. Записки военного летчика. Иваново, 1947. С. 9.
^{lii}Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 127.
^{lii}Покровский С. Работа белой авиации в Крыму и Северной Таврии в 1920 году // Авиация и космонавтика. 1994. № 1. С. 16.
^{lii}Врангель П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916 – 1920. М., 2006. С. 518, 598 – 599.
^{lii}Кондратьев В., Хайрулин М. Авиация Гражданской войны. М., 2000. С. 95.
^{lii}Ткачев В. М. Долг и любовь (черновик) / ГАКК. Ф. Р-1559. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.

Комментарии и публикация Игоря Сирицы

АНАТОЛИЙ УШАКОВ

Родился в 1948 году в городе Чусовом Пермской области. Окончил факультет журналистики Ростовского государственного университета. Работал в «Комсомольце Кубани», в «Советской Кубани» и др. СМИ. Автор повести «Моя пристань», рассказов, стихов, многочисленных журналистских текстов. Живет в станице Выселки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЦАРЮ. Записки паломника

ДЕДУШКА И МАЯКОВСКИЙ

Готовлюсь к поездке в Екатеринбург на Царские дни – 100-летие подвига святых Царственных Стратотерпцев. Делюсь с друзьями чаяниями предстоящего паломничества. Все очень рады за меня. А один приятель хмурится. Чего, мол, тут воспарять?.. И пытается меня приземлить:

– Едешь на столетие расстрела? Знаешь ли, в нашей истории есть личности более достойные всенародного почитания, чем Николай II...

Только что не добавляет: «Кровавый!..»

Сдерживаю себя: не надо спорить. Как говорится, очи долу да скромненько мимо. А Сергей тактично выдерживает паузу и меняет тему. Она у него на поверхности: страна в это жаркое лето просто выкипает от страстей проходящего у нас мирового футбола.

– Как мы молились на Акинфеева, какие мячи он брал!.. – Сергей седлает своего конька и мчит по вехам чемпионата. – А серия пенальти с хорватами – это же потеря!.. Эх, жаль, в ней мы проиграли!..

– Ну уж нет, Серега, сам выход нашей сборной в четвертьфинал – уже победа! – тут я могу спорить.

– Екатеринбург принимал всего четыре матча, – констатирует Сергей. – У тебя там что, родственники?

– Да. В детстве жил недалеко от Екатеринбурга. Он тогда Свердловском назывался.

... Городок Горнозаводск, где протекало мое детство, – между Пермью и Свердловском. По ниточке памяти из тех лет сочится ощущение траура, связанное с кончиной моего деда. Траурное чувство хранят пихтовые веточки, на которые наступаешь, проводя в последний путь дорогого, близкого человека. Как остр запах хвойного лапника, настоящий на жалости и печали! К нему примешивается сырость погребка...

Помню, сидит белобородый наш Степан Мироныч в исподнем, обложенный подушками, опершись о высокую грядущку кровати. По его просьбе я придвигаю к одру столик с круглым зеркалом. Несмотря на хворь, дедушка берет ножницы и сам подправляет бороду и усы, аккуратно остригает ногти на руках. Мне нравится смотреть, как играют, лучатся в его пальцах ножницы – никелированные, филигранные. У них над обоими кольцами устроено по овалу, а в каждом овале с обеих сторон – барельефы царя с надписью: Николай II. Есть у деда и другие вещицы с царскими профилями и вензелями. Он не проливал крови в Первую мировую, поскольку выполнял особое задание – в Вятке содержал конезавод и поставлял на фронт лошадей. О царе говорит: «Государь-мученик». И хранит его знаки...

Мы, братья и сестры мал-мала, вещи с царскими символами: ложки, подстаканники – ревностно оберегали. «Это – дедушкино!» – звучало непререкаемым табу...

Весенним вечером дедушка тихо засыпает. А ближе к утру слышим, как бабушка читает по нему заупокойную молитву... После похорон деда уже никто с нами не говорит ласково о царе.

Вступаем в пионеры, в новые интересы. Память притупляется. Меня записывают в школьный литературный кружок, в котором преуспеваю и на беду получаю в награду сборник Маяковского. О, эти разворачивающиеся в марше и сыплющиеся лесенкой стихотворные строки! Доводят они меня до сочинения собственной поэмы на тему революции и свержения царя.

Бычась и расставив ноги – под Маяковского, – читаю поэму со сцены:

– Царю – по шапке!

И с тихим звоном

Корона упала на пол ковровый!..

.....

Прости, Господи! Прешен и каюсь!

У ДОМА ИНЖЕНЕРА ИПАТЬЕВА

Чтение слушал сам директор Дома культуры Лев Иванович Бэр.

Его звучному имени соответствуют и прическа – артистичная грива, и аристократизм – как врожденный, так и закаленный в невзгодах. Я тогда еще не знал, что его взяли с первого курса МГУ, перед войной, когда немца можно было сажать и ссылать без всяких яких. Так что самообразованием он занимается уже в трудовом лагере под Казанью, потом – ссылка на Урал; он преподает в школе немецкий язык... К моменту назначения директором ДК в его семье уже четверо детей.

Его оценки строги, точны и не обидны, потому что юмор, с каким оглашается вердикт, мягок. Лев Иванович чтение мое похвалил:

– Есть жилка, есть. И вот что... В нашем детском драмтеатре мы собираемся ставить «Зайку-зазнайку» Сергея Михалкова. Попробуем тебя в главной роли. Не против?

Да, не каждому мальчишке и девчонке везет подпасть под влияние столь замечательных людей, как Лев Иванович и его супруга Тамара Константиновна Аркадова, заведовавшая в ДК детским сектором. Сколько доброй энергии, любви, терпения и такта прилагают они к тому, чтобы здесь, в краю гугаговских зон и ссылок, вырастить из детишек – нет, не обязательно служителей эстрады и театра (хотя потом многие выросли в этом смысле и до профессионалов), – они все прилагали, чтобы получились из нас люди, исповедующие добро и любовь.

Они устраивали для нас походы и поездки с самодельными концертами в колхозы и лесопункты, экскурсии в Чусовой, Пермь и Свердловск. Были порой экскурсии и весьма неожиданные... Вот Лев Иванович предлагает дать концерт в лагере... отнюдь не пионерском, а известном ныне как музей ГУЛАГа, – в «Створе». Лишь спустя годы мы узнаем, что тогда в нем в большинстве содержались политзаключенные... Почти непроходимая дорога, тряска в автобусе такая, что девочек, бережно везших на концерт пачки для балетной сюиты, мутило... И за периметром зоны нас могло невесть что ожидать... Но Лев Бэр знал наверняка, что не во вред нам отступает от привычных методов воспитания!..

... Взять поездку в Свердловск.

В городе как раз гастролирует цирк Игоря Кио, в его программе выступление Сандро Дадеша. Сандро человек как человек, только рожден без рук и потому все делает ногами. Вручает даме розы, держа букет между большим и «указательным» пальцами правой ноги... На арене устанавливают мишень, на которой «яблочко» – горящая свеча. Под барабанную дробь Сандро, сев на стул и зажав приклад винтовки ногами, прицеливается... Выстрел – и гаснет свеча!

Программа экскурсии у нас как бы не совсем детская. На знаменитом «Уралмаше» вместе с директором завода проходим все цеха, особенно поражены громадностью шагающего экскаватора. Посещаем Свердловскую киностудию. В театре смотрим «Дни Турбиных» (в роли Лариосика наш любимец по фильму «Человек-амфибия» Владимир Корнев) ...

В завершение обмениваемся опытом с местными юными ленинцами, после чего Лев Иванович показывает мне с крыльца Дома пионеров:

– Видишь дом на углу? Это тот самый особняк инженера Ипатьева, где расстреляли царя Николая II с императрицей и их пятью детьми. – Лев Иванович на некоторое время умолкает и, отвернувшись в сторону, продолжает: – С той стороны полуподвал, в нем теперь склад. Вот там... Старшей дочери было двадцать два, самому младшему, наследнику Алексею, должно было исполниться четырнадцать...

Он не все сказал... Чувствовалась в его интонации какая-то недоговоренность.

Тогда еще не была издана книга советского историка Марка Касвинова «Двадцать три ступени вниз» о расстреле в Ипатьевском доме в ночь на 17 июля 1918 года и о том, что предшествовало трагедии. «Исследование» Касвинова всего лишь перепевает вышедшие за границей книги следователя по особо важным делам Николая Соколова и белого генерала Михаила Дитерихса об убийстве царской семьи. Касвинов берет факт или цитату из зарубежного источника, а за кавычками трактует так, как требовали тогда заказчики-идеологи: «царь слаб», «страна отсталая», «народ восстал против нищеты и закабаления».

Свердловск все еще оставался промышленным центром, закрытым для посещения иностранцами. Не было пока и острой необходимости дом Ипатьева разбивать шар-бабой, сравнивать с землей. В партархиве находились подробные воспоминания палачей

царской семьи. Но спецхран есть спецхран, он доступен был лишь коммунистам высокого ранга, истина из него в мир не просачивалась. В Ипатьевском доме в разное время размещались музей революции, различные советские конторы, архивные склады, нет-нет, да приходили к этим дверям и окнам граждане. У входа в полуподвал оставляли зажженные поминальные свечи...

Вот о чем не договаривает Лев Иванович, что заставляет нас задать вопрос учительнице на уроке истории:

– Детей-то за что?!

Историчка возмущается:

– Вы не понимаете?! Это продиктовано революционной целесообразностью. Представляете, какая головная боль начнется в стране, объявись где-то последний царевич или царевна!

Сказано тоном, не допускающим возражений. Между тем учительница наша вроде нормальный человек, мать семейства. И остается ощущение, что сама в своих словах не уверена...

... Кажется, я все стою и стою в тени деревьев перед арочным входом в цокольный этаж дома Ипатьева, и из затемненного подвального окна той самой комнаты веет холодом и возвратившимся ко мне ощущением траура...

Святые Царственные Страстотерпцы император Николай, императрица Александра, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, молитесь Бога о нас!

СНОВА НА УЛИЦЕ СВЕРДЛОВА

И вот я в Екатеринбурге в Царские дни-2018. Прежде чем выйти из здания вокзала в город, поднимаюсь на третий этаж, в привокзальный храм-часовню святителя Николая Чудотворца. Нынче при многих вокзалах устроены такие церкви, и чаще – имени святого Николая, покровителя путешественников. В часовенке установлено распятие. У икон Троицы, Господа Вседержителя, Богородицы горят лампы. Зовет приложиться и главная икона Царских дней ...

– Святые Царственные Страстотерпцы, молитесь Бога о нас!

От вокзала к центру пролегает одна из респектабельных улиц Екатеринбурга. Город прославлен не

только заводчиками, золотоискателями, металлургами, рудознатцами, но и купцами. Эта улица – сплошной пушторг. Шубы, тулупы, дубленки, меховые пальто, манто, куртки, обувь из кожи и меха... Десятки просторных салонов-магазинов, дорогие бутылки носят экзотические названия («Барс», «Ягуар» и т. д.). А сам проспект носит имя Якова Свердлова.

Кто в Екатеринбурге впервые, удивляются:

– Как?! Улица, ведущая к месту расстрела царской семьи, носит имя вдохновителя цареубийц?! Куда смотрит комиссия по городской топонимике?!

Все не так просто. Возникают встречные вопросы: а где тот суд, способный принять решение и выдать топонимам бумагу, что имярек преступник? А есть ли в гражданском обществе силы, способные организовать референдум по переименованию улицы?

Например, мы, кубанцы, хорошо помним свою попытку с помощью референдума вернуть Краснодару историческое название Екатеринодар. Что-то не проявили особого рвения краснодарцы к объявленному плебисциту. В Свердловске поступили по-другому. В «контрреволюционном» 1991 году имя Екатеринбург вернули очень просто: решением собравшейся сессии горсовета.

Однако время крутых решений прошло, сегодня ни шатко ни валко «идет демократический процесс переосмысления и взвешенного отношения к истории». «Процесс идет», и я вышагиваю просторной улицей Свердлова, дивясь ее новинкам. В ее окончании возник шедевр малой архитектуры – мастерски отлитый из бронзы слепок целого городского квартала со старинной обширной усадьбой (ныне в ней Дворец творчества детей и молодежи), садом, церковью с колокольней и площадью, какими они были в 1936 году.

Само по себе это занимательно: смотришь на бронзовую «фотографию» и сличаешь с нынешним натуральным городским ландшафтом. Но почему на бронзовом макете-карте нет дома Ипатьева, ведь в 1936-м он стоял целехонек? Макет обрезан как раз по черте фасада дома... Квартал этот издавна называется Вознесенская горка по имени возвышающейся над ним церкви Вознесения Господня. Колокола этой церкви слушала царская семья. Но видеть ее купола из окон Ипатьевского дома августейшие особы не могли, так как особняк на два с половиной месяца их заточения в нем стал «домом особого назначения».

По фасаду его обшили двойной дощатой стеной. К тому же тюремщики и стекла известью замазали. Царь записал в дневнике: «При звуках колоколов грустно становится при мысли, что теперь Страстная, и мы лишены возможности быть на этих чудных службах». Эта запись государя, как и многие другие (точные и лаконичные), – свидетельство духовного равновесия православного христианина, уже глубоко осознавшего: перед ним Голгофа.

Когда-то, изучив документы и свидетельства того времени, уверен, все мы увидим полную картину трагедии. Увидит ее и мой знакомец Серега, футбольный «страстотерпец», повторяющий досужие мнения: «царь был слаб», «страна отсталая», «народ восстал против нищеты и закабаления» и т. д. Поймет, что Царственные Мученики не просто были здесь расстреляны. Они совершили подвиг восхождения на свою Голгофу. Все, что мыслили, что оставили в дневниковых записях, что сказали палачам в последние мгновения, – это Русская православная церковь с помощью достоверных доказательств именует подвигом. Она видит в своих мучениках «людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке» Так сказано в «Основании для канонизации царской семьи» – докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, утвержденного Священным Синодом.

И самое красноречивое признание подвига августейших – это то, что на Царские дни-2018 в Екатеринбурге устремляются десятки и десятки тысяч паломников со всего православного мира, готовых вместе с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в сотую годовщину трагической ночи с 16 на 17 июля отстоять Божественную литургию. И в 2 часа 30 минут – время кровавой развязки – вместе с Предстоятелем РПЦ пройти крестный ход в 21 километр к месту захоронения Царственных Страстотерпцев.

15 июля. Еще нигде не разместившись, стою с рюкзаком за плечами под куполами храма, у памятника. Семь фигур скульптурной группы расположены на лестнице, ведущей в полуподвал... О памят-

нике спорят, многие его не принимают. Но дело не в этом. Главное, ты находишься в том же самом, вовсе не виртуальном пространстве, где стоял в детстве, – на месте подвига царской семьи.

– Что, насчитали лишние ступени? – вопрос ироничный, но вполне доброжелательный для тех, кто в курсе казуса с числом ступеней памятника. Обращается ко мне с этим вопросом интеллигентный человек в очках, худощавый, седоватый...

– Да, – продолжает он, – Касвинов в своей книге количество лет правления Николая II – двадцать три года – приравнивал к такому же количеству ступеней в Ипатьевском доме. Но доказано – ступеней было девятнадцать! А он своей выдумкой хотел сказать, что все 23 года правления царя Романова Россия катилась вниз... На самом деле по темпам роста производства Россия тогда занимала первое место в мире! И пятое – по росту экономики.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НОЧЬ

Знакомимся. Сергей Петрович из Перми, бывший военный. Не первый раз участвует в Царских днях. В прошлом году прошел Крестным ходом до Ганиной Ямы к монастырю имени Царственных Страстотерпцев. Нынче, на столетие, – и сам Бог велел. Сергей Петрович предлагает мне устроиться в палаточном лагере, который для паломников неподалеку, в парковой зоне, разбили МЧС-ники.

По пути перекидываемся мнением на злобу дня: как следует оценивать почившую советскую власть? Сергей Петрович считает: неоднозначно. За время ее существования были достижения и победы, которыми мы вправе гордиться. Их не отнимешь. Но изначально власть эта явилась из противоречия: кто-то стремился сплотить народ в борьбе с внешним врагом, а иные добивались перерастания мировой войны в гражданскую. Желание последних сбылось: брат пошел на брата, сын – на отца. А пятая заповедь Господня гласит: «Чти отца твоего, и мать твою, и да долголетен будешь на земле». Откуда же «долголетен», если идешь против отца! Большевики из Священного писания взяли в моральный кодекс строителя коммунизма лишь некую часть. А главное – веру в Бога – отвергли. Вот все и рухнуло в одночасье.

Но отношение власти к верующим изменилось. И на месте расстрела царской семьи, а затем и разрушенного Ипатьевского дома появился сначала деревянный Поклонный крест, потом он был заменен на металлический. От него прошел первый Крестный ход к месту захоронения мучеников, это было в 1992 году. После того, как в августе 2000 года Русская православная церковь причислила царскую семью к лику святых, число крестоходцев стало расти: в 2002 году их было около 4 тысяч, а в прошлом году – более 60 тысяч человек...

Палаточный лагерь. Во второй половине дня он наводнен юными созданиями в малиновых майках с эмблемами «Православное молодежное движение», с надписями на спине «Волонтер. Царские дни». Парни и девушки помогают паломникам сориентироваться на новом месте, дают разъяснения по крестному ходу, подсказывают телефоны экстренных служб, места, где можно найти воду, перекусить... Такое впечатление, что все они в глубоком поиске: эй, кому услугу оказать? И оказывать ее, видно по всему, им нравится. У паломников взаимное желание – пообщаться с верующей молодежью, с единомышленниками.

Вечером в палатке с Сергеем Петровичем с помощью телефонных фонариков вычитываем вечернее правило и каноны к причащению. Вскоре вроде и в сон тянет... Но кто-то снаружи всовывает в палатку голову, вглядывается, нет ли своих, и, не найдя, ретируется; а ты вставай, закрывай полог, иначе комарье налетит... За полночь мне становится понятно – да, тут не Кубань, летней куртки недостаточно, чтобы укрыться и согреться.

Выбираюсь из палатки в светлую уральскую ночь. В некотором отдалении, на освещенной парковыми фонарями лужайке, двое собеседников. И еще один человек – монах в подряснике с седой бородицей – ходит туда-сюда под фонарями, а в вытянутой руке – молитвослов. Ни дать ни взять, пустынный нестеровского полотна. На парковой лавочке молодой человек в скуфейке горячо говорит еще одному бессоннику:

– Поверьте, я чуть не с первых Царских дней приезжаю сюда из Твери, не пропускаю ни одной службы и Крестного хода. У России будет царь, из Романовых, по материнской линии. Он явится во время войны, проявит себя талантливым военачальником и будет избран на царство Поместным Собором.

Его собеседник сидит в инвалидном кресле-коляске. Колоритная фигура, на груди, как у всех паломников, – икона Царственных Страстотерпцев. Просто невозможно не приобщиться к их дискуссии.

Знакомлюсь. Человек в коляске – Виктор Викторович. Он из Тюмени, собирает пожертвования в фонд общества «Двуглавый орел». Подходит к монаху Валерий, слушает с интересом. Он в Екатеринбург прибыл из монастыря в Ивановской области. Соглашается с «философом и провидцем» Михаилом из Твери:

– Да, так или иначе – все это произойдет. Тут не обязательно быть прозорливым, просто читайте святоотеческие книги. Те же «Пророчества отца Иоанна о судьбах России и русских людей». Когда в начале XX века святой Иоанн Кронштадтский в своей проповеди прокричал, что над Уралом стоит черный крест, он провидел именно трагическую судьбу Дома Романовых. Так и получилось. Большевики одного за другим собирали по России и вывозили именно сюда, на Урал, всех членов Дома Романовых и методически их казнили в Перми, в Екатеринбурге, в Алапаевске. Бог попустил это испытание русскому народу за то, что очень многие нарушили вековую клятву. «Заповедано, что избранник Божий, Царь Михаил Федорович Романов, был родоначальником правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего Соборного постановления: да проклянется таковой в сем веке и будущем, отлучен бо он будет от Святой Троице» – это из постановления Великого Московского Собора 1613 года... Небу известно, что и как будет, – заключает монашествующий Валерий.

Круг участников ночного бдения расширяется. В нем появляется и пермяк Сергей Петрович, не желавший остаться в палатке, несмотря на то что запасся теплым спальником.

– Грех, – говорит, – спать перед столь знаменательным днем.

Всем хочется поделиться своими переживаниями.

– Не скажешь ведь батюшке – за народ мол, российский каюсь. Нет, каждый все знает о себе. Когда таким образом очистимся, и царь явится.

И нет конца беседе. Я слышу убежденные речи о том, как регулярно выезжал царь Николай в Ставку, поддерживая моральный дух в войсках. Об императрице, которая вместе со старшими великими

Княжнами Ольгой и Татьяной, пройдя курсы сестер милосердия, по несколько часов в день ухаживала за ранеными в Царскосельском лазарете. О верных слугах, не предавших Государя и принявших вместе с ним мученический венец. О том, что акт об отречении был принят Императором Николаем II под давлением резко изменявшихся политических обстоятельств и в чрезвычайно короткий срок. Неслучайно же при обсуждении в июле 1918 года на Соборном Совете Поместного Собора вопроса о заупокойном поминовении убиенного Государя Святейший Патриарх Тихон принял решение о повсеместном служении панихид с поминовением Николая II как императора...

Звучат и восходят речи паломников к светлеющему небу вперемежку с молитвами. Вот и солнце восходит.

«ЭТО ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ КАЖДОГО»

16 июля. Престол и семисвечник на нем, святое место с большой иконой Господа Иисуса Христа, икона Царственных Страстотерпцев пред алтарем, еще икона Царя-мученика с клеймами Царицы и Детей – все это размещено на огромном помосте, сооруженном перед храмом На крови к Царским дням. Эта распахнутость делает утреннюю службу похожей на пасхальную, когда царские врата не закрываются.

После Божественной литургии – малый Крестный ход. Его маршрут – Екатеринбургский путь скорби. Этой дорогой Царская Семья была доставлена в Ипатьевский дом со старого вокзала.

На Царской площади еще не тесно. Паломники продолжают прибывать в Екатеринбург, к храму На крови, в палаточный городок... Главная, Патриаршая, служба начнется ночью.

В первой половине дня в программе есть окошко и для встреч, знакомств, обмена опытом, пресс-конференций. И место для этого – все пространство прилегающего к храму парка, набережная городского пруда, палаточный лагерь... Они собираются кучками – брянские, воронежские, курские. Казаки с Дона, Кубани, Ставрополя. Москвичи, питерцы, самарцы, северяне, уральцы, сибиряки, дальневосточники...

Сребробородый казак из Тюмени в строгом белом кителе, переспрашивает:

– Почему вы говорите: «Царь вернется»? Он у России есть.

– Кто же?

– Николай Романов.

– Так он же умер.

– Почему «умер»? У Бога все живы. Все же знают, что святитель Николай Мирликийский не умер... Все считают его живым, он всем помогает. И святой император Николай II продолжает помогать. Так что есть у нас царь. Дело в вере.

– Царь-то есть. Народа, которому он нужен, пока что нету...

...Стоим малую вечерню с акафистом Царственным Страстотерпцам.

Акафист – «песнь, которую поют, не садясь, стоя» – особая хвалебно-благодарственная молитва в прославление святых. В четыре часа пополудни площадь Царская перед храмом На крови запружена паломниками и местными прихожанами, течет песнопение к Богу:

– ...Воздвиже в стране Российской род царей благочестивых и избра ты, царю Николае, со семейством твоим в жертву живую, всеусердную и благоприятную Богу. Мы же, дивящиеся таковому о вас Божию смотрению, во умилении сердец зовем вам:

...Радуйтесь, святити Царственнии Страстотерпцы, за Землю Русскую пред Богом молитвенницы и преславнии чудотворцы!..

После акафиста в одной из длинных очередей на исповедь дочитываю «Последование ко причастию».

И вот уже Царская площадь, широко опоясывающая храм На крови, тесно запружена народом. Здесь собрались паломники не только со всей России, из Украины, Белоруссии, Сербии, Казахстана, Прибалтики, но и дальнего зарубежья – США, Австралии, Сингапура, Великобритании, Германии и других стран... Вот у солеи, справа от вынесенного на помост перед храмом алтаря, появляются почетные гости: представители Дома Романовых за рубежом, руководители области и Федерального округа. Перед ночной Патриаршей Божественной литургией толпы еще в движении... Почему так открыто плачут русские, слушая песню сербов о России?..

Литургия начинается. Перед Причащением проповедь произносит Патриарх. Она большая, в кон-

це в ней сказано и об историческом уроке, который всем нам сегодня надо хорошенько выучить:

– Мы должны помнить трагедию прошлого. У нас должен развиваться иммунитет к любым призывам добиться человеческого счастья через разрушение того, что есть. Едва ли кто-нибудь из тех, кто призвал разрушить народную жизнь, разрушал свою собственную жизнь, отказывался от собственности благополучия. Но с какой же яростью это предлагалось делать всему народу! И люди усвоили эту ложь, и венцом отступления от самого священного и дорогого, что у них было, явилась страшная казнь царской семьи, людей невиновных, не нарушивших закон. Да и о каком законе могла идти речь, если для построения счастливой жизни надо было убить царя и всю его семью? Мы должны сформировать устойчивое неприятие к любым идеям, которые предлагают через слом нашей народной жизни, наших традиций и нашей веры устремляться в некое неизвестное «счастливое будущее».

БЛАГОДАТЬ

За Божественной литургией из ста вынесенных к причастникам чаш причащаются порядка 15 000 человек.

Наступает 17 июля. В 2.30 Патриарх Кирилл вслед за священством, облаченным в красное, выходит из алтаря. Под крестами, хоругвями иконами царственных мучеников он занимает место, но мы не можем знать где, потому что, выстраиваясь для шествия, крестоходцы не сразу соображают, где сами оказываются – в голове, в середине или хвосте... Живая людская масса, обтекая все и вся на пути, главным проспектом города устремляется к северо-восточной его окраине, к урочищу, к Поклонному кресту у шахты № 7...

Крестный ход – продолжение молитвенного стояния, особый вид богослужения. Важно держать темп. Его диктует Иисусова молитва. Вот впереди тебя зычный мужской голос начинает: «Господи!..»

Паломники-мужчины подхватывают молитву. Затем ее повторяют женские голоса. И так молитва протягивается по всей многокилометровой колонне...

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!..

...За городской чертой меж стройных берез и

елей всю сияет восходящее солнце. Хотя до монастыря лесная дорога делает еще не один поворот... Монастырь святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме расположился на огромной лесной поляне. Она густо заполняется толпами паломников. А новые группы все подходят и подходят. Паломники устальные, но с просветленными лицами. В главную обитель направляется только что прибывший Патриарх. Совершается молебен святым Царственным Страстотерпцам.

Ощущение легкости, несмотря на то что почти двое суток на ногах. Невесомость и зыбкость окружающего мира, но при этом четкое осознание: в тебе достаточно сил, чтобы внимать всему, что происходит здесь, у Поклонного креста. И от сруба шахты № 7, рядом с монастырской обителью, не веет тлетворным холодом, который до дрожи пробирал тебя когда-то у входа в полуподвал Ипатьевского дома...

Постоять молча, присоединиться к общей трапезе (горячие каша, чай, хлеб в пластиковой посуде). Затем автобусом добраться до районного Среднеуральска, пересест на городской... Кондуктор – что родная сестра, попутчики удивительно словоохотливы. Рядом в автобусе молодой человек, тоже прошедший Крестным ходом до Ганиной Ямы, то странно делится впечатлениями, то вдруг впадает в глубокое молчание....

Мы прошли Крестным путем...■

ПАМЯТЬ

*12 октября – шестьдесят лет
Георгию Матвеевичу Соловьеву
(1958–2016),
члену редколлегии и автору «РК».
Почти два года он в лучшем мире –
и остался с нами.
Его очарованная жизнь
продолжается...*

АЛЕКСАНДР ФАКТОРОВИЧ

Родился в 1954 году. Работает в Кубанском государственном университете; доктор филологических наук, профессор. Член Союза журналистов России. Печатался в журналах «Слово» (Москва), «Отчий край» (Волгоград), в российских и абхазских газетах. Автор статей о языке и художественном мастерстве А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. А. Шолохова, В. И. Лихоносова, Б. П. Екимова, других прозаиков и драматургов. Живет в Краснодаре.

ОЧАРОВАННЫЙ РОДИНОЙ

Блестящий критик-боец, публицист, педагог милостью Божией, доктор наук, академик, выдающийся филолог и медиавед, на высоком уровне представлявший за рубежом лучшие научные силы России... Талантлив во всем? Да. (И нет. В защите частного пространства – скорее нет. Ведь сколько сил потрачено им на помощь сотням самых разных... Прости нас, Юрий Матвеевич).

Ему посвящали восторженные стихи, колонки, эссе, о его наследии уже пишут и будут писать яркие труды. А сейчас – об одной из его книг, неподражаемой и, надеемся, долговечной. «Ностальгическими дорожками» – этот сборник о путешествиях с 2015-го выдержал три издания, отклики о самых разных его черточках делятся не один год. В нем приоткрываются тайны великой души.

Очарованная душа – это о нем. Тем более значимо, что естественно переплеталось с зорким, беспристрастным оком, с житейской мудростью.

В свежей неподражаемой палитре Георгия Соловьева очарованьем пронизаны тайны профессии; и пониманье, наверное, нескольких вселенных; и глубинные ясные ощущения...

Таково очарованье России в книге, где описано...зарубежье. Где заметнейшее достоинство – панорама иноземной Европы, Америки, Африки, Азии, причем даже на австралийском пограничье.

Диковинные пейзажи, нравы, поразительные памятники культуры – самоценны. Но под нереально точным волшебным пером они высвечивают и прелесть России. Дальние края, быть может, впервые в столь емких травелогах становятся интереснее именно в пространстве очарования Родиной. И она предстает у Соловьева в чем-то ярче, нежели в самых проникновенных строках иных достойных авторов на материале российских впечатлений.

Эти открытия многогранны. Проста и удивительна

черногорская картинка, ее восприятие неотделимо от ассоциаций с... нашим Горячим Ключом. «Черное озеро, как оказалось, находится в считанных километрах от каньона Тары, но уже в другом природном обрамлении горных лугов, скалистых вершин и густых, практически «черных» лесов Национального парка Дурмитор. Вначале путь к озеру мне сильно напоминал ландшафты родного душе каждого кубанца Горячего Ключа. Даже закралась в голову крамольная мысль – стоило ехать в Черногорию, чтобы оказаться в лесу предгорья Кубани... Но это ощущение моментально улетучилось, как только после очередного поворота дорожки, по которой мы шагали, открылось оно. Черное озеро».

Любимый кубанский образ улетучился – и... остался. Таков охват полюсов, бескрайность смысла, светлая амбивалентность, манящая читателя все глубже! (Эта стремительная всеобозримость покоряла и в общении с Георгием-Юрием-Смолиным-Соловьевым). И так органично отношение к России в этом ряду: «...если на Западе донны бытует страшилка: «Русские идут!», то в Черногории вам приветливо скажут: «Ласкаво просимо! Добро дошли».

А воедино с такой глубиной – совсем простые аналогии: «О муниципальных универмагах системы Metzand C° или Dreesman можно сказать, что они очень смахивают уровнем товара на наши краснодарские «бутики», но считаются дешевыми». Краснодарские «точки» – словно точки отсчета, придающие необходимую достоверность.

Российские, славянские мотивы – не только в картинках, но и в деталях манеры письма; касаясь арабского названия, Юрий Матвеевич замечает: «Я по-прежнему не ввожу транскрипцию арабской вязью, бо не умею; а писать названия латиницей ничуть не лучше, чем кириллицей». Это – верная

установка мудрого филолога для любого русского ученого-популяризатора.

Но именно имена – особо ясный знак авторского взгляда. Горизонт обзора широк. У Соловьева всегда познавателен момент иронии, даже еле уловимый, как последние строки такого отрывка:

«Можно до бесконечности рассказывать о великолепном Рейк-мьюзеуме (Rijksmuseum), где у рембрандтовского «Ночного дозора» люди застывают в замороженном смиреннии, как еще не столь давно мы в ленинском Мавзолее».

А чаще – поразительное возвышение русского образа, тем более явное, что – в ряду с иными, как ниже Максимилиан Волошин рядом с Джорджем Гордоном Ноэлем:

«Возле традиционного для голландских городов канала вдруг читаю на стене дома огромными буквами по-русски:

О, фиолетовые грозы

Вы – тень алмазной белизны!

Две аметистовые Розы

Сияют с горной высины,

Дымится кровь огнем багровым,

Рябины рдеют винных лоз,

Но я молюсь лучам лиловым,

Пронзившим сердце вечных Роз.

Макс Волошин...

А рядом, на стене другого дома, – строки из Байрона...»

Повседневность дороги русский остается собой за рубежом – и в упоминании таких разных имен, включая имя пространства: от музыканта Вячеслава Бутусова до телекудесника Леонида Якубовича, от кубанских городов до вечных образов и цитат из культовых отечественных фильмов – цитат, в которых тоже светит вечность:

«Впереди – бескрайность Атлантики, за которой где-то там американский континент... Почему-то при этом вспомнился Бутусов с его протяжно-ностальгической песней: «Гуд бай, Америка!.. Мне стали слишком малы твои тертые джинсы...»;

«Ахмед, как Якубович на «Поле чудес», хитро

щурится и говорит: «Так и не так. Троглодит – это пещерный человек, да-да. И в современном Тунисе есть небольшое поселение, где люди до сих пор живут в скальных домиках. Скоро-скоро будем туда подъезжать и смотреть»;

«Понаблюдать за водными плясками многочисленной рыбы (я, кстати, подобное зрелище буйства рыбы наблюдал только в специальной промысловой заводи в Приморско-Ахтарске). «Ну, что дальше-то, Маша? Дальше покорять тайны старого Лиссабона пойдём или на сегодня хватит?», – интересуюсь у жены...»;

«Начну вот с чего. В одном из интернетовских сабжей мне в память легли строки: «Не побывать в Карлштейне - это все равно, что приехать в Прагу и не побывать на Староместской или Вацлавской площади...не пройтись по Карлову мосту или не заглянуть в «У Швейка», не посмотреть на Орлой и не попробовать чешского пива со свиным коленом». Поэтому на встречу с замком Карлштейн (Hrad Karlštejn) я стремился как Наташа Ростова на свой первый бал – с неровным дыханием и ожиданием чуда. ...И вот он уже брезжит своими контурами, возвышаясь над вершиной горы... «Екарный бабай, это ж сколько до него топтать еще!..» – выводит меня из сладкой дремы грез голос Саши. На это остается лишь ответить цитатой из кинофильма: «Дорога к Храму не бывает легкой...».

Вообще цитаты, особенно преображенные, – прямо-таки способ познания, сильный еще и потому, что – попутный, по дороге:

«Закон в Тайланде таков, что если тайцы не хотят или не могут съехать из старого жилища в лучшее, ну, значит, никто и не имеет права их выселить... Да, умом Азию не понять, аршином русским не измерить!..»

Автор всегда одним штрихом творит характер. Так оживает нижеупомянутый незабываемый кубинец, знающий Кубань, казачество. И для него, далеко не простого, тоже значимо упоминание имен российских пространств: «У кинооператора Карлоса был профессионально внимательный взгляд (почти такой же, как у одного моего краснодарского знакомого, который служит в организации, лишь

косвенно связанной с киноvideопроизводством) и он поразительно много знал не только о России, но и о Кубани. Например, в завязавшемся со мной разговоре он упомянул не только о политике казачьего движения, но и охарактеризовал географические приоритеты населенных пунктов между Краснодаром и будущей олимпийской столицей Сочи. Что и говорить, всегда приятно пообщаться со столь эрудированным человеком! Почти искренне, а не только для того чтобы доставить ему удовольствие, в ответ я поделился своими симпатиями по отношению к Раулю Кастро и Уго Чавесу.

Именно сквозная ирония укрепляет совсем иную ноту – драматичную, когда речь – об истинных святынях. Так неповторимо увязаны сакральные мотивы Чехии и имя Пушкина:

«В конце XVII века на мосту была создана удивительная скульптурная галерея, изображающая тридцать главных святых Чехии. Самая старая и, пожалуй, самая популярная из них – статуя мученика Яна Непомуцкого (Jan Nepomucký). Наш сегодняшний гид – веселушка Зденка – рассказала, что согласно поверью статуя Яна Непомуцкого исполняет желания, если загадать их, прикоснувшись к основанию изваяния. «Только zelанье должно быть сбыточно, Ян-мученик не Золотая рыбка у русского поэта Пушкин...», – предупреждает она. Маша согласно кивает головой и прикасается к отшлифованной до блеска тысячами рук бронзе памятника. Не знаю как Яну Непомуцкому, а мне очень хочется в этот момент, чтобы у моего любимого человечка сбылось все, что она желает».

В том же ключе – спасение русскими святынь православного мира: «Как пояснил Бронислав, Десница Иоанна Крестителя сначала хранилась у евангелиста Луки, затем в Константинополе в храме Святой Софии, затем турки отправили ее на остров Родос, где к тому времени уже находилась и частица Креста Господня. Затем эти реликвии перекочевали на Мальту и находились там до конца XVII века, затем в Россию, где были переданы императору Павлу I. Они какое-то время хранились в Зимнем Дворце. Перед началом октябрьского переворота 1917 года святыню удалось вывезти в Эстонию, где их хранила ца-

рица-мать Мария Федоровна. Она увезла святыни в Копенгаген, а перед смертью передала их митрополиту Антонию, который сначала их поместил в Берлине в православном храме, а затем увез в Сербию».

В авторском мире многогранно достоверна святость поздних, не столь давних образов, великих событий – как в описании прославленных чешских Градчан:

«Когда вышли из монастыря, нас ждала еще одна неожиданность – советская солдатская могила, где покоится красноармеец Беляков, погибший в 1945 году при освобождении Праги (выделено автором, Георгием Матвеевичем Соловьевым. – И. Т.)

Предание гласит, что он попросил перед смертью похоронить его здесь, чтобы всегда слышать колокольный звон Лоретанского монастыря. Вообще советское в Чехии, мягко говоря, недолюбливают. Но вот за этой могилкой красноармейца ухаживают, цветы приносят».

Будь это один-единственный российский мотив в книге – его хватило, чтоб почувствовать очарованную душу Родины.

...Обычно путешествие – досуг. И словно об этой книге – мысль, восходящая к Эпикуру: досуг таланта поучительнее, чем надрыз бездари. Дар автора – Талант трудяги-эпикурейца. Тем более что поразительно легкий слог энциклопедиста – отчасти и следствие этого досуга, и резон его...и мотив жизни-дороги. А потому в картинках, открытых читателю Юрием Матвеевичем, схвачено единство бытия. В том числе – органика патриотизма!

Земная жизнь Г. М. Соловьева, кажется, могла продлиться, но... (Прости, Юрий Матвеевич).

...Но столь мощным было духовное бытие Георгия, победы его над недугом так значимы, излучение доброй силы до того органично, что аура Соловьева жива и крепка. Очарованная жизнь продолжается. ■

ЮРИЙ ПАВЛОВ

Родился в 1957 году в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Живет в Краснодаре.

ГЕОРГИЙ СОЛОВЬЕВ-КРИТИК: ЦЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Если попытаться несколькими словами определить сущность Георгия Соловьева-критика, то, думаю, ими будут цельность творческой личности. То есть с первых серьезных публикаций 1990 года («Динамика конъюнктуры» [3], «Не лукавя с истиной» [4]) до последних («Падения и взлеты Владимир Маканина в зеркале оксюморона» [5], «В лабиринтах псевдокультуры» [2]) Георгий Соловьев был неизменно последователен в утверждении ценностей, традиционных для русской литературы и отечественной мысли.

Писать молодому критику о критиках, как правило, сложнее, чем о прозаиках или поэтах. Для этого критику необходимо иметь сформировавшееся мировоззрение и систему ценностей, обладать необходимым профессиональным инструментарием и большими знаниями, позволяющими рассматривать произведение, творчество писателя в литературно-критическом, религиозно-духовном, историко-философском и иных контекстах. Статья «Не лукавя с истиной» – свидетельство того, что 22-летний Георгий Соловьев названными качествами уже обладал.

В этой работе, характеризуя первые книги критиков Павла Горелова и Александра Казинцева, Соловьев очень часто выходит за рамки традиционной рецензии. В данной статье краснодарский

автор определяет свое понимание литературы и критики. По утверждению Соловьева, «моментом истины, нравственным камертоном» произведения, творчества писателя являются народность и патристичность его позиции [4, с. 92].

Народность – ключевое понятие в мире Соловьева-критика. Он, продолжая традиции славянофилов XIX века, «правых» критиков XX столетия (Михаила Лобанова и Юрия Селезнева в первую очередь) в статьях разных лет народностью поверяет творчество десятков писателей разного творческого масштаба: Юрия Полякова, Дмитрия Балашова, Иосифа Бродского, Даниила Гранина, Василия Гроссмана, Николая Зиновьева, Юрия Ластовкина, Натальи Тованчевой и др. И тон этого разговора, позволяющего отсеять зерна от плевел, литературу от псевдолитературы, разговора длиною в творческую жизнь, был задан именно в статье «Не лукавя с истиной».

Обращение к книгам П. Горелова и А. Казинцева обусловлено, думаю, и общностью взглядов на литературу, народоцентризм сознания и тем, что молодые критики, по мнению Соловьева, были «выше ортодоксальных догм так называемых «групповых пристрастий» [4, с. 92]. Надпартийная, наднаправленческая, надгрупповая беспристрастность отличает самого Соловьева

ва-критика, о чем свидетельствуют, например, следующие его статьи: «Динамика конъюнктуры», «Размышления о ненастоящей литературе, или Геморрой нашего времени» [6].

Есть, думаю, еще одно качество, объединяющее Соловьева с героями его статьи. Из послесловия Вадима Кожина к книге Павла Горелова «Кремнистый путь» Соловьев неслучайно приводит только следующие слова известного критика: «...литературный максимализм, стремление к предельной высоте требований, предъявляемых литературе» [4, с. 93]. А через 25 лет в статье о Юрии Селезневе кубанский критик отмечает аналогичное качество своего великого земляка [1, с. 172]. Из комментариев же Соловьева к литературному максимализму Павла Горелова и Юрия Селезнева следует, что он сам как критик, по меньшей мере, по двум причинам приверженец такого подхода. Во-первых, только соотнеся творчество автора с «лучшими образцами русской классики» мы сможем определить его настоящее значение, его место в литературе или псевдолитературе. Во-вторых, только отношение к критике как к выразителю и защитнику «русских идеалов и святынь», как к ответственному и главному делу всей жизни, позволяет «зоилу» состояться и, быть может, попасть в разряд, по терминологии Соловьева, «высокой критики» [1, с. 171, 172].

К этой критике автор статьи «Не лукавя с истиной» не относит таких известных «зоилов», как Карен Степанян, Евгений Сидоров, Бенедикт Сарнов, Виктор Ерофеев. И дело здесь не в молодости Соловьева, тем более не в его «литературоведческой близорукости», что позже справедливо увидел краснодарский критик в статье Вячеслава Огрызко о Юрии Селезневе [1, с. 174]. Для 22-летнего кубанского автора названные московские критики – идейно-творческие и человеческие

антагонисты, с которыми его принципиально разнят взгляды на русскую литературу, критику, историю, народ, Россию. В этом противостоянии с «левыми» критиками-тяжеловесами проявились бойцовско-профессиональные качества Соловьева-критика: умение смело, резко, всегда аргументированно, часто иронично вести полемику с любым оппонентом.

Конечно, в статье «Не лукавя с истиной» у Георгия Соловьева были серьезные и надежные «помощники» – Павел Горелов и Александр Казинцев. С их помощью он наносит двойной удар по критикуемым авторам. В таких случаях проявляется и умение Соловьева выбирать самые показательные суждения как сторонников, так и оппонентов, сопровождая их своими – часто в скобках – комментариями. Этот прием Соловьев активно использует на протяжении всего творчества. Приведу отрывок из статьи 1990 года, где речь идет о книге Казинцева «Лицом к истории». Этот отрывок воспринимается в 2018 году как написанный сегодня (а это еще одна из черт настоящей «высокой критики»).

«Как верно подмечает Казинцев, эпической по своей сути формуле “человек – народ” В. Гроссман противопоставляет формулу абстрактно-призрачного “отдельного человека”. Один из героев “Жизни и судьбы” – Мадьяров декларирует: “Все мы прежде всего люди, понимаете, люди, люди, люди. А потом уж... архиереи, русские, лавочники, татары...” (Эта формула вообще стала путеводной звездой для наших “неорадикалов”, начиная от широко известного Евтушенко до дежурного хориста Эдмунда Иодковского. Однако взгляды в этот образ: миллионы новоявленных Ларр, бия себя в грудь, истошно кричат: Я! Я – Вселенная...” И кругом, понят-

ное дело, разруха – все “самоутверждаются”. Жизнь же строят не разобщенные отдельные человеки, а все-таки народ, то есть личности, единство которых питают национально-государственные идеи»).

Тип гроссмановского “отдельного человека”, отмечает молодой критик, “как в какой-то причудливой игре складывается из отрицаний: без национальности, без профессии, без социального статуса. Отрицаний много, но где же характерные, определяющие черты? Лик расплывается в неясное пятно”. Ан, нет. Образ все-таки потихоньку обретает контуры – не русский. Русские у Гроссмана, как правило, мерзавцы или холуи. (Да и как иначе? Россия – тысячелетняя раба, как скажет позже он в повести “Все течет”. А какова Россия-мать, таковы и ее дети...)» [4, с. 95].

Статья «Падение и взлеты Владимира Маканина в зеркале оксюморона», написанная Соловьевым в последний год жизни, – одна из лучших работ о творчестве Маканина вообще. Сегодня многие критические статьи производят впечатление, что их авторы не читали или читали бегло те произведения, о которых они пишут, ибо отсутствует конкретный анализ конкретных произведений и преобладает разговор, в котором «Я» критика подменяет «Я» писателя. В отличие от такого типа статей работу Георгия Соловьева можно назвать образцовым или почти образцовым критическим исследованием. В нем анализируются пятнадцать разножанровых произведений Владимира Маканина.

Большая часть критиков характеризовала и характеризует Маканина как цельную творческую личность. Показательны в этом отношении статьи-отклики на смерть Маканина Владимира Бондаренко, Юрия Козлова, Дмитрий Быкова и

других, появившиеся в ноябре 2017 года. В отличие от многих авторов, Георгий Соловьев справедливо выделяет два качественно разных периода в творчестве Маканина.

Характеризуя первый период Юрий Соловьев на примере разных произведений 1970 – начала 1980-х годов ищет ответ на вопрос: каким образом преодолевается несовершенство человека, мира, «безобразия жизни». Ответ (часто от противного) в конце концов прост: через самопожертвование, любовь, творчество, сопряженное с другими, с народом, что наглядно проявилось в повести «Где сходилась небо с холмами».

О втором периоде творчества Маканина Соловьев говорит более подробно и аргументированно. Приведу два характерных высказывания критика о повести «Один и одна» и романе «Андеграунд, или Герой нашего времени». Думаю, эти высказывания бесспорно свидетельствуют о мастерстве Соловьева-критика.

«Но повествование, казалось бы, нацеленное на диалог с читателем, на его активную сопричастность, на деле представляет собой монологи героев, которые не слышат никого, кроме себя. Герои одиноки в жизни, они живут умозрительными ценностями, зараженные памятью об идейно-нравственной атмосфере, сформировавшей их эпохи 60-х. Им не удается преодолеть стереотипность своего мировосприятия и прийти к простым началам человечности, что и приводит героев к драме... Но вот симптоматичный нюанс – не к личной драме Геннадия Павловича и Нинели Николаевны (это в повествовании тоже есть), а к драме всего поколения “шестидесятников”» [5, с. 90].

«Одним словом, вновь реальность препарируется по законам оксюморона. Маканин подчеркнуто стремится выразить в романе ощущение

духовной пустоты. Духовной пустоты, как предвестника духовного катарсиса (как хотелось бы ожидать)? Нет, нравственные истины романа, на наш взгляд, оказываются рассудочно-холодными – они не наполняются кровью, не облекаются в плоть реальной жизни, в результате ослабевают важнейшие связи между характерами героев и действительностью и... И умозрительная искусственность сюжетных построений тогда сама бросается в глаза» [5, с. 91].

Практически во всех своих статьях Георгий Соловьев – в разном объеме – рассуждает о том, что есть собственно литература. В последней работе, написанной за три месяца до смерти, в работе с говорящим названием «В лабиринтах псевдолитературы» Соловьев прежде чем начать разговор о «литературном гламуре», о «современных литературных кроликах с претензией на художественность», высказывает ряд общих критико-литературоведческих суждений. Он, говоря о существовании хорошей и плохой литературы, как об очевидном факте, делает акцент на гендерных особенностях словесности: «Но если мы признаем гендерную разницу между мужчиной и женщиной, то, вероятно, нужно признать и то, что самопознание, самовыражение женщины в слове, ее взглядах на мир и на себя в мире в чем-то (а может, и существенно) отличается от мужского» [2, с. 137].

Критик не выделяет типы женщин и соответствующие им религиозные, культурные, духовные, нравственные, эстетические ценности, направления и т.д., (что, например, сделал бы я), Соловьев говорит о том качестве, каким должен обладать писатель вообще: «Чувствовать жизнь – это, скорее всего, все же понимать время, главное в нем; видеть то, что отличает нынешнее от прошедшего, не только в делах,

но и в мыслях, настроениях, движениях души» [2, с. 137].

В данной статье Георгий Соловьев убийственно-доказательно характеризует псевдолитературу, тексты, рожденные «в импотентной духом Москве и ее окрестностях», тексты Оксаны Робски, Лены Лениной, Сергея Минаева и других. Справедливо эти тексты Соловьев выносит за пределы русской литературы, относя их к «русскоязычному чтиву».

Вполне закономерно, что Георгий Матвеевич – один из лучших знатоков творчества писателей, рожденных на Кубани, рассматривает проблему псевдолитературы на примере местных якобы писателей. Наталью Тованчеву критик называет кубанским клоном лениных и робских и характеризует ее жизненный путь так: «Начинала будущий писатель корреспондентом в университетской газете с симптоматичным именем “По заветам Ленина”. Потом работала в пресс-службе администрации края уже по заветам тогдашнего губернатора Николая Егорова, потом газетный корреспондент с головой окунулась в реформирование кубанского телевидения и даже возглавила ГТРК «Кубань». Логично, естественно, было столь многосторонней в творческом плане личности, подбираясь к шестидесятилетнему юбилею, взбороздить и литературную ниву» [2, с. 138]. Отдадим должное иронии критика, через которую выражена его человеческая и творческая позиция.

По-другому – открыто и в ином эмоционально-интеллектуальном регистре – авторская позиция выражена в заключительной части статьи, где автор вновь возвращается к теме литературы и псевдолитературы, соотнося их с реалиями современной жизни. «Конечно, наше общество не без изъянов (поспешу оградить себя

от обвинений в слепоте): паутина коррупции; безбашенность криминалитета; проституция, воспринимаемая как стиль жизни; неприглядный быт люмпинизированного населения – все это реалии сегодняшней России<...> Поэтому, отнюдь не зовя к приукрашательству (пусть этим занимаются политтехнологи и пиарщики), призываю к объективности. Когда литератор начинает не творить, а имитировать (описывая торопливо вид из полужаженного окна и думая при этом, что чувствует и отображает горизонты современности), тогда и появляется обличительная псевдоправда, называемая еще литературным браком» [2, с. 140].

Закономерно, что в таком контексте возникает вопрос о «диагностах», о критиках, которые должны называть литературный брак браком. Через следующие слова Самуила Маршака Георгий Соловьев, думаю, выражает свое понимание назначения критики: «Критика необходима, как необходим фонарь, освещающий улицу. Без нее возможны уличные происшествия» [2, с. 141]. И таким очень ярким фонарем, освящающим нашу литературную улицу, на протяжении всего творчества был, несомненно, критик Георгий Соловьев. Осмысление масштабов его творческой личности только начинается. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соловьев Г. Авторская позиция в литературно-критических статьях Ю. И. Селезнева // *Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы первой Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 9–10 октября 2014 г.)*. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 589 с. 150 экз. С. 171 – 175.
2. Соловьев Г. В лабиринтах псевдолитературы // *Родная Кубань*. 2017. № 1. С. 137–141.
3. Соловьев Г. Динамика конъюнктуры // *Кубань*. 1990. № 3. С. 91–97.
4. Соловьев Г. Не лукава с истиной // *Кубань*. 1990. № 4. С. 92–96.
5. Соловьев Г. Падения и взлеты Владимира Маканина в зеркале оксюморона // *Литература – журналистика – критика: мир и бой. Сборник трудов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 222 с. С. 87– 93.*
6. Соловьев Г. Размышления о ненастоящей литературе, или Геморрой нашего времени // *Слово. Нравственность. Закон. Сборник научных трудов, посвященных юбилею проф. А. В. Осташевского. Краснодар, 2009. С. 399 – 405.*

СОБЫТИЕ

ОЛЕГ ШУЛЬГА

Родился в 1992 году в Армавире. Студент 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковался в «Спортивной Независимой газете», журнале «Наследник». Живет в Краснодаре.

«ЕСЛИ НЕ БУДЕТ БОГА В НАШЕЙ ДУШЕ – НЕ БУДЕТ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

(О премьере фильма Натальи Батраевой
«Донецкая Вратарница»)

В бывшем Екатеринодаре 15 ноября в рамках фестиваля православных фильмов «Вечевой колокол» состоялся показ документальной киноленты «Донецкая Вратарница», снятой нашей землячкой Натальей Батраевой. Проект этот уже удостоился высших наград многих фестивалей: «Святой Владимир» (г. Севастополь), «Лучезарный ангел» (г. Москва)... Но не награды и всенародное признание манили режиссера. Еще 13 лет назад Наталья случайно оказалась в Косово, где увидела взорванный храм XII века. Картина разрушенной до основания святыни потрясла девушку. Возник закономерный вопрос: почему так происходит? Поиск ответа на него привел Наталью и в Донецк.

Перед показом фильма удалось пообщаться с Виктором Ивановичем Лихоносовым. Признанный классик русской литературы рассказал, что давно знаком с Натальей Афанасьевой, что автор фильма «Донецкая Вратарница» регулярно выезжает за свой счет в места военных событий и

природных катастроф – туда, где страдает народ. «Фильм сам по себе простой, но сколько в нем души! Вы сейчас услышите, что говорят монахи и что они пережили, пока мы здесь сидели в хороших кафе и пили итальянский кофе...» – взволнованно говорил писатель.

Малый концертный зал Кубанского казачьего хора собрал интересную по своему составу аудиторию: священники, студенты краснодарских вузов, журналисты, многочисленные поклонники фестиваля «Вечевой колокол»... Показу предшествовала речь создателя фильма. По словам Натальи Афанасьевны, эта премьера особенная: режиссер привезла плод своего долгого и непростого труда домой, на малую родину. Работа над фильмом заняла около трех лет, в течение которых Батраева регулярно выезжала на съемки в зону боевых действий. Последняя съемка пришлось на престольный праздник монастыря – 26 октября 2017 года. В планах режиссера – выход на мировую кинема-

тографическую арену: «...фильм может прозвучать для западного мира как российская точка зрения. Я прикладываю для этого большие усилия. Мы с помощью прихожан монастыря подали «Донецкую Вратарницу» на ряд западных фестивалей и уже получили отказы. Практически нигде фильм не прошел. Даже в Сербии, к сожалению». Очевидно, что подобные препятствия не остановят Наталью Батраеву.

Фильм смотрелся на одном дыхании. Продолжительность его всего 44 минуты. Однако и такой небольшой хронометраж включил в себя множество образов и деталей. Главная героиня «Донецкой Вратарницы» — трудница Юля в храме Свято-Иверского монастыря. Обитель находилась под обстрелом с 2014 года из-за своей близости к аэропорту, который был практически уничтожен. Следы от пуль на лице образа Божией Матери, изрешеченные стены церкви, снаряды, падающие на кладбище, разбитые могильные плиты — реальность для женщин, которые остались в монастыре, несмотря на войну. При этом уникальна реакция на происходящее самих женщин. В начале фильма героиня произнесла такие слова: «Начало войны... Я думаю, ничего лучшего в моей жизни не было». Юля показала свой опустевший дом, комнату, посреди которой лежал неразорванный снаряд, могилу, где покоится ее муж, при этом повторяла, что она счастлива. Нет, эта женщина не сошла с ума. Она продолжает трудиться при церкви и вполне ясно высказывает свои мысли. Пожалуй, Юля обрела за время войны и жизни в храме абсолютно другие ценности. Материальное не имеет значения для героини. Ее счастье заключается в близости к Богу.

Стоит также отметить, как смонтирован фильм. Автор попыталась увести сюжет как можно дальше от политического контекста. Кадры разрушенно-

го города, уничтоженного аэропорта сменяются светлой картиной жизни монастыря. Хорошо запомнился эпизод, когда игуменья Михаила читала акафист в храме — под открытым небом, в дождь. Крыши у церкви нет, но это не может помешать героям фильма общаться с Господом. Сильное впечатление произвели кадры, на которых видна разбитая могильная плита с ликом Богородицы. Образ Матери Божьей очень сильно пострадал, но образ Младенца остался нетронутым.

После просмотра картины Наталья Батраева поблагодарила всех, кто ей помогал в работе над фильмом, а также всех, кто пришел на премьеру. Очень важные слова сказал Виктор Лихонос: «Когда смотришь фильм, то чувствуешь себя как-то виноватым. Какие лица... Вы заметили? Какие лица! Горе раскрывает красоту. Божественную красоту...» Писатель также выразил слова благодарности автору фильма и прибавил: «Мир нынешний — страшный. Он страшный, потому что безбожный. Первое мое впечатление от Батраевой, когда я с ней познакомился, — это ее внутреннее божественное чувство, религиозность. Вот есть какой-то трепет в ней. Вот поэтому она и снимает такой фильм. А что делают остальные? Как они пишут? Что они снимают? Как они говорят? Если не будет Бога в нашей душе — не будет жизни на Земле! Не только в России, но и на всей Земле».

В заключение хочется обратить особое внимание на фестиваль «Вечевой колокол». Много высоконравственных фильмов, которые были номинированы на премии фестиваля в разные годы, так и не дошли до массового зрителя. Телевидение не видит материальных перспектив от показа православного кино. И проблема эта решится только тогда, когда телевизионные продюсеры и редакторы научатся видеть не только глазами, но и сердцем, если оно есть. ■

НАТАЛЬЯ БАТРАЕВА

Родилась в Краснодаре. Окончила Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов. Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Наш современник», «Наследник», «Отрок», «Славянка» и др. Автор четырех книг. Фотограф. Режиссер. Персональная фотовыставка «Косово — Южная Осетия: взгляд изнутри».

ДОНЕЦКАЯ ВРАТАРНИЦА

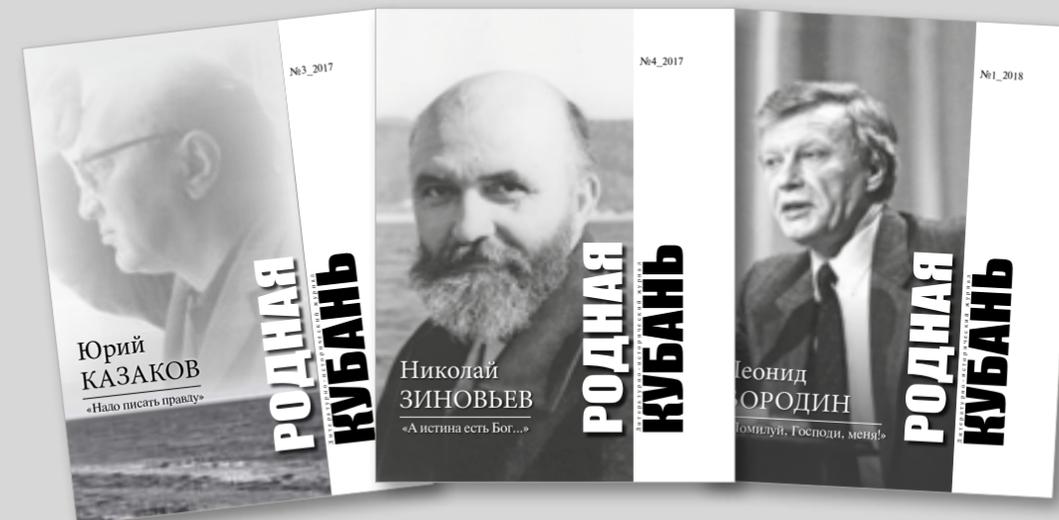
МЕЗДИЛОВ

Фото предоставила Наталья Батраева

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2019 ГОДА

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 31899

Вы будете получать номер РАНЬШЕ,
чем он поступит в продажу.
Подписаться ДЕШЕВЛЕ, чем покупать.

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
И ЧИТАЙТЕ ПЕРВЫМИ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «РОДНАЯ КУБАНЬ»!**

КРИТИКА _____ И ПУБЛИЦИСТИКА

И тут же – второе открытие – как ожог: «Я русский!» До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шук-

свои произведения, в том числ

ЛЮДМИЛА ДЕМИНА

Доктор филологических наук, профессор, член Союза журналистов России, почетный работник высшей школы, лауреат премии в области литературы Республики Адыгея. Автор монографий и научных статей по проблемам русской литературы XX века и журналистики. Живет в Краснодаре.

ЖИЗНЬ И ДУША В ПРОЗЕ Б.П. ЕКИМОВА

В современной литературе сложилось устойчивое мнение о прозе В. П. Екимов, как о самой нравственной и духовной. И это вполне объяснимо, потому что писатель «проживает» жизнь вместе со своими героями, оставляя в них свою душу, выделяя в их характерах нечто особенное и в то же время предельно простое и естественное. Именно этим привлекают герои Б. П. Екимова в «Житейских историях». Небольшие по объему зарисовки давно уже стали достоянием читательской аудитории, публиковались они в разное время в литературно-художественных журналах и сборниках, получили критическую оценку, стали материалом для современных исследовательских работ.

Сергей Морозов в статье «Что увидел старик» размышляет о «житейских историях» в творчестве писателя: «Екимов — действительно стилист, манера его оригинальна, узнаваема, ни в чем он не изменяет себе... Нехитрость мысли и тематики — чудо природы, семьи, человека, объясняется не впадением в морализаторство, не желанием наговорить пошлых истин напоследок, а неутихошим еще стремлением художника точнее изобразить действительность»¹.

Безусловным достоинством, по мысли критика, жанра житейских историй в творчестве Б. П. Екимова, является «традиционность», которая идет из недр русской классики, от Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. С этим нельзя не согласиться, поскольку Б. П. Екимов один из немногих, кто сохраняет и развивает традиции русской литературы.

«Житейские истории» Б. П. Екимова внешне весьма просты, в них присутствует очерковость в обрисовке событий, и это подчеркивает связь с журналистским жанром. В то же время в них заметно выделяются элементы художественности, глубокий психологизм в обрисовке ситуаций и характеров героев, неповторимый стиль мастера, переводящий этот жанр публицистики в художественное произведение, максимально приближенное по объему к рас-

сказу, а по содержанию, нередко, — к повести.

«Не ругай меня...» — это не только название житейской истории, но и смыслообразующий компонент, фраза, на которой строится повествование. В первом случае ее произносит ребенок, которого старшие заждались дома. И он обращается к встречающей его матери: «Не ругай меня, пожалуйста, ладно?» При этом Б. П. Екимов подчеркивает: «И такая была в этом голосе наивная просьба... уж больно он хорошо попросил: «Не ругай, пожалуйста...» — не испуг, а лишь искренняя просьба. Мальчишеская, детская: «Не ругай»².

Во втором случае повзрослевший человек слышит эти слова от женщины, которой так трудно навсегда расставаться с родным домом. И в очередной раз она откладывала свой отъезд, «...маленькая, виноватая, голову подняла и попросила робко:

— Не ругайте меня, пожалуйста.

От тихих слов ее, видно, не только мое дрогнуло сердце. Петя вздохнул и сказал неожиданно мягко, с усмешкой:

— Ладно, не будем тебя ругать»³.

Всего две фразы, а в них все: и любовь, и нежность, и терпение, и искренность, — качества как основные параметры жизни и отношения друг к другу.

У Б. П. Екимова в житейских историях нередко на первый план выходит разговор, причем ничем не примечательный диалог и детализация. Как правило, именно в детали содержится предельная концентрация простоты и естественности, которая и подкупает читателя. В миниатюре «Сено спасал» таким контрапунктом является не рассказ старика о том, как он не уберет зрение после дорогой операции, спасая от дождя «степовое сенцо, пахучее, зеленое», а отношение сына к отцу: «Обычно такие рассказы идут вперебой с оханьем, со слезой, — пишет Б. П. Екимов. — А старик вроде даже подсмеивался над собой, над жизнью: «Сену спасал...»

Рядом сидящий сын слушает отца, вздыхает, эхом

¹ Морозов Сергей. Что увидел старик // Литературная Россия. 2015. 25 декабря: [Электронный ресурс] / <https://litrossia.ru/item/8486-что-увидел-stari>

^{2, 3} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

повторяя: «Сено спасал». Укора нет на лице его, в голосе. Он все понимает»⁴.

Зарисовка «Какое у нас чудо!» — эмоциональная и лирическая в «Житейских историях». Маленький Митя постепенно, в каждый очередной приезд в деревню к деду открывал для себя чудо природы и чудо жизни. Сначала «это — чудо: голые деревья, серая весенняя земля, еще неприбранная, со всяким хламом да дрямом; и этот алый живой огонек, словно знак весны и добрый привет грядущего лета»⁵. Потом на ней появились тюльпаны, лазерные цветы, на которых «нежность лепестков», «сияние капель росы». «Новый день — словно новая жизнь; каждый шаг — изумление. Простой репешок, что самосевом поднялся возле бетонной дорожки: зеленый столбик, униженный желтыми, золотистыми в солнце цветами. И откуда он взялся? Бог послал. Стоит, цветет, радуется. Разве не чудо?» [5].

«Чудо» неповторимых картинок природы для Мити сродни большому открытию жизни, как для маленького Вани в романе «Лето Господне» И. С. Шмелева, которому добрый Горкин открывает мир православия, мир любви. В этом видится не просто параллель, а глубина повествования Б. П. Екимова и традиции русской классики.

Лирические зарисовки занимают особое место в «Житейских историях». В них — взгляд самого писателя на окружающий и бесконечно дорогой мир, его отношение к жизни, выраженное в словах: «Ранним утром так хороши, так душисты заросли зорьки, усыпанные алыми, розовыми, желтыми цветами — «граммофончиками». Они раскрываются поздно вечером. Их время — ночь и раннее утро. Нежный цвет, сладкий дух, который вот-вот пропадет, развеется, когда под лучами жаркого солнца цветы закроются, сберегая нежную плоть. Не навсегда. До вечера.

Утренний обход просторного подворья долог. Огородные грядки, на которых много всего, чтобы поглядеть, похрустеть, посладиться. В свою пору вишневые, белые облака цвета. А потом рдяная занавесь ягод. Абрикосы. Особенно в пору спелости золотых, тяжелых, пахучих плодов, с прохладной поутру и дневной горячий, солнечной плотью. Виноград... И старинные груши-«дулины»: «черномяски» да «баргамоты».

Герои Б. П. Екимова открыты, разговорчивы, поскольку они делятся сокровенным и наболевшим, как, например, в житейской истории «На кого ты нас поки-

нул...». Писатель, создавая «рассказ в рассказе» и сохраняя первозданную эмоциональность, дословно передает воспоминания героини, которые таковыми и назвать трудно, поскольку все в ее памяти живо, ничего не забыто. Скорее всего, это достаточно крупные штрихи к жизни отдельной семьи и многих других, у которых кормилицы погибли на фронте, тем самым создает огромный исторический фон жизни целой страны. Условно в рассказе героини можно выделить следующие ключевые моменты: война, Сталинградская битва, голод, выживание. Только в самые трудные минуты отчаяния и несправедливости мать причитала: «Господи... на кого ты нас кинул»⁶. Это она о погибшем на фронте муже и отце. Семьям, оставшимся без кормилицы, особенно пришлось трудно в войну и после, в ее причитании — боль как незаживающая рана, которая всегда вызывает слезы. Неслучайно героиня многократно повторяет в своем рассказе «плакали, плакали». Слезы горя и отчаяния, слезы памяти, а они «горькие. Потому что была война»⁷.

В этой житейской истории, так проникновенно и трогательно сохраненной и записанной автором, на психологическом, эмоционально-душевном уровне раскрывается трагедия детей и жен, оставшихся без кормилиц. «Ведь у кого вернулись отцы, тем жилось легче. Мужик, он и есть мужик. А у нас на хуторе мало с войны вернулось... Потому и жилось трудно. Так трудно»⁸.

Тема войны в житейских историях Б.П. Екимова занимает особое место, любое напоминание о ней, любая картинка по телевизору тревожит душу. «Для меня это не просто картинка, — признается писатель, — свое поднимается, давнее, которое было у нас: развалины, голод и холод, гибель родных, сиротство, землянки, вши, госпитальные помойки, из которых тайком, ползком можно картофельных очисток набрать для еды. Вроде давнее-давнее, считай, забылось. А теперь поднимается»⁹.

Память — ключевой концепт в прозе Б. П. Екимова, который является частью мироощущения писателя и художественного пространства его произведений. «Память и воображение, — пишет С. С. Неретина, — неотторжимые свойства концепта, направленного, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны — концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения — в будущее, как акт суждения — в настоящее.

Все эти перечисленные качества концепта памяти от-

^{4, 5, 6, 7, 8} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

четливо прослеживаются в произведениях писателя. На это указывает и П. В. Басинский: «Секрет эстетического зрения Бориса Екимова, — пишет он, — в особенности его памяти. Он не хроникер деревенской жизни, а тайный ее наблюдатель. Он занял крайне выгодную позицию, всего-то шестьдесят пять лет прожив на Дону, в Калаче, на хуторах. С этими людьми он вырос и старился, он даже физически составлен из той же воды, того же воздуха, той же пищи, что и они. Он слышит их речь не как чужую, хотя и занятую, экзотическую, а как родную. Его, собственно, и не различишь среди этих людей, в степи ли, на рыбалке ли, в хуторской ли летней кухне. Но не верьте, не верьте обманчивой простонародности этого человека! Крестьянское дело — одно, а писательское — совсем иное. „Путем зерна“, но — иного. Кстати, слово это, „иное“, подозрительно часто встречается в прозе сугубого реалиста Бориса Екимова. „А помнить будем иное“ — так заканчивается один из его лучших рассказов. И будьте уверены, когда этот человек склоняется над листом бумаги, и внешний образ его становится иным. Не видел этого, но готов поручиться»¹⁰. Память в произведениях Б. П. Екимова всегда является основным звеном, соединяющем далекое и близкое в пространстве и времени. «Свое, военное, давнее-давнее всплывает: развалины, сырые землянки, светильники-«коптюшки» из снарядных гильз, гибель родных, горькое сиротство, долгий голод, желудевые лепешки, похлебка из лебеды, тоненький ломтик черного хлеба, который нужно постараться не есть, а сосать — так лучше. Это было ведь, было... Слава Богу, прошло. А теперь — снова»¹¹.

Именно так происходит в житейской истории «Виноватый». Парадигма войны включает в себя воспоминания писателя о минувших днях и недавнюю память о встрече, которая всколыхнула душу: «Это осталось в памяти: белая полоса песчаного берега и мальчик в сияющем ореоле солнечных брызг»¹².

Встреча с мальчиком и его родными была случайной, так Б.П. Екимов пишет об этом: «Дело было в августе. Я приехал на хутор, к приятелю, чтобы на воде побыть, порыбачить, ухи похлебать. Сначала была разведка: на Голубинский остров, на Картули да Клешни. — Заедем к Василию, — предложил мой приятель. —

Он все знает. Заодно поглядишь, какую он печку сложил.

К Василию, значит — к Василию. Про него я слышал. И вроде знакомился, мельком. Он — бывший шахтер с Украины. Давно сюда ездит, каждое лето. Стан его, с недавних пор, на берегу левом»¹³.

Обустроился он неплохо, зимовать даже можно: кирпичную печь сложил в просторной кухне, дощатый пол выстелил, стены и крышу из камыша сделал и т.д. Теперь вот только внуку некуда в школу ходить. Именно за всем этим кроется большая трагедия современной войны, приметой которой стали беженцы из Украины на Дону и Кубани.

Столько недоразумения, непонимания и отчаяния в словах ребенка: «Я домой хочу. Наша школа целая, я знаю... Наша школа крепкая, ее не разбомбили. Там будут все мои друзья: Митя, Алешка... Я с ними с первого класса! И с детского сада! И с Машей мы на одной парте! — Голос мальчика звенел, повторяя, как видно, не раз уже сказанное. — А на секцию, в самбо, я где буду ходить? В Орле, что ли, или в вашем Мариуполе? Я же в перспективной группе занимаюсь! Разве я — виноватый?! Я — не виноватый! Я домой хочу!»¹⁴.

В этих словах ребенка — крик души, трагедия, таких как, они тоже дети войны, только другое поколение, это наши соотечественники из Донбасса, которые остались без дома, без друзей, без школы, без детства. Только кто за это ответит? Отсюда еще сильнее осознание бессмысленности и жестокости этой войны.

«В один из вечеров, — пишет Б. П. Екимов, — показывали снарядами разбитую школу и ребятишек. Лица детей прошли мельком, но в одном из них почудилось мне знакомое. Не тот ли мальчик, которого летом я встретил на берегу Дона? Милый мальчонка в шортах да маечке, босоногий, бегущий по воде, в ореоле сияющих солнечных брызг. Господи, помоги ему... Если мы — не в силах»¹⁵.

«Житейские истории» Б. П. Екимова — маленькие шедевры отечественной прозы, в которых сохраняется глубина мысли русской прозы, необыкновенная художественность в публицистическом обрамлении жанра, открывающая большие возможности для синтеза формы и содержания. ■

^{9, 11, 12, 13, 14, 15} Екимов Б. П. Малая проза в «Журнальном зале»: [Электронный ресурс] / http://www.belousenko.com/books/ekimov/ekimov_periodika_93-06.htm.

¹⁰ Басинский П. В. Борис Екимов: Сердце мое... / Скрипач не нужен: [Электронный ресурс] / <http://www.e-reading.link/chapter.php>.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

Родился в 1957 году в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Живет в Краснодаре.

РИФМЫ СУДЬБЫ: ПАВЕЛ КАТЕНИН – АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

Статья «Несвоевременный Катенин», появившаяся в пятом номере журнала «Литературная учеба» в 1982 году, – первая публикация Казинцева-критика. С учетом того, что критическая статья – это в большей или меньшей степени слепок с творческой личности ее автора, у нас есть возможность понять некоторые особенности личности и Александра Казинцева, и тех, чья судьба с его судьбой рифмуется.

После окончания факультета журналистики МГУ в 1976 году Александр Казинцев учился в аспирантуре на кафедре критики главного вуза страны. Ее возглавлял Анатолий Бочаров – известный ортодоксальный советский критик, литературовед, один из самых последовательных русофобов, ненавистников традиционного крестьянского, народного мира. Подстать заведующему были и преподаватели кафедры: В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Г. Белая, В. Баранов, Л. Вильчек.

Уточню: дело не только в А. Бочарове, ибо кафедра критики – лишь сколок со всего факультета журналистики, космополитически русофобского на протяжении последних, как минимум, пятидесяти лет. А. Казинцев так вспоминает о журфаке МГУ 1970-х годов: «Мы там и не слышали о русских писателях! Ясен Засурский – декан факультета – приволил к нам Аксенова, Сола Доктору. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни – они сильно недолюбливали Россию» [6, с. 83]. В отличие от Александра Ивановича я никогда не называл Василия Аксенова русским писателем, всегда и только – русскоязычным. Смотрите, например, мою статью «Мемуары последних лет: взгляд из Армавира» [9, с. 231–245].

В годы обучения в аспирантуре (1976 – 1979) Казинцев живет в интеллектуально-духовном мире, параллельном миру кафедрально-факультетскому. Он много времени проводит в библиотеке МГУ.

Сравнивая ее с «Ленинкой» в 2008 году, Александр Иванович сказал: «В отличие от нее («Ленинки». – Ю. П.), фонды университетской библиотеки не были столь ревностно прорежены тогдашними блюстителями идеологической чистоты. Там я познакомился со 150-томным изданием Святых Отцов, книгами философов и поэтов Серебряного века [2, с. 4]. На квартире Казинцева проходят философские семинары, где читают, обсуждают работы В. Розанова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, сборник «Из-под глыб»...

Ясно, что аспирантский неуспех такого – некафедрального, нефакультетского, несоветского – Александра Казинцева был заранее predetermined. На его предзащите научный руководитель Галина Белая заявила: «Либо я, либо он» [2, с. 4]. В унисон руководителю Казинцева высказался и Валентин Оскоцкий: эта «диссертация действует на него как красная тряпка на быка» [2, с. 4].

Причины такой реакции лежат на поверхности. Казинцев критиковал Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и других «опоязовцев», что для либеральной интеллигенции разных поколений – редкое кощунство, тяжкое преступление. Еще большим преступлением было то, что аспирант побивал звездных формалистов цитатами из крамольных авторов: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Степана Шевырева, Василия Розанова... Последний, например, для космополитов разных идеологических мастей был, есть и будет черносотенцем, антисемитом, человеконенавистником...

Неудача Казинцева на предзащите кандидатской диссертации не была, уверен, собственно неудачей. Более того, ее нужно воспринимать как подарок судьбы: таким образом для молодого человека был закрыт путь в безмятежное литературоведение – мертвую науку.

Думаю, что всеми этими вопросами Казинцев тогда не задавался. Главным и, по сути, единственным делом его жизни в 1970-е годы была поэзия. Именно с оглядкой на личную творческую судьбу и судьбу друзей по «Московскому времени» написана первая критическая статья «Несвоевременный Катенин».

Подчеркну: Казинцев не относится к очень распространенному типу критиков (от Николая Добролюбова до Льва Аннинского), для которых чужой текст, судьба — только повод для самовыражения и самоутверждения. И характеризуя жизненный и творческий путь Катенина, молодой автор не позволяет себе никаких вольностей, фантазий. При этом очевидно, что особое внимание Казинцев обращает на вопросы, волнующие именно его.

Один из них (может быть, главный, подсказанный судьбой Катенина) сформулирован так: «Но что же делать поэту, чье творчество — откровение души — признано несвоевременным?» [3, с. 170]. Ответы на данный вопрос даются на протяжении всей статьи, они по-разному — точно и неточно — рифмуются с миром и творчеством Казинцева как 1970-х годов, так и последующих десятилетий. Обратим внимание на некоторые рифмы судьбы Павла Катенина и Александра Казинцева.

«ОПЫТ БЕДЫ»

«Опыт беды» — грибница, из которой вырастают любимые, главные, сквозные идеи всего творчества Александра Казинцева. В «Несвоевременном Катенине» (1982) «опыт беды» понимается как способность человека, попавшего в экстремальную ситуацию (военную, политическую, творческую, личностную), остаться верным себе, верным идеалам красоты и правды народной.

В «Сраженных победителях» (2013) смысл выражения «опыт беды» раскрывается через цитату из стихотворения Катенина (что ранее в статье о нем не делалось). Из приведенной строфы следует: «опыт беды» — опыт гонений и борьбы — только укрепляет силу честной души. Величие духа проявляется особенно в таких ситуациях, когда нужно пойти против течения («не примазаться к заведомым удачникам»), когда — несмотря на обреченность — необходимо встать на защиту своего. Кульминация на этом пути — неравный бой, в котором человек сознательно идет на смерть. Таким образом, одерживается духов-

ная победа над самим собой, страхом, смертью физической.

В 2013 году, выступая на Десятой Кожинской конференции в Армавире, Александр Казинцев пояснил, почему героем его первой статьи стал Катенин. На примере его творчества и судьбы критик хотел «представить своего рода формулу плодотворности неудачи» [7]. Неудачники же, по мнению Казинцева, интереснее победителей (здесь победитель понимается как человек успешный, удачник), так как горькие глубокие размышления первых «могут пригодиться людям». Свою идею Казинцев подтверждает неожиданными примерами, рассуждениями. Вот ступок их.

«Дон Кихот», «Король Лир», «Гамлет», «Фауст», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской земли», «Тихий Дон», «Белая гвардия», «Доктор Живаго», «Солнце мертвых» — это «дневники» неудачников.

Неудачник у Казинцева неточно рифмуется с выражением «сраженные победители». «Сраженные победители» — слова Газданова, сказанные о всадниках, погибших под огнем пулеметов и пушек. Через это выражение писателя Казинцев характеризует русское сопротивление конца XX века и его центр — журнал «Наш современник», в котором Александр Иванович служит с февраля 1981 года.

«НАРОДНОСТЬ»

В статье «Несвоевременный Катенин» Казинцев утверждает, что «опыт беды» (войны 1812 года в первую очередь. — Ю. П.) «учил единению с народом» [3, с. 171].

Идея народности — альфа и омега русской литературы XIX века — становится идеей Казинцева (по-настоящему, всерьез, выношенно), думаю, на рубеже 1970–1980-х годов. Отголоски преодоленных народностью идей находим в следующих суждениях критика о Катенине: «Стремление слиться с народным целым и одновременно утвердить неповторимость своей личности — не было ли здесь непримиримого противоречия?» [3, с. 171]; «Ему чуть ли не в одиночку предстояло решить сложнейшую проблему — примирения в творчестве двух, казавшихся противоположных начал — индивидуализма и народности...» [3, с. 172].

Идея народности не рифмовалась с определенным кругом идей, настроений «Московского време-

ни» (1975 — 1978), альманаха, душой которого были А. Казинцев и А. Сопровский. Об этом периоде своей жизни Александр Иванович, пожалуй, впервые рассказал в 1991 году в статье «Придворные диссиденты и “погибшее поколение”».

«Наследство» Бориса Корнера, с опозданием опубликованное в СССР в 1990 году, Казинцев называет «романом о моем поколении». Оно характеризуется, в частности, так: «Встречаясь, мы подбадривали друг друга: “Не забывай, где живешь”. Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства <...>. Требования к “окружающей среде” были минимальными: не посадили, ну так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любили мои сверстники в ответ на очередное насильственное “ты должен” ответить: “Я ничего и никому не должен”» [5, с. 172].

В 1991 году Казинцев, называя такую позицию наивной, делает акцент на «не должен». Позже, повторюсь, на рубеже 1970 — 1980-х годов на смену эгоцентрическому видению себя в окружающем мире пришли принципиально другие чувства, мысли, убеждения. Они были постепенно выстраданы и рождены любовью. Вот как определяется новая ипостась в становлении личности Казинцева и многих представителей «погибшего поколения» в данной статье: «Мы отвечаем за этот день не перед нынешними властями придержащими — перед Родиной» [5, с. 172].

На этом пути Казинцеву пришлось отказаться от многих (скорее всего, большинства) идей «погибшего поколения». Об одной из них, озвученной критиком мимоходом, следует сказать особо.

Во-первых, если бы статья Казинцева писалась уже в XXI веке, то, уверен, слова о тотальном хамстве были соответствующим образом прокомментированы. Не вызывает сомнений, что постсоветское, либерально-демократическое хамство не на один порядок выше, тотальнее хамства 70-х годов минувшего столетия.

Во-вторых, в 1991 году Казинцев точно передал одну из особенностей мироощущения, мироотношения и своего, и «погибшего поколения» в целом. Взгляд на окружающий мир, как на мир тотального хамства, порожден эгоцентризмом, лево-либеральным дальтонизмом. Эта интеллигентски западническая по своей природе «родовая травма» проступает через мировоззрение и творчество как московсковременцев (С. Гандлевского, Б. Кенжева,

А. Цветкова), так и самых разных русскоязычных писателей (от А. Вознесенского и В. Аксенова до В. Ерофеева и Л. Улицкой).

Именно «смену веж» Казинцева не могут понять и принять те, кто напоминает ему о «грехах» молодости. Александр Иванович же прошел путь, характерный для многих писателей, мыслителей, творческих людей XIX — XX веков. Первым ключевым эпизодом на этом пути национального самоопределения, «единения с народом», стала «встреча» с Василием Шукшиным. О ней в 2008 году Казинцев рассказал следующее: «Мощнейшим эмоциональным толчком стал для меня просмотр фильма Василия Шукшина «Калина красная». Приятель буквально затащил меня в кино. Но стоило мне увидеть лицо Шукшина, я вдруг почувствовал, осознал потрясённо: «Это — брат мой!» Он так же смеётся, так же печалится и мучается. Спустя годы я узнал, что это же ощущение испытало множество зрителей — от колхозных механизаторов до академиков.

И тут же — второе открытие — как ожог: «Я русский!» До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шукшин — член редколлегии «Нашего современника» и там напечатал лучшие свои произведения, в том числе и киноповесть «Калина красная» [2, с. 4].

В статье «Несвоевременный Катенин» память является силой, примиряющей два начала: индивидуализм и народность. С этим утверждением критика трудно согласиться. Индивидуализм исключает народность мировоззрения, творчества в ее традиционно-православном понимании. К тому же, память индивидуалистов, эгоцентрических личностей и память соборных личностей — это диаметрально противоположные явления.

Сущностный сбой произошел в первой статье Казинцева потому, что он не разделил понятия «индивидуализм» («индивид») и «личность». Годом раньше «Несвоевременного Катенина» была опубликована статья Юрия Селезнева «Глазами народа». В ней один из лучших критиков XX века исчерпывающе точно высказался по данному вопросу: «Личность начинается не с самоутверждения, но с самоотдачи. При этом происходит как бы самоотре-

чение, пожертвование своего Я ради другого. Но — в том-то и «диалектика»: через такого рода отречение от индивидуалистического, эгоцентрического Я человек из индивидуума перерождается в личность» [10, с.46].

Как видим, Ю. Селезнев, следуя христианской традиции, личность определяет через самоотречение, самопожертвование. И в этой связи неизбежно вспоминается «наставник» А. Казинцева, заведующий кафедрой критики МГУ доктор филологических наук, профессор Анатолий Бочаров. Он умудрился найти в самоотречении «оборотную сторону фрейдистского взгляда» [1, с. 295] и задал показательные, якобы риторические вопросы: «Почему обязательно подчинять себя целому (народу. — Ю. П.)? Вправду ли в человеке всегда существует нечто, которое требуется подчинять, подавлять? Неужели фатальна диктатура народа над личностью?» [1, с. 295].

Этот марксистско-либеральный мыслительный кентавр, как и сотни ему подобных («ханжеская христианская мораль»; «марксизм утвердил подлинную диалектику: обосновав реальность коммунистического общества, где будут созданы условия для правильной любви ко всем людям» [1, с. 293]), свидетельствуют о том, что мировоззренчески, духовно-культурно А. Бочаров и его единомышленники не способны — и тогда, и сегодня, и всегда — понять русскую литературу. И повторю, уже в другом контексте, Казинцеву повезло, что он не стал коллегой таких «специалистов» по русской литературе и критике.

Возвращаясь к статье «Несвоевременный Катенин», отмечу: те суждения критика, где вместо понятия «индивид» употребляется понятие «личность» возражений не вызывают. Например: «Память приобщает личность к народному единству. Это единство, осознаваемое обычно в момент национальных триумфов и катастроф, проявляется прежде всего в отношении к судьбе страны...» [3, с. 173].

Через семнадцать лет после появления статьи Казинцева Станислав Куняев в своих мемуарах «Поэзия. Судьба. Россия» верно заметил, что отошение к государству — одна из основных линий водораздела между писателями-патриотами и писателями-либералами в 1960—1980-е годы. Об этом на примере «Московского времени» и «погибшего поколения» написал Александр Казинцев в 1991 году: «На грани

восемидесятых <...> произошла показательная метаморфоза. Многие (думаю, здесь Александр Иванович преувеличивает. — Ю. П.) захотели “послужить”. Послужить Отчизне — именно так, с большой буквы»; «Тогда же и я пошел работать в журнал “Наш современник”, Юрий Селезнев призвал меня — послужить» [5, с. 173].

Так, идея «единения с народом» у Казинцева естественно закольцевалась идеей служения Отчизне, что подразумевало, как позже уточнит Александр Иванович в «Сраженных победителях», защиту интересов России и русских.

Здесь можно было бы поставить точку. Но, руководствуясь логикой выступления Казинцева на Десятой Кожинской конференции 2013 года, нельзя обойти вниманием один сюжет, который опоясно рифмуется с первым сюжетом.

МУЖЕСТВЕННЫЙ ПУТЬ ХУДОЖНИКА

В статье «Несвоевременный Катенин» Казинцев, подводя итоги жизненного и творческого пути своего героя, прошедшего под знаком «опыта беды» и «единения с народом», заявляет: «Автор, признанный “несвоевременным”, не только оригинально разрешил проблемы, стоявшие перед поэзией его эпохи, но и оказался современником художников иных эпох. Катенин доказал, что поэзия поэта, отнесенного на литературную периферию и в силу своего положения не связанного нормами господствующей эстетики, может быть творчески плодотворной. Успех Катенина был результатом обращения к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Судьба Катенина интересна и дорога для нас как пример последовательного мужественного пути художника...» [3, с. 177]. Эти слова двадцатисемилетнего автора статьи о Катенине в главном и в некоторых частностях рифмуются с сюжетом жизни и творчества Александра Казинцева.

Поэт, добровольно ушедший в самиздат в 1970-е годы, становится современником второго десятилетия XXI века. Первые публикации стихотворений Казинцева более чем сорокалетней давности свидетельствуют, что произведения автора не утратили своей силы, актуальности, это настоящая поэзия,

полноценное открытие которой, видимо, впереди.

Казинцев-зоил — уникальное явление в критике XX столетия. В 1980-е годы, сменив поэтическое амплу на новое, Казинцев за кратчайший срок стал одним из самых ярких и значительных критиков своего времени. Это я показал в статье «Александр Казинцев: Критик — это искусство понимания» [8, с. 187–198].

Почти тридцать лет своей жизни Александр Иванович посвятил публицистике (себя он называет политическим писателем). Его статьи и книги стоят в одном ряду с трудами Игоря Шафаревича, Вадима Кожинова, Александра Панарина, Михаила Назарова, Михаила Делягина и других выдающихся русских мыслителей последних десятилетий. По стилю же Казинцев, думаю, превосходит названных авторов: дает о себе знать его поэтическое «я».

Однако существует серьезнейшая проблема исчезновения читателя, о чем Казинцев говорил неоднократно. В конце 1980-х годов, в 1990-е Александр Иванович был личностью популярной. Его узнавали на улице, в метро. Вечера «Нашего современника», которые вел Казинцев, собирали многотысячную аудиторию. Высшим же читательским признанием для писателя стал следующий эпизод. Во время пересечения границы один из таможенников сказал другому, настойчивому, что не нужно проверять багаж Казинцева, так как он — писатель. На вопрос: «И что же он такое пишет?» — последовал ответ: «Он пишет правду!». И уже на Кожинской конференции Александр Иванович так прокомментировал данный эпизод: «Сколько бы ни было неудач, но такие слова, такие мгновения оправдывают жизнь, отданную безнадежному делу» [7].

В 2016 году, сравнивая современную читательскую аудиторию с аудиторией позднесоветского времени и 1990-х годов, Казинцев утверждает, что не стало читателя, «привыкшего слушать писателя и имеющего возможность слушать писателя. Сейчас говоришь как будто перед пустым залом. Иногда действительно пустым! Приезжаешь на выступление: там сидят три, четыре, пять человек» [6, с. 87].

Исчезновение слушателя, читателя, воспринимающего серьезные мысли, аналитические тексты, способного чувствовать, сопереживать другому, другим, болеть за народ и страну — очевидная и сверхнасыщенная проблема. О путях ее решения говорилось многократно, но «воз и ныне там», точнее, ситуация

только ухудшается. Русскому писателю, не взирая ни на что, остается (как сказано в «Несвоевременном Катенине» и в «Сраженных победителях») мужественное служение идеалам красоты, народной правды, защита интересов России и русских. «Подлинный патриотизм, — как справедливо говорил Александр Казинцев в 2015 году, — требует самопожертвования. Патриотизм ставит служение Родине выше личных интересов человека, о чем свидетельствует судьба Юрия Ивановича Селезнева. Только таким недюжинным людям под силу патриотическое подвижничество» [4, с. 8].

Патриотическое подвижничество, можно с уверенностью сказать, отличает и Александра Ивановича Казинцева, поэта, критика, политического писателя, редактора. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бочаров А. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. — М., 1977. — 368 с.
2. Казинцев А. Искусство понимать // День литературы. — 2008. — №10. — С. 4.
3. Казинцев А. Несвоевременный Катенин // Литературная учеба. — 1982. — №5. — С. 170 — 177.
4. Казинцев А. Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы Второй Международной научно-практической конференции. — Краснодар, 2015. — С. 4 — 9.
5. Казинцев А. Придворные диссиденты и «погибшее поколение» // Наш современник. — 1991. — №3. — С. 171 — 176.
6. Казинцев А. Русские пассионарии были всегда (беседа М. Синкевич) // Родная Кубань. — 2017. — №1. — С. 82 — 87.
7. Казинцев А. Сраженные победители // Парус. — 2014. — №1. — <http://pagus.ruspole.info/node/5034>.
8. Павлов Ю. Александр Казинцев: критика — это искусство понимания // Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. — М., 2010. — 304 — С. 187 — 198.
9. Павлов Ю. Мемуары последних лет: взгляд из Армавира // Павлов Ю. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX–XXI веков. — М., 2011. — С. 231 — 245.
10. Селезнев Ю. Глазами народа // Селезнев Ю. В мире Достоевского. Слово живое и мертвое. — М., 2014. С. 22 — 51.

ВИОЛЕТТА КОРЫШОВА

Родилась в селе Каракемер Республики Казахстан 27 декабря 1994 года. Магистрантка 2-го курса факультета журналистики КубГУ. Обладатель диплома «Акула пера-2015» в номинации «Лучший печатный материал». Публиковалась в газете русских писателей «День литературы», литературно-историческом журнале «Родная Кубань».

КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ (НЕ) ЧИТАЕМ

Есть такие книги, которые никогда не теряют актуальности. При этом неважно, когда они написаны: в 98-м году нашей эры или в начале двухтысячных. Одной из таких для меня является «Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание» монахини Нектарии (Мак Лиз) [1].

Книга написана в конце 90-х годов XX века и посвящена государыне императрице Александре Федоровне Романовой. Уверена, что многие даже не слышали о таком значимом (для девушек в первую очередь) труде Мак Лиз. Мое знакомство с книгой было случайным. Вернее, я увидела ее в рекомендациях православного блога и непременно захотела приобрести себе. Но все оказалось не так просто. Книги нигде не было в наличии. Даже известные интернет-магазины твердили: в данный момент товар отсутствует на складе. Сначала я подумала, что на нее большой спрос, а сейчас поняла: да, дело в спросе, но не в большом... Тираж издания, которое я приобрела, всего три тысячи экземпляров. И это легко объяснимо. Я не открою Америку, напомнив, что общество сегодня не заинтересовано в духовной литературе. Его волнуют другие темы.

О ПРЕДПОЧТЕНИЯХ В XXI ВЕКЕ

Так, лучшие продажи в сети магазинов «Читай-город» у книги «Вальс гормонов-2. Девоч-

ка, девушка, женщина + «мужская партия». Танцуют все!». Второе место по востребованности занимает творение Михаила Лабковского «Хочу и буду: принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым».

Бестселлерами на сайте Ozon.ru являются все тот же Михаил Лабковский со своим «Хочу и буду...» и «ЕГЭ 2019. Типовые экзаменационные варианты» (замечу, что одна такая «тетрадка» стоит 470 рублей). Здесь можно поразмышлять, как Федеральный институт педагогических измерений наживается на реформе образования.

Еще один известный книжный интернет-магазин «Лабиринт» сообщает, что «читатели выбирают сегодня» Светлану Алексеевич с книгой «У войны не женское лицо», фэнтези, любовные романы вроде «Моя босоногая леди» и детские издания.

Портал Book24.ru заявляет, что спросом пользуется творчество блогеров Натальи Красновой («Бывшие. Книга о том, как класть на тех, кто хотел класть на тебя») и Полины Масыгиной («Великий русский»).

Подводя итог, можно сказать, что современному обществу интересно понять, «как принять себя и стать счастливым», разобравшись со своими гормонами и положив на «бывших». Добавим, что немалое количество времени люди тратят на прочтение книг, посвященных поднятию самооценки, достижению успеха и построению карьеры. О какой духовности речь, когда надо бежать покорять мир и становиться знаменитым?

«ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ ИМЕНА ИХ, РОССИЯ?»

Однако проблема не только в предпочтениях современных людей. Иногда человеку необходимо указать верный путь. И сегодня это могли бы сделать СМИ или различные интернет-площадки. Но упоминаний о «Дивном свете» нигде, кроме православных сайтов или форумов, нет. Почему? Потому что автор – монахиня? Или дело в том, что здесь развенчиваются мифы и клевета в адрес императорской семьи? А может, причина кроется в проповеди истинных человеческих ценностей? Как бы там ни было, мое знакомство с трудом монахини Нектарии все же состоялось. И если средства массовой информацией не справились со своей задачей, то ваше внимание на книгу обращаю я.

Николай и Александра Романовы. Так сложилось, что мои познания о них ограничиваются лишь несколькими поверхностными и ничего не говорящими фактами: последняя императорская семья, члены которой были расстреляны; являются прототипами персонажей мультфильма студии Дисней «Анастасия». Да, стыдно. На уроках истории, как правило, мы не успевали «разобрать» XX век, поэтому изучали основные вехи этого периода галопом. К счастью или к сожалению, учитель не навязывал нам определенной точки зрения. У нас не было категорий «хорошо»/«плохо», только цифры, даты, факты... И каким же потрясением для меня стала книга монахини Нектарии! Она представила события не в сухом сжатом изложении, отстраненном от человеческих переживаний и судеб, как это есть в школьных учебниках. Здесь мы сталкиваемся с бурей эмоций людей, которые писали историю и совершали великие дела. «Дивный свет» дает нам возможность увидеть

изнутри, услышать от первого лица, как жили, о чем думали и волновались последние представители царской династии.

«После восьмидесятилетней клеветы, исходящей из богоборческих – большевистских, коммунистических и демократических – источников, пришло время позволить Императрице самой рассказать о своей собственной земной жизни». Неслучайно с этих слов Мак Лиз начинается повествование. Разные слухи об императорской семье, и более всего – об Александре Федоровне, появлялись еще в период царствования Николая II. Императрице приписывали роман с Григорием Распутиным, ее считали немецкой шпионкой в годы Первой мировой войны, называли «гессенской мухой». Самое главное, что распространителями этих небывших за частую были представители «высшего света». Фрейлина и подруга Александры Федоровны Анна Вырубова писала в своих мемуарах: «Кроме кутежей общество развлекалось новым и весьма интересным занятием – распусканием всевозможных сплетен про государыню. Типичный случай мне рассказывала моя сестра. Как-то к ней утром влетела ее belle Soeur г-жа Дерфельден, со словами: “Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что Императрица спаивает Государя, и все этому верят”» [2]. Политика очернения членов семьи Романовых продолжалась и после их расстрела. Подробнее об этом можно прочитать в материале Татьяны Мироновой «Как сотворили образ «царицы-изменницы».

Издание, подготовленное монахиней Нектарией, представляет собой сборник писем, дневников и записей императрицы, которые она вела в юности и в течение всех лет брака. Никаких авторских комментариев. Только мысли Александры Федоровны и ее близких. Также

Мак Лиз предлагает читателю жизнеописание, составленное на основе достоверных фактов. Оно проливает свет на различные ситуации, о которых идет речь в записях семьи Романовых.

Первые пометки будущая императрица, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская начала делать в 12 лет. Они никак не отражают внутренний мир Алисы, не раскрывают ее переживаний и не говорят о мировоззрении девушки. Но благодаря этим записям мы можем проследить, как жила и в каких условиях росла девушка. Кстати, уже в этот период здоровье принцессы оставляет желать лучшего: «Час посидела с Папой, а потом пошла в постель с РАЗЛАМЫВАЮЩЕЙСЯ ГОЛОВОЙ», «До полудня оставалась в постели с сильной головной болью. Встала на час и снова легла. Чувствую себя совсем плохо», – пишет Алиса. Мучили девочку не только головные боли: в ранние годы она уже страдала лицевой невралгией. Однако будущая императрица стремилась скрыть свое состояние от окружающих. И поскольку ежедневно ей приходилось терпеть невыносимую боль, выражение лица на фотографиях было суровым. Отчего в обществе установилось мнение, что это связано с надменным высокомерием девушки. В дальнейшем ей также будут вменять истерию, шизофрению и делать другие нелепые доводы.

Так, Семен Любош в 1924 году в книге «Последние Романовы» писал: «Александра Федоровна была болезненно застенчива. На людях лицо ее покрывалось нервными пятнами, губы судорожно подергивались. И была она одинока, ни она никого не любила, ни ее никто не любил. Муж – ничтожный и по уму, и по характеру, серенький офицерик, в котором не было ни на один дюйм монарха», «Но дети – рождаются все девочки, одна, другая, третья, четвер-

тая. Нет наследника, нет опоры для трона, нет будущего. И у Алисы развивается истерия и... религиозность» [3]. Стоит ли комментировать это и говорить, что при большевистской власти очернение императорской семьи было одной из главных задач?

Выше упоминалось, что книга «Дивный свет» не только интересна, но и полезна – в первую очередь девушкам. Это действительно так. Почему? Во-первых, потому что сама Александра Федоровна является примером истинной женщины, на которую следует равняться. Она мудрая, верная, религиозная, честная, справедливая, добрая, милосердная. Во-вторых, автор отобрала и рассортировала письма так, что в них мы находим ответы на самые важные вопросы: религия, брак, семейные отношения, материнство, предназначение женщины.

Отдельного внимания заслуживает история любви Николая II и Александры Федоровны. Наверняка, некоторые не знали, что будущий император добивался расположения принцессы Алисы пять лет. Более того, все это время они не могли вести личную переписку до своей помолвки. Поэтому цесаревич обратился за помощью к сестре принцессы как к человеку, с которым он мог говорить о своих чувствах. Не удивлюсь, если кому-то неизвестно, что будущая императрица не отвечала на ухаживания лишь потому, что не могла предать свою веру (лютеранство), предать Господа. Ведь по правилам, чтобы стать женой императора, необходимо было перейти в православие. Сомнения и переживания молодой девушки найдут отклик в душе любого из нас.

Читая переписку, забываешь о том, каким великим людям принадлежат письма. Ведь это и неважно, когда перед тобой открывается глу-

бокая взаимная любовь. Я искренне переживала, удивлялась и радовалась вместе с «Аликс» и «Ники». Мне даже было грустно. Грустно от того, что сегодня практически не встретишь такого трепетного отношения к другому человеку. Никакой пошлости, нахальства и эгоизма. Только вера, самопожертвование и благородство. И самое главное, что Александра Федоровна и Николай Александрович пронесли эти светлые и чистые чувства через всю свою жизнь, до последней минуты.

В одном из писем к супругу императрица писала так: «Наша любовь и наша жизнь – это одно целое, мы настолько соединены, что нельзя сомневаться и в любви, и в верности – ничто не может разъединить нас или уменьшить нашу любовь» (1909) [1, с. 240].

И даже спустя 20 лет брака царская чета обращалась друг к другу ласково: «мой родной, дорогой Ники» и «мое родное, любимое Солнышко, дорогая Жена».

Как и полагается любой женщине, Александра Федоровна была опорой своему мужу, поддерживала его и стойко переносила разлуку: «Я очень счастлива за тебя, что, наконец, тебе удалось уехать, так как я знаю, как ты глубоко страдал все это время – даже спал беспокойно. Эту тему я преднамеренно не затрагивала, зная и хорошо представляя твои чувства и в то же время понимая, что для тебя лучше уехать и стать во главе армии. <...> Еще труднее, чем обычно, прощаться с тобой, мой ангел... такая пустота после твоего отъезда» (1914) [1, с. 248].

Также из переписки мы узнаем о том, как императрица приняла православную веру, как жила ею не на словах, а на деле – занималась благотворительностью, помогала больным и раненым в госпиталях во время Первой мировой

войны; как воспитывала детей, находила подход к каждому своему ребенку, переживала за семью и подданных.

Здесь же мы увидим, что в конце жизненного пути царская семья не озлобилась, не сбежала из страны (Романовым предлагали уехать в Европу), не прокляла обидчиков, а, наоборот, со смирением и покорностью приняла свою судьбу.

В 1918 году императрица писала Анне Вырубовой: «Как я люблю мою страну, со всеми ее недостатками. Она мне все дороже и дороже, и я каждый день благодарю Господа за то, что Он позволил нам остаться здесь, а не послал далеко отсюда...» [1, с. 431].

В заключении Александра Федоровна также ведет дневник. Записи лаконичны и не отражают лишений, которым были подвержены супруги и их дети: «Ящики с вином, которые нам привезли, вылили в реку, таково было желание солдат гарнизона...» [1, с. 444], «Я сидя принимала ванну, так как горячую воду можно было принести только из кухни» [1, с. 454], «Твердокаменный комендант настаивал на том, чтобы увидеть нас в 10 часов, но заставил прождать 20 минут – пока завтракал и ел сыр; нам больше не разрешают получать сливки» [1, с. 462].

В этом жизнеописании Мак Лиз раскрывает картину тех дней: «Новые охранники были безжалостны и грубы. Они говорили гадости, отбирали игрушки у царевича, совали палки в спицы велосипеда Николая Александровича, когда он ездил по дорожке парка», «Когда домочадцы работали на грядках, Александра Федоровна сидела рядом со своим рукоделием. Охранники часто обменивались грубыми шутками, чтобы посмотреть на ее реакцию, а то и пускали папиросный дым прямо ей в лицо» [1, с. 429].

Несмотря на подобное отношение к себе, Александра Федоровна и ее родные оставались дружелюбными и благородными: в канун Рождества императрица приготовила для своих тюремщиков елку и еду, подарила каждому Евангелие с закладками, которые сама разрисовала. И таких примеров много.

Показательна запись княжны Ольги, сделанная ею еще в Тобольске, где царская семья находилась в заключении: «Отец просит передать всем, кто остался ему верен, и тем, на кого эти преданные люди могли бы повлиять, чтобы они не мстили за него – он простил всех и молится за всех, но чтобы они помнили, что зло, которое есть сейчас в мире, станет еще более сильным, и что зло можно победить не злом, а любовью» [1, с. 357].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сегодня все страшнее осознавать, что общество XXI века провозгласило главными ценностями карьеру, богатство, власть. Иногда кажется, что в этом мире не осталось места для благородства, доброты, честности: людьми движут гордыня и эгоизм. Но я точно знаю, что есть среди нас те, кто готов еще бороться со злом, отстаивать справедливость, пропагандировать традиционные, свойственные русскому человеку устои.

И пусть одним из помощников на этом сложном пути для вас станет «Дивный свет» монахини Нектарии. Ведь на страницах этой книги мы находим вдохновение в семье, являющейся примером бережного отношения друг к другу и проявления истинной христианской любви. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1.Мак Лиз. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. – М. : Русский паломник. – 2017. – 654 с.
- 2.Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1966>.
- 3.Любош С. Последние Романовы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=218042&p=1>.

ВЛАДИМИР РУНОВ

Герой труда Кубани, писатель, заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный журналист Кубани и Адыгеи, доктор филологических наук, профессор. Живет в Краснодаре.

КОД ЖИЗНИ

В писатели, как известно, люди выходят из разных житейских углов, но не часто, особенно те, кого не заметить нельзя. Ну, а тот, кто заметен, обязательно окажется с судьбой интереснее не придумаешь. Так и Владимир Павлюченков, один из самых знаковых граждан славного города Армавира, с которым его судьба связана более полувека... В детстве и юности, особенно той, которая выпала на первые послевоенные годы, у Володи Павлюченкова было все как у многих: школа, работа с 14 лет, ремесленное училище, комсомол, работа на производстве, стремление познать жизнь в тех процессах, которые диктовало трудовое многообразие, стремительно уходящее от послевоенной разрухи. Уверенность, что завтрашний день будет лучше, чем прожитый, заставляла молодого парня искать личную удачу там, где жизнь идет по «заводскому гудку».

Родившись на Смоленщине, Владимир Николаевич с 1953 года проживает на Кубани, в городе, к которому привязан столь прочно, что сегодня представить Армавир без Павлюченкова просто невозможно. Если уезжал, то коротко, например, на службу в рядах Советской армии, на учебу в Высшую школу экономики труда, которую окончил заочно, уже работая немалым хозяйственным руководителем по штатному расписанию: председателем профкома ПО «Точмашприбор», замом генерального директора по производству в ПО «Весомизмеритель», директором кондитерско-макаронного комбината в Армавире, директором ОАО «Кубарус — Молоко». Трудовая биография Павлюченкова совсем не предполагала литературной деятельности, тем более что производственная и общественная успешность, в конечном итоге, привела его на очень высокий

пост — председателя Армавирской городской думы в самое сложное время — смены общественного устройства от социализма к капитализму.

Я заметил, что личная социальная активность очень многое определяет в человеческой судьбе и прежде всего в стремлении расширить свое собственное представление о реальных житейских процессах в одном из крупнейших городов Кубани. Со всей очевидностью, сегодня можно утверждать, что Павлюченков, возглавляя в Армавире депутатский корпус, во многом определил городскую действительность, выходящую из кризисных процессов девяностых годов.

Мне кажется, что именно на этом этапе в нем, активном и мыслящем человеке, проснулся писательский синдром. Иными словами, желание поделиться своими мыслями и наблюдениями о фактах, событиях, которые приходилось переживать в разные годы. Самым трагическим из них стало губительное наводнение лета 2002 года, которое потрясло многотысячный Армавир непривычной жертвенностью.

Может быть, именно тогда, в пору тех воистину жестоких испытаний, когда приходилось не жалея себя противостоять стихии, у Павлюченкова появилось желание оставить свои личные впечатления о трагедии, потрясшей его, одного из руководителей спасательных операций, до глубины души и появилась документальная повесть «Стихия воды и люди».

Сопереживание — одно из важных условий писательских успехов и это качество, безусловно, присуще духовному миру Владимира Павлюченкова. Мы дружим с ним много лет и я всегда удивлялся тому многообразному духовному наполнению, ко-

торое отличало Павлюченкова и подталкивало его к журналистско-литературному промыслу, чтобы еще и еще раз вернуться к многочисленным встречам и контактам, которые во многом определяли его внутренний мир и писательские перспективы.

Он встречался, а часто и дружил с редкими и знаковыми людьми, которые так или иначе были связаны с Армавиром: летчиком-космонавтом гагаринского отряда Виктором Горбатко, легендарным генералом Валентином Варенниковым, дочерью маршала Георгия Жукова Эрой, певицей Валентиной Толкуновой, выдающимся строителем Мином Чентемировым, всякий раз связывая эти замечательные имена с историей своего родного города.

Первые творческие опыты, еще осторожные и робкие, уже обратили доброжелательное внимание читателей, особенно крохотной книжицей о прелестях кубанской рыбалки. Тогда еще трудно было предположить, что автор сможет выйти за рамки частных наблюдений, так и оставшись в состоянии лирики милых частных. Так сегодня поступают многие, особенно прожившие большую и интересную жизнь. Но, сбросив груз депутатских обязанностей, Павлюченков вдруг взвалил на свои плечи такую махину, что только диву остается удивляться.

Он создал историю-летопись своего города, воплощенную в многотомное издание, наполненное этапами развития, яркими событиями, многочисленными именами, а самое главное — со всей степенью писательской чувственности, рассказал о сотнях людей, создающих славу замечательного кубанского города, на вокзальном перроне которого гуляли все прошлые лидеры нашего государства — от Сталина до Брежнева.

Его личное участие в создании этого воистину уникального литературного и исторического памятника раскрыло способности не только серьезного исследователя, умеющего работать с документами, но и способствовало созданию системной картины

жизни города Армавира за многие и многие годы.

Заметность этого события трудно переоценить хотя бы потому, что ни в одном муниципальном образовании ничего подобного нет, как и нет второго Павлюченкова. Но если откровенно, то повторить подобное сложно, а если точнее, то очень сложно, ибо в армавирском случае сошлись как минимум две уникальности. С одной стороны яркая личность, а с другой — город, где начинались судьбы людей, ставшие для нашего государства наиважнейшими. Например, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, получивший тут, на городской армавирской площади, знак своего первого офицерского звания — красные революционные шаровары. Это не единственный армавирский факт из жизни прославленного полководца, если еще добавить, что последняя служебная командировка в войска министра обороны СССР состоялась именно сюда, в город его боевой молодости.

Я знаю, что эта тема очень волнует Павлюченкова, собравшего, «отцифровавшего» множество уникальных фактов из жизни замечательных людей, особенно тех, кто родился, жил и по разным поводам бывал в Армавире. Уверен, что это будет очень интересная книга, ибо ее напишет человек, сумевший разгадать код своей жизни, в котором литературное творчество стало делом очень необходимым нам всем, а трудовому, «упертому», интереснейшему городу Армавиру — в первую очередь. ■

Редакция «Родной Кубани» тепло поздравляет нашего друга, соратника с юбилеем и желает крепчайшего здоровья и долгих лет творчества, многогранной жизни!